

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 8

Academic Journal

Series:

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow Journal of Linguistics
Volume 17 (2)

Moscow 2015

ВЕСТНИК РГГУ

№ 8

Научный журнал

Серия

«История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Московский лингвистический журнал

Том 17 (2)

Москва 2015

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель), Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, академ. РАН, д-р филол. н. (РГТУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГТУ), В.В. Иванов, академ. РАН, д-р филол. н., проф. (РГТУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартти, Сорбонна, Франция), И. Клоканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГТУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГТУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГТУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, академ. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГТУ), В.А. Тишков, академ. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГТУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГТУ), А.О. Чубарьян, академ. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шакина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГТУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГТУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГТУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., проф. (РГТУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГТУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГТУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГТУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГТУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГТУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н. (РГТУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГТУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГТУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГТУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., проф. (РГТУ), И.В. Кондаков, д-р филол. н., проф. (РГТУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГТУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГТУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГТУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГТУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГТУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГТУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГТУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГТУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГТУ), Р.И. Розина, д-р филол. н., проф. (РГТУ; ИРЯ РАН), И.С. Смирнов, канд. филол. н., проф. (РГТУ), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н., проф. (РГТУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГТУ), В.И. Топа, д-р филол. н., проф. (РГТУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГТУ; ИВИ РАН), А.С. Усачев, д-р ист. н., проф. (РГТУ), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГТУ; МГИМО (У) МИД РФ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГТУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГТУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГТУ)

Московский лингвистический журнал. Том 17 Вып. 2

Редакционная коллегия выпуска

С.И. Гиндин, отв. ред., канд. филол. н., проф., Н.Г. Семёнова, отв. секр., О.А. Казакевич, канд. филол. н., доц. (РГТУ, МГУ), Ю.Б. Коряков, канд. филол. н. (ИЯ РАН), А.В. Костыркин, канд. филол. н., доц. (РГТУ, ИВ РАН), Р.Н. Златинский, канд. филол. н. (РГТУ), И.А. Мельчук, проф. (Монреаль), М.Б. Рукодельникова, канд. филол. н., доц. (РГТУ), Л.Л. Фёдорова, канд. филол. н., доц. (РГТУ), З.М. Шаляпина, канд. филол. н., доц. (ИВ РАН).

СОДЕРЖАНИЕ

С.И. Гиндин О двух лингвистических датах 2015 года.....	7
--	---

Теоретические и описательные исследования

К.Т. Гадилия Из истории изучения артикля в персидском языке.....	9
А.В. Дегтярева О значении японской формы на <i>-tari</i>	14
С.В. Лахути Формальная рамка писем в «Шах-наме»: между персидской доисламской и арабо-персидской традициями.....	30
Г.А. Мороз Адыгские идиомы в Турции: от первых описаний до собственной письменности.....	44
Л.Л. Федорова Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке.....	61

К 50-летию модели «Смысл ↔ текст»

Igor Mel'čuk A General Inventory of Surface-Syntactic Relations. Part One.....	75
---	----

Лингвистика в кругу наук

А.С. Ванюков К реконструкции и интерпретации надписи из Киуса.....	104
И.В. Рыбакова Гомеровские формулы, характеризующие оружие и его обладателей, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.....	127

Московские лингвисты

Н.А. Шеманова К биографии Сильвии Семеновны Белокриницкой – лингвиста и переводчика.....	133
Abstracts.....	155
Сведения об авторах.....	158

CONTENTS

Sergei Gindin On Two Linguistic Anniversaries of This Year.....	7
--	---

Theories and Descriptions

Ketevan Gadilia Some notes on History of Investigation of Persian Article.....	9
Anna Degtyareva On Semantics of the Japanese “Tari Form”.....	14
Sofia Lahuti On Initial and Final Requisites of the Letters in <i>Shahnameh</i> : Between the Iranian Pre-Islamic and Iranian-Arabic Traditions.....	30
George Moroz Adyghe Varieties in Turkey: From First Descriptions to Their Own Writing System.....	44
Liudmila Fedorova Compound Adjectives of Inalienable Possession in Russian.....	61

To Fifty Anniversary of the “Meaning ⇔ Text” Theory

Igor Mel’čuk A General Inventory of Surface-Syntactic Relations. Part One.....	75
---	----

Linguistics Among the Other Sciences

Andrey Vanyukov About Reconstruction and Interpretation of Cius’ Inscription.....	104
Irina Rybakova Homeric Epithets Characterizing Weapons and its Owners in the “Argonautica” of Apollonius Rhodius.....	127

Linguists of Moscow

Natalia Shemanova Sylvia Belokrinickaja: a Biography of a Linguist and Translator.....	133
Abstracts.....	155
General Data About the Authors.....	159

О двух лингвистических датах 2015 года

Вступление к номеру посвящено 20-летию журнала и 50-летию научного направления, известного как Модель «Смысл ↔ Текст». Говорится о влиянии этих дат на композицию номера.

Ключевые слова: Московский лингвистический журнал; модель «Смысл ↔ Текст»; А.К. Жолковский; И.А. Мельчук.

Двадцать лет назад, 1 ноября 1995 года в Издательском центре РГГУ был подписан к печати первый том «Московского лингвистического журнала» (МЛЖ). Протекшие два десятилетия были непростыми и для науки, и для научного книгоиздания. Менялись, по обстоятельствам, статус журнала¹, объем его номеров, и библиографическая характеристика, но журнал, если не считать промежутка, непосредственно следовавшего за дефолтом 1998 г.², продолжал исправно приходить к читателям.³

Появление на его страницах работ выдающихся лингвистов наших дней и неизвестных материалов классиков науки, перевод отдельных публикаций журнала на иностранные языки, включение МЛЖ в список рецензируемых научных изданий ВАК, непрекращающееся поступление в редакцию новых статей – всё это свидетельствует, что МЛЖ обрёл своё место в системе научных коммуникаций лингвистики, да и гуманитарного знания в целом.

В связи с этой датой редколлегия собиралась открыть предлагаемый номер статьёй об истории замысла МЛЖ и некоторых уроках его издания. Но жизнь напомнила нам о другой, более весомой и общезначимой юбилейной дате 2015 года, которая почему-то не привлекла должного общественного внимания.

Наш давний автор Игорь Александрович Мельчук предоставил редакции своё новое исследование по теории и типологии синтаксиса. Знакомясь с ним и невольно проецируя его на более ранние синтаксические работы автора, мы осознали, что именно в текущем году исполняется пятьдесят лет со дня появления первой статьи А.К. Жолковского и И.А. Мельчука о семантическом синтезе.⁴ Эта статья и последовавшие за ней⁵ были сразу восприняты как революционное событие в области машинного перевода. Но понятие «се-

мантического синтеза» очень скоро уступило место «действующим моделям языка»⁶. Становилось ясно, что происходит смена общего взгляда на язык и задачи языкознания.⁷

Так полвека назад началась печатная история исследований по модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», ставшей одним из влиятельных направлений отечественной лингвистики и важным явлением нашей научной и культурной жизни. Предложив нам свою статью, Игорь Александрович дал МЛЖ редкую возможность: отметить юбилей научного направления не историографическим анализом, а публикацией его новейших и при том фундаментальных результатов!

Естественно, редколлегия не могла не ухватиться за такую возможность. Правда, из-за большого объема исследования И.А. Мельчука публикацию пришлось разделить на две части, но первая из них, содержащая всю теоретическую основу построений, приходит к читателям именно в этом юбилейном году.

Учитывая, что модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» под именем «*Meaning \Leftrightarrow Text*» *Theory* давно развивается и за рубежами России и стала даже темой особых международных конгрессов, редколлегия решила напечатать статью И.А. Мельчука в оригинальной версии на английском языке.

А историю возникновения и опыт издания нашего журнала мы, надеюсь, сможем обсудить в последующих номерах.

Примечания

- ¹ Гиндин С.И. Серия «Языкознание» Вестника РГГУ – новое издание с почтенной биографией // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание / МЛЖ». 2007. № 9/2. С. 9.
- ² Содержание номеров, вышедших до вхождения МЛЖ в число серий «Вестника РГГУ» отражено в работе: Материалы, опубликованные в «Московском лингвистическом журнале» в 1995 – 2006 гг. / Сост. Семенова Н.Г. // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание / МЛЖ». 2007. №8. С. 264-271. Последующие номера выставлялись на сайте РГГУ.
- ³ См.: Гиндин С.И. К читателям возобновляемого журнала // Московский лингвистический журнал. 2001. № 5/1. С. 2.
- ⁴ Жолковский А.К., Мельчук И.А. О возможном методе и инструментах семантического синтеза // Научно-техническая информация. 1965. №6. С. 22-28.
- ⁵ Итоговой среди них стала обширная работа Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1967. Вып. 19. С. 177-238.
- ⁶ Мельчук И.А. К построению действующей модели языка // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 82-89.
- ⁷ В этой связи важной вехой была статья Мельчук И.А., Фрумкина Р.М. Кибернетика и некоторые проблемы современной лингвистики // Кибернетика на службе коммунизму. Т. 3. М.-Л.: Энергия, 1967. С. 294-302.

Теоретические и описательные исследования

К.Т. Гадилия

Из истории изучения артикля в персидском языке

В настоящей статье описывается история изучения артикля персидского языка начиная с конца XVIII в. вплоть до наших дней. В представленном кратком историческом обзоре привлечены доступные для нас грамматики и исследования, опубликованные в Великобритании, в Германии, в Франции и в России с целью показать основные тенденции в ориенталистике в изучении вышеназванного грамматического элемента.

Ключевые слова: персидский язык, артикль, категория определенности и неопределенности.

Известное мне первое упоминание об артикле в персидском языке относится к концу XVIII в. В грамматике персидского языка известного востоковеда, основателя «Азиатского общества» сэра Уильяма Джонса опубликованном в 1771 г.,¹ в краткой главе «Об артикле» [Of the article] артикль описывается следующим образом: «В персидском наш артикль *a* [our article *a*] выражается [is fulfilled] добавлением к имени существительному буквы *-i*, который ограничивает имя для обозначения единственного числа». Автор приводит пример *gul* – *gul-i*² и объясняет, что «без этого окончания [termination] *gul* мог бы обозначать *розы* или *цветы*». Статус артикля обозначен опосредованно через сравнение морфемы персидского языка с английским неопределенным артиклем. Грамматика была переиздана дважды в 1809 г. и в 1823 г., а в 1847 г. была переведена на немецкий язык.

В 1841 г. в Лондоне публикуется «Грамматика персидского языка» Мирза Мохамеда Ибрагима [Meerza Mohammad Ibrahim].³ В 1843 г. грамматика переиздана, а в 1847 г. и в 1875 г. выходит перевод на немецкий язык. В первом издании Мирза Мохамед Ибрагим отмечает, что в персидском языке нет большого многообразия склонения или артиклей [there is no varieties of «Declension», or of «Articles»]⁴. Автор практически повторяет высказанное ранее

У. Джонсом мнение, но уже интерпретирует морфему *-i* исходя из специфики имени существительного персидского языка (общее и конкретное) – для обозначения неопределенности или для выражения единственности (unity) к имени добавляется буква *-i*⁵. Однако в немецком издании 1875 года, Мирза Ибрагим предлагает несколько иное видение и рассматривает два элемента: *yā-ye vahdat* (Die numerische bestimmte) – «*-i* определенности» (букв. «численной определенности») и *yā-ye nakare/tankir* (die individual unbestimmte Einheit) – «*-i* неопределенности» (букв. «неопределенность конкретного, индивидуального единства»)⁶. Автор использует терминологию, принятую в классической персидской грамматической традиции, которая будет в дальнейшем применяться в некоторых других европейских грамматиках, как, например, в грамматическом очерке В.С. Расторгуевой (см. ниже).

В 1831 г. Пол Поссарт [Paul Anton Fedor Possart] в своей грамматике заявляет, что в персидском языке есть только неопределенный артикль [Die Perser haben blos den unbestimmten artikel]⁷. Он обращает внимание на происхождение артикля от числительного «один» и указывает на аналоги из еврейского, сирийского и халдейского (скорее всего имеется ввиду арамейский язык) языков.

Таким образом, уже с конца XVIII в. сложились несколько подходов в описании категории определенности и неопределенности персидского языка и определения статуса грамматического инвентаря маркирующего эти значения:

- наличие грамматического маркера неопределенности (без определения статуса);
- наличие одного, неопределенного артикля (яйе накаре, яйе танкир);
- наличие двух артиклей определенного (яйе вахдат, яйе ма'рефе) и неопределенного (яйе накаре, яйе танкир);

В российской иранистике первая грамматика персидского языка появляется в 1853 г.⁸ В конце XIX в. публикуется знаменитая грамматика К.Г. Залемана и В.А. Жуковского⁹, а в 1927 г. выходит грамматика Л.И. Жиркова¹⁰. В российской традиции наличие двух артиклей поддержал Е.Э. Бертельс¹¹, который в своей грамматике говорит о наличии сходных по форме, но различных по значению неопределенном и определенном члене (т.е. артикль).

В кратком грамматическом очерке В. С. Расторгуева (1953)¹² также поддерживает тот подход, который признает наличие двух элементов, но избегает определить более точно их грамматический статус. Она пишет, что неопределенность или единичность предмета выражается с помощью особого суффиксального показателя

س (йа-йе vāhdāt – س единичности). Суффиксальный показатель س присоединяется к имени также в том случае, когда за ним следует определительное придаточное предложение: šāxs-i ki īnjā amād barādar-e māt āst – человек, который пришел, мой брат. Такое С персы называют йа-йе эшарāt¹³.

В.С. Расторгуева обращает внимание на случаи отсутствия специальных показателей определенности или неопределенности и называет два таких варианта:

а. когда речь идет не о конкретном предмете, а о предмете вообще (о категории однородных предметов или о веществе).

aiā īnjā miz hāstānd? – есть ли здесь стол? (не конкретный стол, а стол вообще).

б. когда говорится об определенном предмете, но эта определенность ясна из контекста, и потому нет необходимости особенно ее подчеркивать, например, если предмет упоминался прежде:

moāllem kar-e danešjuī ra did va ū-ra sotavad. danešjuī xeili xošnud šod – учитель увидел работу одного ученика и его похвалил; ученик очень обрадовался.

За рамки описания морфологического статуса этого элемента впервые вышел Ю.А. Рубинчик. В своей работе «Сложные предложения с придаточным определительным в современном персидском языке»¹⁴ он углубил те идеи, которые ранее высказала В.И. Расторгуева. По его мнению, функция, выполняемая артиклем, может быть сравнима с функцией падежной флексии. Конкретное грамматическое значение имени существительного с артиклем, как и значение той или иной падежной формы имени существительного, раскрывается наиболее полно не в масштабе отдельного слова, а при употреблении в предложении. В этой работе Ю. Рубинчик показатель неопределенности назвал выделительным артиклем. В своей фундаментальной грамматике персидского языка¹⁵ Ю.А. Рубинчик еще раз подтвердил ранее высказанные положения.

Терминологическому разнобою, а также проблеме наличия двух показателей сходных по форме, но различных по содержанию, посвящается статья известного ираниста Жильбера Лазара¹⁶. В статье автор предлагает основательный обзор и анализ иранских и европейских исследователей. В этой статье Ж. Лазар рассматривает работу Ю.А. Рубинчика о сложном придаточном предложении и разделяет его мнение о выделительном артикле.

В грамматике персидского языка Анны Лэмбтон (Ann K. Lambton)¹⁷ высказывается мнение, что в персидском языке нет ни определенного, ни неопределенного артикля. Она практически повторяет формулировку двухсотлетней давности Уильяма Джонса: «имя ста-

новится неопределенным с помощью добавления \mathfrak{S} [i]». В последнее время точка зрения об отсутствии артикля разделяется все большим числом современных ученых. Об этом свидетельствует написанная в соавторстве глава Джоном Перри и Гернотом Виндфуором¹⁸ в изданном в 2009 году энциклопедическом описании иранских языков. В частности, авторы отмечают, что в персидском и таджикском языках неопределенность маркируется энклитическим (безударным) *-i/-e*, никак не определяя статус грамматического элемента.

В заключении данного обзора, нельзя не упомянуть о том, что иранские ученые последовательно придерживаются традиционного мнения о наличии двух артиклей определенности и неопределенности.

Ирадж Афшар¹⁹ уверен в существовании двух артиклей в персидском. Он выделяет совершенный и несовершенный виды неопределенного артикля. Определенный артикль, по его мнению, встречается только в сложных предложениях с определенным придаточным в конструкции типа *kas-i ke* «тот, кто».

Ахмад Шафай²⁰ поддерживает мнение о наличии двух изолированных морфем *yā-ye nakare* и *yā-ye wahdat*, которые являются экспонентами двух отличных друг от друга значений. При этом, автор утверждает, что в персидском есть также формообразующая морфема *yā-ye nakare*, с помощью которого выражается грамматическая категория выделенности (*tafkik*).

Таким образом, во второй половине XX в. основные подходы описания определенности и неопределенности персидского языка сохранились. Терминологический разнобой не только сохранился, но даже увеличился. В заключении хотелось бы отметить, что наподобие авторов очерка в «Основах иранского языкознания»²¹, я солидаризируюсь с мнением, принятым в отечественной иранистике, что не исключает пересмотра этой позиции в будущем.

Примечания

¹ William J. A grammar of the Persian Language. London, 1828. P. 21.

² В статье транслитерация иллюстративного материала не унифицирована и, в основном, приводится в авторской транслитерации.

³ *Ibrahem, Meerza Mohammad*. A grammar of the Persian Language to which are Subjoined Several Dialogues with an Alphabetical History of the English and Persian Terms of Grammar and an Appendix of the Use of Arabic Words. Halleybury, London, 1841.

⁴ Там же. С. 22

⁵ Там же. С. 32

- ⁶ *Ibrahim, Mirza Mohhamed.* Grammatik der lebenden persische Sprache. Leipzig. 1875. P. 31-32.
- ⁷ *Paul Anton Fedor Possart.* Grammatik der persischen Sprache. Leipzig, 1831. P. 44-45.
- ⁸ *Берзин И.Н.* Грамматика персидского языка. Казань, 1853.
- ⁹ *Залеман К.Г., Жуковский В.А.* Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии. СПб., 1890.
- ¹⁰ *Жирков Л.И.* Персидский язык. Элементарная грамматика. М., 1927.
- ¹¹ *Бертельс Е.Э.* Грамматика персидского языка. Л., 1926.
- ¹² *Расторгуева В.С.* Краткий очерк грамматики персидского языка / В.С. Расторгуева // Персидско-русский словарь : ок. 35 000 слов / Сост. Б.В. Миллер, В.С. Расторгуева . М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. С. 626.
- ¹³ Там же. С. 627
- ¹⁴ *Рубинчик Ю.А.* Сложные предложения с придаточным определительным в современном персидском языке. М., 1959.
- ¹⁵ *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного литературного персидского языка. М., 2001.
- ¹⁶ G. Lazard L'enclitique nominal *-i* en Persian: un ou deux morphèmes? Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T.61. Paris, 1966. P. 249.
- ¹⁷ *Lambton Ann K.* Persian grammar. Cambridge, 1976. P. 3.
- ¹⁸ The Iranian Languages / Ed. by Geront Windfuhr, London & New York, 2009.
- ¹⁹ *Афшар Ирадж.* *-i* неопределенности и *-i* определенности // Аянде. Тегеран, 1991. №1-4. С. 28-30 (на персидском языке).
- ²⁰ *Шафаи Ахмад.* Основы иранского языкознания. Тегеран, 1984. С. 14 (на персидском языке).
- ²¹ Основы иранского языкознания. Кн. 3. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М., 1982. С. 110.

О значении японской формы на *-tari*¹

Статья посвящена анализу семантики одной из распространенных в японском языке и специфичных для этого языка форм – так называемой форме репрезентативности с суффиксом *-tari*. В зависимости от контекста данная форма может выражать как пренебрежение, так и вежливость, но все эти прагматические эффекты являются лишь производными от общего значения нечеткости, которую содержит в себе форма на *-tari*.

Ключевые слова: японская форма на *-tari*; нечеткость; репрезентативность.

1. Постановка задачи

В данной статье рассматривается семантика японского деепричастия репрезентативности на *-tari* (или с учетом всех вариантов *-dari*, *-itari*, *-idari* и *-kattari* после показателя отрицания). В работах различных исследователей неоднократно отмечалось, что в современном японском языке эта форма не обязательно выражает репрезентацию как таковую. У нее есть значения, которые трактуются как неожиданность² или маловероятность описываемого события³, а сама форма на *-tari* рассматривается как средство выражения вежливости⁴, презрения⁵, смягчения⁶, шутки⁷ и т. п.

В данной работе мы обоснуем принадлежность значения формы на *-tari* к категории «нечеткой» или «размытой» номинации, которую в англоязычной литературе принято называть *vagueness* («нечеткость», «размытость»), а в литературе на японском языке *bokashi hyogen* («нечеткие выражения») или *aimai hyogen* («расплывчатые выражения»). Мы покажем, что благодаря исходному значению нечеткости могут проявляться дополнительные прагматические эффекты – презрение, шутка, вежливость, смягчение, неожиданность и т. п.

Материалом для данного исследования послужили три современных корпуса текстов – корпус блогов, художественный корпус и устный корпус⁸.

2. Обзор значений формы на *-tari*

Показатель *-tari* может присоединяться к глаголу (возможны также алломорфы *-dari* и *-kattari* при отрицании), прилагательному (в этом случае форма имеет вид *-kattari*), а также к существительному и полупредикативному прилагательному через неадресивную связку *da* (*dattari*). Японская конструкция с *-tari* обычно строится по общей схеме X1 + *tari* (X2 + *tari*... Xn + *tari*) Vaux, где X – глагол, прилагательное или существительное, а Vaux – вспомогательный глагол (обычно *suru* «делать»), который может опускаться в некоторых случаях. В стандартном случае конструкция имеет значение «(делать) X1 (X2... Xn) и тому подобное».

Большинство японских толковых словарей⁹ выделяют в качестве основного значения формы на *-tari* выражение нескольких однотипных действий/состояний. Данное значение называют еще репрезентативным, поскольку оно показывает (репрезентирует) неполный список при перечислении: «...событие входит в некоторый ряд событий, полностью не перечисляемый (и обычно до конца не определенный), упоминаясь в качестве примера»¹⁰:

- [1] *Hon o yon-dari tegami o kai-tari su-ru*
 Книга ACC читать-APPR письмо ACC писать-APPR VRB-PRS
hima mo na-i
 свободное.время тоже нет-PRS
 'Нет даже времени на то, чтобы **читать** книги, **писать** письма и т. п.' (из словаря Daijirin 2006)

Однако относительно других значений единой точки зрения нет, и в различных словарях выделяются следующие значения:

- чередование/повторение противоположных действий:

- [2] *Kono koro yuki ga fut-tari yasun-dari de*
 Этот время снег NOM идти-APPR прекращаться-APPR INS
handan ga shizura-ku nat-te ki-ta
 суждение NOM трудный-ADV стать-CNV AUX.DIR-PST
 'Сейчас трудно принять решение, потому что снег то **идет**, то **прекращается**.' (из словаря Dejitaru daijisen 2012)

- смягчение речи:

- [3] *Doa ga shimat-te-ru yo.*
 Дверь NOM закрыть-CNV-PRS PRT.
Kyoo wa o-yasumi dat-tari shi-te
 Сегодня TOP HON-отдых COP-APPR VRB-CNV
 '– Дверь закрыта!
 – Ну, так ведь сегодня все же [вроде как] **выходной**.' (из словаря Meikyo Kokugo Jiten 2002)

- шутка:

[4] *Hen da ne mada daremo ki-te*
 странно COP.PRS PRT пока никто приходит-CNВ
na-i yo yakusoku ashita dat-tari shi-te
 NEG-PRS PRT обещание завтра COP-APPR VRB-CNВ

‘Странно, никто пока не пришел.

–Ну раз обещали, значит только **завтра типа** [придут].’ (из словаря Nihongo bunkei jiten 1998)

- приказ/побуждение:

[5] *Soko ni i-te wa jama da.*
 Там DAT быть-CNВ TOP помеха COP.PRS
Doi-tari doi-tari
 сторониться-APPR сторониться-APPR

‘Ты там мешаешь. **Отойди, отойди!**’ (из словаря Daijirin 2006)

- намек:

[6] *Watashi ga hito o damashi-tari nado*
 Я NOM человек ACC обманывать-APPR например
su-ru mono des-u ka
 VRB-PRS лицо COP-PRS Q

‘Это я-то людей **обманываю?**’ (из словаря Daijirin 2006)

- уклонение от четкого высказывания:

[7] *Sono hito no i-na-i tokoro de*
 это человек GEN быть-NEG-PRS NML COP-CNВ
waruguchi o it-tari shi-te wa
 злословие ACC говорить-APPR VRB-CNВ TOP
ike-na-i
 AUX.PRM-NEG-PRS

‘Не стоит [делать такого, например,] – ругать людей за глаза.’ (из словаря Nihongo bunkei jiten 1998)

Очевидно, что подобное разнообразие выделяемых значений, как в словаре, так и в работах различных исследователей, требует их систематизации. Одна из задач настоящей работы заключается в уточнении семантики формы на *-tari* и выделение формальных признаков, связанных с отдельными семантическими группами употреблений этой формы.

3. Сфера нечеткой номинации

С точки зрения семантики форма на *-tari* ближе всего к маркерам нечеткой номинации, восходящим к значению подобия, таким, как *like* в английском языке и словам «своего рода», «типа», «как бы» в русском языке. В работе Г. Андерсена¹¹ показывается, что *like*

может участвовать в любых типах групп – именных, глагольных, квантитативных и т. п. Аналогичным образом ведет себя и слово «как бы», употребляясь при существительном, прилагательном, глаголе, наречии и т. п. Схожим образом ведет себя и форма на *-tari*, которая, размывая значение, может употребляться не только с глаголом, но и предикативным прилагательным, а также присоединяться к существительным при помощи адрессивной связки.

[8] *Tada kurushi-kattari kanashi-kattari shi-ta toiuu*
Только тяжелый-APPR грустный-APPR VRB-PST QUOT
koto ni kanshite wa kawari mo na-ku
NML DAT относительно TOP изменение FOC нет-CNV
kanari tsura-i hibi dat-ta no wa jujitsu des-u
весьма тяжелый дни COP.PST NML TOP действительно COP-PRS
'Относительно того, что было **как бы тяжело** и **грустно**, то в этом измене-
ний никаких не было, это были весьма трудные дни.' (CSJ)

[9] *Watashi ga kookoo no jimu o*
я NOM старшая.школа NOM обязанности ACC
shi-tari jugyoo.ryoo o atsume-tari iroiro
делать-APPR плата.за.обучение ACC собирать-APPR различный
sotsugyoo.shoosho o dash-itari nan desh-ita kke
диплом ACC выдавать-APPR что COP.ADR-PST PRT
'Я **несла** обязанности по старшей школе, **собирала** плату за обучение и
выдавала различные дипломы, **что там еще такое было**.' (CSJ)

[10] *mata inu wa iron na mono o satchi shi-te*
еще собака TOP разный ATR вещь ACC догадка VRB-CNV
kure-mas-u n de... mushi dat-tari hebi
AUX.BEN-PRS NML COP.CNV... насекомое COP-APPR змея
dat-tari abuna-i toki ni wa nai-te
COP-APPR опасный-PRS время DAT TOP кричать-CNV
tasuke-te kure-ru n ja na-i
спасать-CNV AUX.BEN-PRS NML COP.TOP AUX.NEG-PRS
ka to sooyuu fuu ni omot-te-mas-u
Q QUOT так образ DAT думать-CNV-ADR-PRS
'Я думаю, что собаки о многом догадываются... и в случае опасности,
[связанной со] **всякими там насекомыми, змеями и т. п.**, собака бу-
дет лаять и тем самым спасет меня.' (CSJ)

В подобных случаях точное имя модифицируется путем введения в структуру именованного специальных слов – аппроксиматоров, т. е. единиц, «актуализирующих значение нечеткости признака в составе сочетания со знаменательным словом любого лексико-грамматического класса»¹². Аппроксиматоры синтаксически не самостоятельны и, как правило, имеют природу неизменяемых слов. При более широком подходе в качестве средств, позволяющих осуществить

приблизительную номинацию, рассматривают не только лексемы и грамматические конструкции, но и синтаксические, а также просодические конфигурации.¹³

Благодаря отнесению значения формы на *-tari* к категории «нечеткой номинации» могут быть объяснены такие разные прагматические эффекты как вежливость, шутка или презрение, которые упоминаются в словарях и работах различных исследователей. Так, используя средства нечеткой номинации, говорящий может уклониться от высказывания конкретной просьбы, тем самым достигая эффекта вежливости (например, в русском языке более вежливо звучит фраза с приблизительным указанием на количество «дайте грамм двести», чем категоричное требование с точным количеством «дайте двести грамм»). В другой ситуации отсутствие конкретного наименования может свидетельствовать об отсутствии обязательств у говорящего, когда он снимает с себя ответственность за точность передачи информации, демонстрируя при этом пренебрежительное или несерьезное отношение к событию (например, в русском языке: «Ну, типа, приходил там», «Вроде как купил»). В подобных случаях говорящий с помощью специальных языковых средств информирует слушающего о том, что снимает с себя ответственность за точность передачи высказывания и предоставляет слушающему возможность посильного сотрудничества в реконструкции исходного смысла.¹⁴

В литературе на японском языке используются понятия «размытые выражения *bokashi hyogen*, «нечеткие выражения» *aimai hyogen*, а также «неограничивающие выражения» *higentei hyogen*.¹⁵ Спектр единиц, относимых к этой сфере довольно широк и включает в себя частицы, слова, грамматические элементы и целые выражения, имеющие в своей семантике «нечеткость» (*toka* – «как будто», *otowareru* – «подумалось»¹⁶, *nanka* и *nante* – «как бы», «типа»¹⁷). Данные понятия упоминаются преимущественно в семантико-прагматическом ключе, а их употребление связывают с теорией «лингвистической вежливости» П. Брауна и С. Левинсона¹⁸, ситуацией, когда говорящему по каким-либо причинам сложно говорить¹⁹, с презрением говорящего к объекту, о котором идет речь²⁰, а также их рассматривают как одну из отличительных черт японского языка²¹.

В коммуникативном аспекте приблизительные обозначения рассматриваются как «сдержанные высказывания», «ограничивающие выражения оценочных значений», что находит свое отражение в принципах вежливости и кооперации²². Кроме того, лексические средства нечеткой номинации рассматриваются как средства выражения просьб и извинений, в которых главным образом упоминается возникающий эффект смягчения и вежливости, когда говоря-

щий хочет оградить себя от возможной критики и/или защититься от ошибочной интерпретации²³.

В целом, несмотря на отсутствие единого устоявшегося понятия и выработки методов анализа феномена «нечеткости» языковых средств, очевиден его универсальный характер, который позволяет рассматривать данное понятие в различных аспектах и на материале разных языков.

Проще всего значение нечеткой номинации продемонстрировать на примере одиночной формы на *-tari*. Причиной этого является то, что одним действием/состоянием довольно проблематично точно передать ряд других подобных действий/состояний. В случае с двумя и более формами на *-tari* гораздо легче понять, что имеет в виду говорящий, в то время как по одному фрагменту практически невозможно однозначно достроить всю картину:

- [11] *Tochiu moosoo ga hair-i*
 Во.время дикие.мысли NOM входит-CNV
Kono naka de ren'ai ga at-tari shi-te
 Этот внутри INS любовь NOM быть-APPR VRB-CNV
kinoo wa hageshi-i kenka o shi-temo isshoni
 вчера TOP ужасный-PRS ссора ACC делать-CNC вместе
yar-ana-i to ike-na-i shi
 делать-NEG-PRS COND AUX.PRM-NEG-PRS и
ano onna ni tor-are-ta mitai na koto
 тот женщина DAT брат-ПАС-ПСТ похоже ATR NML
mo mata hitori moosoo no tabi ni
 тоже еще один дикие.мысли GEN путешествие DAT
dekake-te shima-imash-ita
 отправиться-CNV AUX.S-ADR-PST

‘Во время этого [представления] мне в голову лезли странные мысли: «В глубине [души у нас] **есть любовь [и все-такое]**, и хотя вчера мы ужасно поругались, мы должны быть вместе...похоже его увела другая женщина... и т.п». И я опять погрузилась в пучину странных мыслей.’
 (Yahoo! blog)

В любом случае, независимо от того, какой вариант подразумевал говорящий (и как его понял слушающий), очевидно, что говорящий не стремится подробно раскрыть содержание своих слов, для него это не важно, он ограничивается упоминанием всего лишь одного действия. Это полностью соотносится с тем, что говорится относительно средств нечеткой номинации – говорящий показывает, что в его сознании образ является более сложным, чем это выражается им в словах, а также обращается к слушателю с тем, чтобы он сам выстроил цепочку из соответствующих элементов²⁴.

Неслучайно также и то, что значение шутки возникает только при одиночном употреблении формы на *-tari*. Комический эффект

возникает благодаря тому, что некая крайне необычная ситуация, приводится в пример в качестве типичного представителя некой общей ситуации. В одной из ранних работ²⁵ по этой теме приводится ситуация, когда человек ест лапшу-удон, замечает на столе майонез и говорит в шутку:

- [12] *Udon ni mayoneezu o kake-tari shi-te*
 Удон DAT майонез ACC добавить-APPR VRB-CNV
 'А что, если, к примеру, **добавить** в удон майонез?'²⁶

Подобное употребление формы на *-tari* в конце предложения вместе со вспомогательным глаголом *shite* в словарях отмечается еще и как свойственное неформальной молодежной среде. В русском языке схожим образом проявляют себя слова-паразиты, чья изначальная семантика в литературном языке была связана с идеей сходства – «типа» и «как бы» (в значении «Я типа тут работаю» или «Я как бы лингвист»)²⁷.

Однако значение нечеткости проявляется не только при одиночном употреблении, но также при использовании двух и более форм на *-tari* в исходном значении неполного перечисления (репрезентации) аналогично тому, как в русском языке маркеры-аппроксиматоры «и другие», «и прочее», «и тому подобное», «и так далее» могут быть связаны сочинительным отношением с одним или несколькими членами сочинительного ряда. Подобная стратегия, когда аппроксимация поддерживается не только лексическими и грамматическими средствами, но и синтаксическими средствами, в частности, сочинением, типична для многих языков.

Таким образом, благодаря отнесению формы на *-tari* к категории «нечеткой», «расплывчатой» номинации, проясняется природа возникновения таких разнообразных прагматических эффектов, как смягчение, шутка, вежливость, презрение и т. п.

Рассмотрение же данных эффектов в качестве отдельных значений формы на *-tari* показывает несостоятельность этого подхода, поскольку, во-первых, таких «значений» может быть потенциально бесконечное число, во-вторых, не существует четких правил разграничения одного значения от другого, и, в-третьих, всегда необходимо знать всю ситуацию целиком вместе с полным контекстом употребления.

4. Другие значения формы на *-tari*

Вместе с тем, отметим те употребления, которые связаны с формальными ограничениями и образуют хорошо выделяемые группы. Так, в первую группу мы отнесем употребления, в которых проявля-

ется значение чередования/повторения. В работах на русском языке данное значение *-tari* принято называть интермиттентным, т.е. указывающим на «прерывность, интермиттентность данного действия-состояния, проявляющуюся в виде прерывистого течения самого действия-состояния или прерывистости его контакта со своим субъектом (объектом)». ²⁸ Интермиттентное значение указывает на прерывистое течение ситуации, но эта прерывность может носить разный характер: ситуация может чередоваться с её отсутствием; ситуации могут чередоваться друг с другом; они могут одновременно разворачиваться с разным набором актантов, образующим совокупность ²⁹. Таким образом, формальный признак этой группы – наличие двух форм на *-tari*, описывающие противоположные действия или состояния. Во вторую группу мы отнесем те употребления, в которых выражается репрезентация объектов, а не ситуаций. Формальный признак этой группы – наличие нескольких форм на *-tari*, образованных от имени с адресивной связкой или же от одинакового глагола.

4.1. Интермиттентное значение

Данное значение связано с прерывистостью некого действия или чередованием двух противоположных действий, выраженных формой на *-tari*. Глагольная пара при таком употреблении *-tari* может быть оформлена двумя лексическими антонимами, утвердительной и отрицательной формой глагола или же действительным и страдательным залогами.

Отметим, что при употреблении глагольной пары из утверждения-отрицания значение может не обозначать собственно прерывистость действия, а скорее выражать его расплывчатость, нечеткость. Подобное употребление формы на *-tari* может характеризоваться как «совсем не делал» или «не делал как следует» ³⁰:

[13] *Senmonteki na gakkoo ni hait-te*
 Специальный ATR школа DAT ходить
yat-te i-ru wake demo na-i shi
 AUX.BEN-CNV AUX.PRG-PRS ведь хотя нет-PRS и
ressun dat-te kayot-tari kayow-ana-kattari
 занятие COP-CNV посещать-APPR посещать-NEG-APPR
 'Училась-то она не в специальной школе, и на занятия **особо не ходила**
 (букв. «то ходила, то не ходила»).' (Noruwei no mori)

При подобном употреблении формы на *-tari*, образованной от глаголов мысли и чувств, речь может идти о прерывисто-смягчительном способе действия, предполагающем «действие время от времени и понемногу». На русском языке это значение передается приставочно-суффиксальным способом через вторичный имперфект (например, глаголы «думать» – «подумывать», «смотреть» – «посматривать»

и т. д.), такие слова также могут выступать в качестве глагольных аппроксиматоров, например, *приоткрыть*, *побаливать* и др.³¹

[14] *Nhk no dandan mi-tari mi-na-kattari*
NHK GEN постепенно смотреть-APPR смотреть-NEG-APPR
'Я **посматривал** программу «Постепенно» по NHK (иногда поглядывал в телевизор, где шла программа...)' (*Yahoo!* blog)

[15] *Katte ni ason-de ko-i to*
Желание ADV развлекаться-CNV AUX.DIR-IMP QUOT
omot-tari omow-ana-kattari
думать-APPR думать-NEG-APPR
'Я **подумывал**: «Пусть приходят в гости, как им захочется!» (дословно: «то думал, то не думал»).' (*Yahoo!* blog)

Подобного рода употребление глаголов мысли и чувств в форме на *-tari* свидетельствует о том, что говорящий уходит от жесткого высказывания своего мнения и снимает с себя ответственность за сказанное, т. е. проявляется основное значение «нечеткости», которое может сопровождаться прагматическим эффектом – дополнительным оттенком смягчения. Отдельно стоит отметить частность употребления выражения *omot-tari* – «(по)дум(б)в(а)ть». В корпусе блогов форма *omot-tari* встретилась в 23 случаях, что составляет примерно в 8% от числа одиночных употреблений. Чаще всего форма *omot-tari* встречалась в отдельном предложении, следовавшем после изложения основного содержания мысли:

[16] *Nandaka ningen ni mo ni-te-ru. Nante*
Что-то человек DAT тоже быть.похожим-PRG-PRS Просто
omot-tari
думать-APPR
'Это чем-то напоминает людей. **Просто** об этом **так** **подумалось**.' (*Yahoo!* blog)

Данное выражение можно перевести как «пришла в голову мысль» или, лучше, «мне подумалось», поскольку данный перевод точнее отображает неконтролируемость процесса, его случайность и неуверенность говорящего относительно собственных слов (например, в русском языке «ну вот как-то так»).

К значению интермиттентности можно отнести случаи с двумя формами на *-tari*, которые образованы от одного глагола, но описывают противоположные ситуации. В следующем примере при двух глаголах «ходить» используются симметричные зависимые с противоположным значением «туда\сюда»:

[17] *Atchi e it-tari kotchi e it-tari*
Туда в ходить-APPR сюда в ходить-APPR
'**Ходил** туда, **ходил** сюда.' (CSJ)

Аналогичный пример, но с использованием пары действительно противопоставленных глаголов («уходить \ приходиться») был обнаружен в корпусе блогов (сравните: «То приходил сюда, то уходил туда» и «Ходил туда-сюда»):

- [18] *Atchi e it-tari kochira e ki-tari*
 Туда в ходить-APPR сюда в приходиться-APPR
 'То туда **уходил**, то сюда **приходил**.' (Yahoo! blog)

Отличие категории интермиттентности от репрезентации главным образом заключается в невозможности продолжить репрезентируемый список, когда двумя событиями в форме на *-tari* полностью описывается ситуация. Однако в следующем примере, несмотря на наличие пары антонимов «медленно/быстро», список продолжен еще одной парой «резко/сентиментально».

- [19] *Komaka-i tokoro o wazato yukkurito hi-itari*
 Подробный-PRS место ACC специально медленно играть-APPR
haya-ku hi-itari bukkiraboo ni hi-itari
 быстрый-ADV играть-APPR резко ADV играть-APPR
senchimentaru ni hi-itari shi-te sonna iron
 сентиментально ADV играть-APPR VRB-CNV такой разный
na oto ni ikanimo itoshi-soo ni mimi
 ATR звук DAT действительно любимый-EVD DAT ухо
o sumase-te i-ta
 ACC наострить-CNV AUX.PRG-PST
 'Играя сложные места то **медленно**, то **быстро**, то **резко**, то **сентиментально**, она действительно с любовью прислушивалась ко всем этим разным звукам.' (Noruwei no mori)

Таким образом, фактически при любом интермиттентном значении список может быть расширен. Данное замечание наглядно показывает общность природы интермиттентного значения и собственно репрезентативного значения, с которым оно непосредственно связано. Исходное значение репрезентации предполагает, что действия/состояния, о которых идет речь, могут идти не последовательно, а в разном порядке, кроме того, они могут еще и чередоваться в любом порядке, т. е. возникать не единожды. Вследствие этого, чередоваться может не только пара противоположных действий, но и гораздо большее число, как в примере выше.

Кроме того, в случае чередования пары действий/состояний не всегда точно можно понять, описывает ли эта пара ситуации, противоположные друг другу онтологически или они интерпретируются как противоположные лишь в данном контексте. Так, в следующем примере «ярко-красный» не является антонимом к «ярко-желтому», однако в данном примере речь идет именно о чередовании этих двух

ситуаций. С другой стороны, представляется возможным расширение этого списка другим цветом.

[20] *nisaninichi moo kono hen ga makka dat-tari*
 два.три.дня еще этот место NOM ярко.красный COP.ADR-APPR
makkiuro dat-tari su-ru n des-u ne
 ярко.желтый COP.ADR-APPR VRB-PRS NML COP.ADR-PRS PRT
 'Целых два-три дня это место было то **ярко-красным**, то **ярко-желтым**.'
 (CSJ)

В работе И.Ф. Вардуля³² упоминалось о следующем различии в построении отрицания у формы на *-tari*: при репрезентативном значении отрицание строится аналитически и всегда выражается при вспомогательном глаголе (*-tari shinai*), а в интермиттентном значении – всегда синтетически, т.е. отрицание ставится непосредственно перед формой на *-tari* (*shi-na-kattari suru*). Однако проверка по корпусам показала, что в современном языке это, по-видимому, не так. В самом деле, в интермиттентном значении часто фигурирует отрицательная форма исследуемого деепричастия *na-kattari* в составе пар из утверждения/отрицания и действительной/страдательной формах глагола, но в случае с парой из лексических антонимов, отрицание идет после формы на *-tari*, как и при обычной репрезентации.

[21] *Izureka o kotei shi-tari hitei shi-tari*
 Какой-либо ACC утверждать VRB-APPR отрицать VRB-APPR
su-ru no de wa na-ku sei to shi
 VRB-PRS NML COP TOP AUX.NEG-CNV жизнь и смерть
to ga furi ittai de ar-u koto
 QUOT NOM неразрывно целое COP AUX-PRS вещь
 'Ничто из этого не **утверждается** и не **отрицается**, жизнь и смерть являются единым целым' (Yahoo! blog)

Кроме того, при интермиттентности отрицание может ставиться дважды – как непосредственно перед формой на *-tari*, так и на вспомогательном глаголе.

[22] *Watashi sonna ni kantan ni hito o suki*
 Я такой ADV простой ADV человек ACC любить
ni nat-tari suki ja na-ku
 ADV стать-APPR любить COP.TOP AUX.NEG-CNV
nat-tari shi-nai wa yo
 стать-APPR VRB-NEG TOP PRT
 'Мне не так-то легко кого-то **полюбить** или **разлюбить**.' (Noruwei no mori)

Что касается отрицания при репрезентативном значении, данные корпуса показывают, что может быть как синтетический, так и аналитический тип построения отрицания.

[23] *Mata kimochi ga iraira-shi-te-ru to sonna*
 Еще настроение NOM раздражение-VRB-PRG-PRS COND такой
jootai ni ochiit-te-ru koto sura kizuk-ana-kattari
 Положение DAT попасть-PRG-PRS NML даже замечать-NEG-APPR
su-ru
 VRB-PRS
 'Или еще, когда все раздражает, даже как бы **не замечать** того, что попал в такую ситуацию.' (Yahoo! blog)

[24] *Hen na fuu ni omot-tari shi-na-i yo*
 Странный ATR образ ADV думать-APPR VRB-NEG-PRS PRT
 '[Я] **не думаю** [о Вас] ничего странного.' (Dance dance dance)

В целом, вышеизложенные факты скорее доказывают общность природы этих двух значений, чем разделяют их на две несвязанные друг с другом группы.

4.2. Именная репрезентация

К формальным свойствам конструкций этого типа относится наличие нескольких форм на *-tari*, образованных от одного и того же глагола или связки, и не выражающих противоположные значения. В отличие от рассмотренного выше случая интермиттентности, здесь приводимый ряд можно продолжить, т. е. это значение в более явном виде является репрезентативным. Отличительной чертой данного типа конструкций является перенос глагольной репрезентации на имя – формально репрезентация выражается на глаголе в форме на *-tari*, но семантически относится к ряду объектов, выраженных с помощью глагольных актантов. Не выражая собственно множественности имени, форма на *-tari* в таких случаях семантически относится к именной группе, т. е. подразумевается открытый список объектов:

[25] *Naoko ga kurasumeeto no onnanoko o tsure-te*
 Наоко NOM одноклассник GEN девочка ACC брать-СНВ
ki-te yonin de doobutsuen ni
 AUX.DIR-СНВ четыре.человека INS зоопарк DAT
it-tari puuru ni oyogi ni it-tari
 ходить-APPR бассейн DAT плавать.СНВ DAT ходить-APPR
eiga o mi ni it-tari shi-ta
 кино ACC смотреть.СНВ DAT идти-APPR VRB-PST
 'Наоко вместе с одноклассниками вчетвером **ходили** в зоопарк, [**ходи-ли**] плавать в бассейн, [**ходили**] смотреть кино и т. д.' (Noruwei no mori)

В случае же употребления формы на *-tari* от адрессивной связки, репрезентируемыми величинами оказывается непосредственно именная присвязочная часть.

- [26] *Sore wa niiji dat-tari sanji juugofun*
 Там TOP два.часа COP-APPR три.часа пятнадцать.минут
dat-tari yoji niyuuppun dat-tari shi-ta
 COP-APPR четыре.часа двадцать.минут COP-APPR VRB-PST
 ‘Там [на часах] было то **два часа**, то **три пятнадцать**, то **четыре двадцать**.’ (Dance dance dance)

Подобного рода именная репрезентация сближается с формальными средствами собственно именной репрезентации, и синонимически можно преобразовать приведенный выше пример таким образом, чтобы репрезентативность была выражена не в связке на *-tari*, а при помощи ряда однородных подлежащих, выражающих незаконченное перечисление:

- [27] *Sore wa niiji ya sanji juugofun*
 Там TOP два.часа и три.часа пятнадцать.минут
ya yoji niyuuppun nado da
 COP-APPR четыре.часа двадцать.минут APPR COP.PRS
 ‘Там [на часах] было то **два часа**, то **три пятнадцать**, то **четыре двадцать**.’ (со слов информанта)

Указанная частица *nado* является прототипическим аппроксиматором в составе именной группы и в соответствии с общей тенденцией употреблять показатели нечеткой номинации кластерно, формы на *-tari* и частица *nado* могут употребляться совместно³³.

Таким образом, данное значение в целом попадает под значение репрезентации, хоть и выраженной не в глаголе, а в имени.

5. Выводы

В данной статье на корпусном материале была рассмотрена семантика японского деепричастия репрезентативности на *-tari*. Мы обосновали принадлежность значения формы на *-tari* к категории «нечеткой» или «размытой» номинации, благодаря которой могут проявляться дополнительные прагматические эффекты – презрение, шутка, вежливость, смягчение, неожиданность и т. п. Слова, которые часто используются при переводе формы на *-tari* («всякие там», «типа», «наподобие») как раз в большей степени обозначают размытость понятия, а не то, что были другие похожие события. Также мы обозначили те употребления, которые связаны с формальными ограничениями и образуют хорошо выделяемые группы – употребления со значением интермиттентности и употребления с переносом репрезентативности с ситуации на объект.

Список сокращений

ACC – аккузатив, ADR – адрессив, ADV – адвербиальная форма, APPR – аппроксиматор, ATR – атрибутивная форма, AUX – вспомогательный глагол, AUX.S – вспомогательный глагол окончательного действия, BEN – бенефактив, CNC – уступительная форма, CNV – конверб, COND – условная форма, COP – связка, DAT – датив, DIR – директив, EVD – эвиденциальность, GEN – генитив, HON – гоноратив, IMP – императив, INST – инструменталис, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, PASS – пассив, POT – потенциалис, PRG – прогрессив, PRS – презенс, PRT – частица, PST – прошедшее время, Q – вопросительная частица, QUOT – цитационный союз, TOP – топик, VRB – вербализатор.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено в рамках проекта, принятого на конкурс РФФИ (16-06-00226)
- ² *Honda A.* A note on the Japanese adverbial particle *Tari* // *Surugadai university studies*, Surugadai: Surugadai University, 2007. V. 33. P. 1-18.
- ³ *Kishita R.* Reiji ni yotte shimesareru mono // 4th Research Meeting for Teaching Japanese as a Second Language. 2006. P. 34-37.
- ⁴ *Yamato A.* The unexpectedness of “*tari*” and its politeness effect: the usages in contexts of request // *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*, Tsukuba: The University of Tsukuba, 2008. №15, 115-125.
- ⁵ *Suzuki S.* Expressivity of vagueness: Alienation in verb-*tari* suru construction // *Japanese language and literature*, 2008. V. 42. № 1. P. 157-169.
- ⁶ *Palihawadana R.* Meaning and usage of (-*tari*), -*tari* constructions // *Research Bulletin / International student center*, Kanazawa University, 2002. V. 3. № 5. P. 1-24.
- ⁷ *Hibi I.* *Tari* no yoohoo ni kansuru ichikoosatsu // *Nihongo nipponbunka kyooiku sentaa jugyoo kenkyuu*. Osaka: Oosakadaigaku, 2009. V7. P. 17-28.
- ⁸ Устный корпус состоит из 532 примеров, взятых из ‘Корпуса японской разговорной речи’ (яп. *Nihongo Hanashikotoba Koopasu*, англ. *The Corpus of Spontaneous Japanese*, в примерах CSJ). Для работы были выбран частично подготовленный монолог, исследуемый материал составил 116 аудиозаписей общим звучанием 23 часа, в котором методом сплошной проверки было выявлено 532 эпизода с конструкцией на *-tari*.
Художественный корпус представляет собой 528 предложений с формой на *-tari*, взятых из текстов современного японского писателя Харуки Мураками методом сплошной выборки. В качестве материала исследования нами были выбраны следующие тексты: *Noruwei no Mori* (1987) – «Норвежский лес», *Kokkyoo no minami*, *taiyoo no nishi* (1992) – «К югу от границы, на запад от солнца», *Dansu dansu dansu* (1994) – «Дэнс, Дэнс, Дэнс», *Supūtoniku no koibito* (1999) – «Мой любимый sputnik», 1Q84 (2009) – 1Q84 (первый том), *Shikisai o motanai ta saki tsukuru to, kare no junrei no toshi* (2013) – «Бесцветный Цукуру Тадзаки и его годы странствий». Общий объем всех текстов составляет 2366

страницы и 1 598 024 знаков без пробелов. Методом сплошной проверки были найдены 528 примера с формой на *-tari*, общее число исследованных форм составляет 896.

Корпус блогов составляет 504 случайных предложений, содержащих форму на *-tari*, взятых с интернет-портала Yahoo! за 2008 год. Данная коллекция текстов (52 680 статей, примерно 10 300 000 словоупотреблений) доступна в составе онлайн-версии (Chunagon) «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (BCCWJ: Balanced corpus of contemporary written Japanese), <https://chunagon.ninjal.ac.jp>.

- 9 Рассматривались такие толковые словари, в том числе электронные, как: 1) *Matsumura A. Daijirin* [Электронный ресурс]. Токио: Sanseido, 2006; 2) *Dejitaru daijisen* [Электронный ресурс]. Токио: Shogakukan, 2012; 3) *Kitahara Y. Meikyo Kokugo Jiten* [Электронный ресурс]. Токио: Taishukan, 2002; 4) *Nihongo bunkei jiten / Guruuru Jamashii* (ed.) Токио: Kuroshio Shuppan. 1998. P. 214-215.
- 10 *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008. С. 233.
- 11 *Andersen G.* The pragmatic marker *like* from a relevance-theoretic perspective // *Discourse Markers. Descriptions and Theory.* Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 147-170.
- 12 *Семкина А. В.* Структуры нечеткой номинации признаков и состояний на материале английского языка: Автореф. дис. ... к. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2006. С. 3.
- 13 *Подлеская В.И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* М.: РГГУ, 2013. Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. С. 631-643.
- 14 Более подробно об этом говорится в работе *Подлеская В.И., Стародубцева А.В.* О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // *Вопросы языкознания*, М.: Наука, 2013. №3. С. 25-41.
- 15 *Morioka Ch.* Rajio no opiniyon bangumi no iken hyoomei danwa ni okeru heiritsu hyoogen "Tari" "toka" "shi" no yoohoo // *Wasedadaigaku nihongo kyooiku kenkyuu.* Waseda: Waseda University, 2005. №7. С. 125.
- 16 В работе *Murata M.* Bokashi hyoogen no shin hookoo // *Kokubungaku kaishaku to kanshoo.* Токио: Shibundoo, 1994. V. 59 №7. P.119-126.
- 17 *Suzuki S.* Op. cit. P. 163.
- 18 *Yamato A.* Op. cit. P. 116.
- 19 *Kumai H.* The Usage of N-dattari // *Shizuokadaigaku kokusai kooryuu sentaa ki-yoo.* Shizuoka: Shizuokadaigaku kokusai kooryuu sentaa, 2013. № 7. P. 21-41.
- 20 *Suzuki S.* Op. cit. P. 163.
- 21 *Nakamura A.* *Nihongo no retorikku.* Токио: Chikumashoboo, 1983. 315 p.
- 22 Подробнее об этом в работе *Grice H.* *Logic and Conversation* // *Syntax and Semantics.* New York: Academic Press, 1975. V.3. P. 41-58.
- 23 *Markkanen R., Schröder R.* Hedging and discourse approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. P. 288.
- 24 *Jucker A.H., Smith S.W., Ludge T.* Interactive aspects of vagueness in conversation // *Journal of Pragmatics.* V. 35(12). 2003, P. 1737-1769.

- ²⁵ *Moriyama T.* “Udon ni mayoneezu kaketari shite” – heiritsu no imi // Gengo. Токуо: Taishuukanshoten, 1997. P. 56-61.
- ²⁶ Ibid. P. 56.
- ²⁷ *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. С.35
- ²⁸ *Вардуть И.Ф.* Значение суффикса *-tari* в современном японском языке // Японский язык / Отв. ред. Вардуть И.Ф. М.: Восточная литература, 1963. С.102.
- ²⁹ *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Указ. соч. С. 233.
- ³⁰ *Tomita T.* Bunproo no kishochisiki to sono oshiekata. Токуо: Bonjinsha, 1991. 196 p.
- ³¹ *Адамович С. В.* Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. С. 68-69.
- ³² *Вардуть И.Ф.* Указ. соч. С. 101-104.
- ³³ *Подлесская В.И., Стародубцева А.В.* Указ. соч. С. 39.

Формальная рамка писем в «Шах-наме»: между персидской доисламской и арабо-персидской традициями

Статья посвящена посланиям из поэмы Фирдоуси «Шах-наме», написанной в X в. на ново-персидском языке (фарси-дари). Послания анализируются с точки зрения влияния на них эпистолярных традиций двух эпох – доисламской (сасанидской III-VII в.) и раннеисламской (VII-X в.). Выявленная формальная структура посланий из «Шах-наме» сопоставляется с сохранившимися среднеперсидскими эпистолярными текстами III-VII вв., в том числе из среднеперсидского письмовника VI века, а также с текстами, принадлежащими арабо-персидской традиции (от ее зарождения до современной Фирдоуси).

Ключевые слова: опосредованная коммуникация; эпистолография; структура писем; Фирдоуси; Шах-наме; сасанидские письма.

Текст знаменитой персидской поэмы «Шах-наме» исследуется учеными из разных областей знаний – лингвистами, историками, культурологами – не только как поэтическое произведение, но и как богатый источник информации о культуре доисламского Ирана. Как подчеркивает немецкий исследователь Юрген Элерс, «Шах-наме» – важнейшее произведение, связывающее историю и культуру исламского Ирана с доисламской эпохой¹.

Поэма Фирдоуси представляет собой поэтическое изложение истории Ирана от сотворения мира до завоевания Ирана арабами. Текст повествует не только непосредственно об истории правления царей разных династий, но и об их многочисленных подданных, взаимоотношениях всех героев и их общении, в том числе и эпистолярном. Обмен посланиями составляет существенную по объему часть – около 10 тысяч строк, то есть приблизительно 10% текста.

Вопрос об источниках «Шах-наме» до сих пор до конца не решен². В большинстве своем все они утрачены, и неизвестно, насколько Фирдоуси преобразовывал их. Как бы то ни было, он стремился воссоздать ушедший мир так, как он себе его представлял, в том числе и письма своих персонажей (особенно письма дипломатические). «На

вопрос о том, были ли эти письма непосредственно в источниках, которыми пользовался Фирдоуси, вряд ли когда-нибудь можно будет ответить. Но значение писем в «Шах-наме», несомненно, состоит и в том, что поэт дает здесь важную с культурно-исторической точки зрения картину эпистолярного общения в сасанидскую эпоху на основании источников, которые именно для последних веков перед арабским завоеванием были особенно подробными и исторически относительно точными»³.

Прежде всего необходимо коротко сказать о соотношении доисламской и мусульманской культуры Ирана. В Иране приходу ислама предшествовала долгая культурная и политическая история. Последняя иранская династия – Сасаниды, правившие с 224 г. н.э., – прекратила свое существование в середине VII века: в 651 г. после нескольких лет сражений с арабскими войсками последний сасанидский царь Йездигерд III был побежден, а Иран оказался под властью арабов. Почти два века после этого арабский был официальным языком на всей территории Ирана, Афганистана и Средней Азии. На нем писали местная знать, чиновники, духовенство, писатели, ученые, но «в повсеместном обиходе повсюду сохранялись местные, родные языки. <...> а в IX-X веках в Хорасане, на родине Фирдоуси, и Мавераннахре (Трансоксиана, междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, куда входили Самарканд и Бухара) «сформировался письменный и литературный язык *pārsī*», а завоеватели усваивали «достижения иранской культуры и иранские традиции в управлении государством»⁴. Это касается не только языка, но и культуры в целом.

В данной статье исследуется, как перемены отразились на формальной рамке писем из «Шах-наме», то есть как на письмах, по замыслу автора поэмы относящихся к традиционной персидской культуре сасанидского времени, отразились требования современной ему арабо-персидской культуры X-XI вв. Следовал ли Фирдоуси строго сасанидской традиции или же в какой-то степени использовал при построении писем привычную ему реальность.

Под формальной рамкой здесь подразумеваются обрамляющие содержательную часть послания элементы, само наличие и форма которых продиктованы в первую очередь традицией, а не желаниями и воображением автора текста. Во всех культурах, как правило, в число этих элементов входят приветствие и прощание, однако в зависимости от специфики традиции туда может входить и что-то еще.

В качестве примера реальных персидских писем доисламского периода будут рассматриваться письма, написанные между III и VII вв. (в эпоху Сасанидов), то есть в период, имеющий «для изучения иранской традиции в исламе особенное значение»⁵.

От сасанидской эпохи сохранился пехлевийский письмовник VI века⁶ и некоторое количество обрывков писем, из которых в большинстве случаев можно разобрать несколько слов. Целых писем, позволяющих судить о структуре текста, сохранилось немного. Практически все письма из доступных коллекций, относящиеся к сасанидскому периоду, были опубликованы, откомментированы и снабжены транслитерацией и переводом на английский немецким ученым Дитером Вебером в 1992 году⁷.

Новая исламская традиция возникла под сильным влиянием сасанидской и византийской культур и во многом на них основывалась⁸. Первые халифы в организации государственных дел использовали принципы действия Сасанидской и Византийской империй⁹, а многие административные должности, как и в дальнейшем, занимали иранцы. Это же касалось и эпистолярной традиции. Халифат перенял у сасанидской империи и организацию почты¹⁰. Даже первые арабоязычные руководства для дабиров – писцов, или секретарей, занимающихся в числе прочего и написанием посланий, – составил перс по происхождению, основывавшийся во многом на еще сасанидской традиции¹¹. Он не только составил арабское руководство по написанию писем, но и перевел сборник писем со среднеперсидского на арабский¹².

При этом в целом, если начиная с X века сборников писем реальных и вымышленных, а также трактатов про эпистолярное искусство сохранилось очень много, то от периода с VII по IX век арабоязычных документов эпистолярного жанра или посвященных эпистолярному жанру осталось куда меньше¹³. А из тех, что сохранились, крайне мало таких, где можно было бы установить точную датировку¹⁴.

Тем не менее можно видеть, что формальная структура письма медленно, но менялась – как с точки зрения строения текста, так и содержания формальных частей.

Далее здесь исследуется структура и наполнение формальной рамки писем с точки зрения тех традиций, которые могли отразиться в письмах «Шах-наме». Сначала рассмотрены позднесасанидские письма, затем письма «Шах-наме» и, наконец, арабо-персидские письма мусульманского периода до X века, то есть до времени жизни Фирдоуси.

Сразу оговоримся, что речь здесь пойдет в первую очередь о переписке знати – правителей, придворных, военачальников и т.д., поскольку именно такие письма составляют абсолютное большинство в «Шах-наме».

В «Шах-наме» отправляют и получают письма более 100 персонажей. Самих писем, включая передаваемые персонажами «устные» послания, более 300, но об устных посланиях здесь речи идти не будет – в

первую очередь из-за очевидной невозможности сравнить структуру устных посланий в «Шах-наме» с исторической традицией.

Анализ «письменных» посланий из «Шах-наме» позволил выделить характерную для них формальную рамку – начала писем и их завершения. Эта рамка имеет определенную структуру и более 50% писем в «Шах-наме» содержат хотя бы один из ее элементов. Поскольку «Шах-наме» – художественное произведение, многие письма даются отчасти в пересказе, а не в прямой речи, какие-то части письма могут быть опущены, но сопоставление всех писем позволяет предположить, что эта структура подразумевается как само собой разумеющаяся и известная читателю.

Далее будет рассмотрена структура начал писем, а затем структура окончаний писем в «Шах-наме» и обеих названных традициях.

Рассмотрим, как устроены в «Шах-наме» начала писем. Выделяются следующие элементы начала письма:

- (1) Восхваление Бога-Творца, которое может начинаться с посвящения всего письма Богу.
- (2) Обращение к адресату.
- (3) Восхваление адресата (в особых случаях – порицание адресата).
- (4) Благопожелания адресату.

Отдельно следует назвать «унван», сообщающий, от кого это послание и для кого (не путать с обращением к адресату, знаменующим начало письма). Он будет обозначаться как (0). Унван – это не просто именование участников коммуникации. К их именам всегда прилагаются эпитеты и даже целые фразы. Это делает унван в какой-то степени частью восхваления (или в редких случаях порицания) адресата и добавляет к нему самовосхваление, таким образом устанавливая иерархию отношений между отправителем и адресатом. В части поэмы унван открывает послание, в части располагается отдельно от текста письма (как своего рода «адрес на конверте»). В исторической персидской традиции унван также исходно располагался в самом письме, но со временем переместился и его стали писать на внешней стороне письма.

Порядок следования элементов рамки на протяжении поэмы меняется, однако их набор остается в целом неизменным. Как уже было сказано, далеко не все письма снабжены полным набором формальных элементов, но сопоставление писем, как правило, позволяет определить, опущен элемент структуры из художественных соображений или пропущен как несущественный.

Рассмотрим несколько примеров из разных частей поэмы. Поэма написана рифмованными попарно двустихиями – бейтами. В примерах арабскими цифрами нумеруются бейты, буквами – полстихия бейта.

В каждом примере указаны коммуникативные параметры – кто пишет, кому и на какую тему.

Пример 1¹⁵

Отправитель: Манучехр, внук персидского царя.

Адресат: персидский царь Фаридун, дед Манучехра.

Тема: Рассказ о победе над взбунтовавшимся дядей, ранее из зависти убившем своего брата, отца отправителя послания.

1. Посланца отправил богатырь,
Голову царя Запада¹⁶ ему передал,
2. Письмо написал деду
О войне, хитростях и уловках.
3. Восхвалил Творца,
А затем упомянул славного шаха:
4. Благодарение Владыке мира, дающему победу,
От которого сила и доблесть,
5. Хорошее и плохое все в его власти,
От всех страданий у него лекарства.
6. Теперь Фаридуну да будет от него благословение,
Мудрому, бдительному и царю мира,
7. Разрывающему оковы зла,
У которого также и рассуждение и благодать Изада¹⁷ <...>.¹⁸

В этом примере мы видим следующие элементы рамки: (1) восхваление Творца (бейты 4-5), (4) благопожелание адресату (бейт 6), (3) восхваление адресата (бейт 7). Личное обращение к нему отсутствует, как и унван. После вступительной части сразу начинается основная «смысловая» часть письма.

Пример 2

Отправитель: Сиавуш, сын персидского царя.

Адресат: персидский царь Кай-Кавус, отец Сиавуша.

Тема: сообщение о военной победе над войсками царя из соседнего государства и готовности вести борьбу дальше

1. Письмо приказал к царю
Написать мускусом, розовой водой и амброй,
2. Так, как подобало, на шелку.
Сначала воздал хвалу Создателю,
3. От которого победительным стал и с благой судьбой
Господину Солнца и вращающейся луны,
4. Озаряющему венец и престол и корону.
Того, кого хочет, возносит высоко,
5. Другого делает печальным и горестным.
Он не велит узнавать «что» и «зачем»,
6. Нужно сделать к этому проводником разум.
От того Правосудного, который мир сотворил,

7. С явным тайное сотворил,
Да будет всегда благословение на владыку,
8. Да завершатся все твои дела благом!¹⁹

Здесь мы снова видим (1) длинное восхваление Творца (бейты 2а-7а), плавно перетекающее в (4) благопожелание адресату (бейт 7б-8). Отдельного восхваления адресата здесь не наблюдается, правда, это компенсируется более длинным по сравнению с примером 1 благопожеланием и восхвалением Творца, то есть того, от кого должны последовать те самые блага.

И последний пример, взятый из части, расположенной ближе к концу поэмы.

Пример 3

Отправитель: туранский (то есть обобщенно тюркский) царь Арджасп.

Адресат: персидский царь Гушгасп.

Тема: принятие Гушгаспом зороастризма.

1. Письмо написал красивое и искусное,
К славному царю, принявшему веру.
2. Написал ему: Во имя Господа мира,
Знающего явное и тайное.
3. Я написал царское письмо,
Так как подобает в жизни.
4. К богатырю Гушгаспу, царю земли,
Достойному престола кеянского славного.
5. Избранному и старшему сыну царя Лухраспа,
Господину войска и хранителю престола.
6. От Арджаспа, вождя богатырей Чина,
Всадника, объехавшего весь мир.
7. Написаны в том царском письме
Благие хвалы письмом тюркских владык:
8. О славный владыка мира,
Озаряющий венец шахиншахов!
9. Голова твоя юной да будет, а тело и душа здоровы,
Да не ослабеет твоя царская поясница!²⁰

В этом примере есть (1) посвящение всего послания Богу и восхваление Бога (бейт 2), (0) унван (бейты 4-6), в данном случае внедрившийся в письмо, (2) обращение к адресату (бейт 8а), (4) восхваление адресата (бейт 8б) и (4) благопожелания адресату (бейт 9), включающие пожелания физического, умственного и душевного здоровья.

Описанная выше схема начала письма – восхваление Творца, восхваление адресата, благопожелания и того или иного рода адресация – повторяется раз за разом в разных комбинациях.

Теперь посмотрим, как описанная в «Шах-наме» традиция соотносится с сасанидской.

Сасанидская культура унаследовала многие черты эпистолярных традиций предшествовавших ей ахеменидской и парфянской эпох²¹.

Письма в «Шах-наме» начинаются с восхваления Творца. При этом нужно помнить, что ислам – религия единобожия, а в предшествовавшем ему зороастризме поклонялись пантеону «благих божеств», называемых в ед.ч. *yazad*, во мн. ч. *yazdān*. Обе эти формы перешли в новоперсидский со значением «Бог», и Фирдоуси часто использует именно их со значением «Бог», в том числе в речах и письмах персонажей. Предписывалось ли в сасанидской традиции так начинать письма, с полной уверенностью сказать нельзя. Известно, что и дидактические, и светские тексты, как правило, начинались с посвящения богам – «*pad nām-i yazdān*» («во имя богов» – ср. «Во имя Господа мира» в примере 3) или верховного бога Ормазда²². Однако выяснить, относится ли это же к письмам, пока не удастся – исторические письма сохранились в большинстве своем не в самом лучшем состоянии, а письмовники описывают только те части, которые могли меняться в отличие от этой застывшей формулы. Тем не менее, если судить по сохранившимся остаткам, письма такой формулой скорее всего не предвлялись.

Между тем остальные элементы начальной части письма в целом совпадают с началами посланий «Шах-наме» – в них присутствуют адресация, какая-то форма восхваления адресата и благопожелания.

Рассмотрим несколько примеров из уже упоминавшегося сасанидского письмовника «*Nāmak-nipēsišnīh*», транслитерированного и переведенного со среднеперсидского на английский Р.Ч. Ценером²³. Этот письмовник, написанный в VI веке, представляет собой «руководство по написанию писем особам высокого положения – царям, аристократам»²⁴ и содержит инструкции по написанию «уместных» начал и концов писем.

Вот примеры «уместных» начал писем:

Пример 4

Да сохраняют тебя боги навечно в достойнейшем прибавлении, славнейшем богатстве и изобилии, в безграничном блаженстве идеальной справедливости, полным мудрости, получающим желаемое.²⁵

Пример 5

Человеку высоких стремлений, сострадательному, благодетелю многих, да питают тебя [боги] и сохраняют вдали и невредимым от всех бедствий – всепобедительному М., сыну Н.²⁶

Пример 6

М., сыну Н., который вершит великие дела, управляет страной, действует справедливо, помогает бедным и дает всем существам надежду.²⁷

Если сравнить это с приведенными выше примерами из «Шах-наме» – бейтами 6б–7 из Примера 1: «Мудрому, бдительному и царю Земли, / Разрывающему оковы зла, // У него также и рассуждение и благодать Изада» и унваном из примера 3 (бейты 4–5): «К богатырю Гоштаспу, шаху земли, / Достойному престола кеянского славного. // Избранному и старшему сыну царя Лохраспа, / Господину войска и хранителю престола», можно видеть несомненное сходство не только с точки зрения наличия необходимых структурных элементов начальной части письма, но и во внутреннем наполнении этих элементов.

Обратимся теперь к следующему этапу эпистолярной традиции – арабо-персидской эпистолярной традиции VII–X веков.

Арабские письма исламского периода с самого начала содержали адресную формулу – унван, приветствие, благопожелание, а заканчивались кратким благопожеланием, которое могло совпадать с частью начала.

В середине VIII в. перед началом письма начала появляться арабская формула «во имя Бога, милостивого, милосердного» (согласно современному французскому исследователю Ф. Жиню, она также связана с традиционно предварявшей текст книги зороастрийской формулой «Pad nām ī yazdān»²⁸ – «во имя богов»). После нее сразу следовали благопожелания адресату²⁹. В IX в. адресная формула (унван) окончательно покинула текст письма, ее начали писать отдельно в верхней части письма или даже на внешней стороне листа, как адрес на конверте.

Вот, например, начальная часть арабского письма, написанного в Египте в IX в., адресованного египетскому чиновнику³⁰:

Пример 7

Во имя Бога, милостивого, милосердного. Да благоволит к тебе Бог и хранит тебя, продлит свою благосклонность к тебе и увеличит свою благожелательность по отношению к тебе и тем, кто с тобой.

Персидские письма раннеисламского периода начинаются той же формулой посвящения Богу – то на арабском, то на персидском. Восхваления Бога (или утверждения его могущества) разнятся в зависимости от типа письма, но остаются достаточно короткими. Например: «Верховная власть принадлежит Богу»³¹, «Он – Бог, славен Он». За восхвалением Бога следует обращение к адресату, переходящее в благопожелание. Эта часть со временем разрослась

даже по сравнению с не таким уж коротким сасанидским вариантом, наследником которого она являлась. Такие благопожелания также могли быть как на персидском, так и на арабском языке или сочетании двух языков. Выбор языка зависел от типа письма и его адресата. Например, для письма правителю подобающими считались такие варианты благопожеланий.

На арабском:

Пример 8

Да сделает Бог его знамена победительными!

Пример 9

Да сделает Бог его царствование могущественным!

На персидском:

Пример 10:

Да сделает Всемогущий Бог царя мусульманского мира процветающим в его земном царстве, а затем дарует ему царствование в раю, чтобы сделать его земное царство чем-то маленьким и ограниченным.

Как правило, арабские варианты восхвалений правителя достаточно кратки, тогда как персидский вариант того же временного периода многословнее и предлагает больше разнообразных вариантов преуспеяния.

Перейдем теперь к окончаниям писем. Сначала будет рассказано о сасанидской и арабо-персидской традициях, а затем уже о том, как обстоят дела с окончаниями писем в «Шах-наме».

В сасанидских письмах окончание обычно фактически повторяет начальную часть, но в сокращенном виде. И, как правило, в этой части также упоминается имя отправителя³². Приведем пример из вышеупомянутого письмовника.

Пример 11

Да умножаются вечно для тебя хвала, радость и святость: М. сын Н. шлет [это письмо]³³.

И другой пример уже из реального пехлевийского письма, хранящегося в собрании папирусов Гейдельбергского университета, Германия (точная датировка письма неизвестна). Начало письма не сохранилось, но, по мнению Дитера Вебера, опубликовавшего это письмо в числе других сохранившихся пехлевийских писем, оно представляет собой сокращенную версию приветственной формулы.

Пример 12

Тому, кого боги постоянно делают счастливее, тысячекратной бессмертной [благой] судьбой наделенному Хосрову Борзену Вахраму почтение, мир, прибежище.³⁴

Ровно та же схема характерна для арабо-исламского периода. Вот пример окончания письма IX века.

Пример 13: окончание письма из Примера 7.

Да благоволит к тебе Бог и хранит тебя, продлит свою благосклонность к тебе и увеличит свою благожелательность по отношению к тебе и тем, кто с тобой³⁵.

Окончание письма дословно повторяет часть начала того же письма.

И более ранний пример, относящийся к VIII веку. Окончание арабского письма, отправленного правителем Египта царю Нубии осенью 758 года (редкий случай, когда датировка письма известна)³⁶:

Пример 14

Мир друзьям Божиим и тем, кто им подчиняется. Написано Маймуном в воскресенье двенадцатой ночи в [месяце] Раджаб в году 141³⁷.

В этом примере благопожелательная часть дословно совпадает с частью вступления, и к ней добавлена часть с датировкой.

Любопытно, что, несмотря на постулируемую важность заключительной части в структуре этих посланий, в арабских эпистолярных трактатах она, в отличие от вступительной части, практически не обсуждается³⁸.

В «Шах-наме» формальные окончания в абсолютном большинстве писем отсутствуют, а в тех немногих случаях, где имеется что-то, что теоретически может быть сочтено формальным окончанием, оно скорее встроено в содержательную часть письма, чем составляет отдельную от нее формальную. Число таких примеров невелико, на весь текст поэмы приходится не более пяти, поэтому определить статус таких частей затруднительно.

Рассмотрим окончание письма от богатыря Рустама к его отцу Залю:

Пример 15

...Теперь, какой приказ даст пахлаван? –

Да будет он благословен телом и светел духом!³⁹

Здесь Рустам изъявляет готовность последовать приказу Заля и заканчивает благопожеланием. Это благопожелание вполне вписывается в традиционное окончание письма, так что может быть примером такого окончания, однако с тем же успехом может быть частью основного текста, в которой также могут содержаться благопожелания.

И даже таких напоминающих формальное окончание письма бейтов в поэме крайне мало, логичнее считать подобные места (благопожелания) общериторическим приемом содержательной части, а не элементом формальной рамки.

* * *

Сохранившиеся сасанидские письма не начинались с пространных восхвалений Бога (или богов). Обычные, не эпистолярные, тексты начинались с посвящения «во имя богов» или «во имя Ормазда» (верховного божества), но не более того. В современном Фирдоуси Иране письма начинались с краткого восхваления Бога, текст восхваления мог варьироваться, однако оставался достаточно коротким, состоящим из одного-двух коротких предложений. Таким образом, в этой части Фирдоуси использовал современную ему иранскую традицию, но при этом существенно изменил наполнение формальной структуры, превратив краткое посвящение Богу и восхваление Бога в пространный элемент рамки – в среднем 7 строк, хотя самые длинные восхваления доходят до 8 бейтов, то есть 16 строк. Существенно, что изменения коснулись не только объема, но и содержания: вместо простого утверждения могущества Бога у Фирдоуси можно видеть подробные примеры описания могущества и отношения Творца к его творениям, отражающие определенную философскую систему.

Другие структурные элементы формальной рамки письма в «Шах-наме». Восхваления и благопожелания адресату либо сливаются с унваном, либо приводятся отдельно от унвана в начале письма. Место унвана в письме не фиксировано: он может встречаться и в составе письма, и отдельно. Это совпадает с сасанидской традицией, тогда как исламская традиция ко времени жизни Фирдоуси вывела унван из текста письма (точнее, даже раньше – уже к началу IX века).

В некоторых письмах «Шах-наме» варианты вступительной части практически точно повторяют примеры из сасанидского письмовника с точки зрения как содержания, так и структуры фразы. Впрочем, за исключением места унвана и тенденции к некоторому упрощению, эпистолярная традиция более-менее сохранилась и во времена Фирдоуси.

Установить, вызвано ли это отношение к окончаниям писем художественными соображениями или как-то связано с существующей традицией, пока не удалось. Возможно, причина заключается в том, что сасанидская схема с дословным или слегка сокращенным повторением начальной части не отвечала художественным задачам, а использовать современную традицию Фирдоуси не хотел, однако это остается чистым предположением.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения самого наличия формальных частей сасанидская традиция в целом сохранилась ко времени Фирдоуси. Единственным существенным изменением стало появление восхваления Бога, так что нельзя с определенно-

стью сказать, на что именно ориентировался Фирдоуси – только на современную ему практику или и на какие-то не сохранившиеся до нашего времени среднеперсидские источники. Хотя, судя по собранным примерам из реальных писем и образцам среднеперсидского письмовника, с точки зрения наполнения структуры формальных частей Фирдоуси все же склонялся к доисламской традиции. Об этом же свидетельствует место унвана в письмах из «Шахнаме». При этом в той единственной части, где изменения были существенными – восхваление Бога, Фирдоуси использовал современную ему практику, хотя и сильно ее модифицировал.

Такое изменение обращает на себя внимание. Возможно, оно связано с желанием снять с прославляемых в поэме доисламских героев обвинение в многобожии. Дело в том, что такое прославление не всеми воспринималось однозначно, об этом можно судить, например, по тому, что Фирдоуси отказались похоронить на мусульманском кладбище⁴⁰. Можно предположить, что акцент на восхвалении единого Творца делался для своего рода оправдания зороастрийских предков в глазах ислама – ведь если они так восхваляли единого Бога, то многобожниками они быть не могли.

Примечания

- ¹ *Ehlers J.* Mit goldenem Siegel / Mit einem Vorw. von Dj. Khaleghi-Motlagh, Wiesbaden: Reichert, 2000. S. xiii-xiv.
- ² *Davis D.* The Problem of Ferdowsi's Sources // *Journal of the American Oriental Society.* 1996. Vol. 116, No. 1. P. 48-57.
- ³ *Ibid.* S. 1.
- ⁴ Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.: Наука, 1982. С. 5-6.
- ⁵ *Иностранцев К.А.* Персидская литературная традиция в первые века ислама. СПб., 2009. С. 1.
- ⁶ *Zaehner R.C.* Nāmak-nipēsišnīh // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* 1937. 9. P. 93-109.
- ⁷ *Weber D.* Ostraca, Papyri und Pergamente. Textband. *Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part III: Pahlavi Inscriptions, vol. IV/V: Ostraca and Papyri. Texts,* vol. 1. London. 1992. 265 p.
- ⁸ См., напр., *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. А.С. Рапорт и Н.И. Пригариной. М.: Садра, 2012. С. 47.
- ⁹ *Encyclopaedia Iranica. Correspondence ii.* In *Islamic Persia.* URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/correspondence-ii> (дата обращения: 17.08.2015).
- ¹⁰ *Пикульская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: ЛГУ, 1958.
- ¹¹ *Филытинский И.М.* История арабской литературы V – начала X в. М., 1985. С. 223.

- ¹² Encyclopaedia Iranica. Correspondence ii. In Islamic Persia...
- ¹³ *Reinfandt L.* Arabic Empire and an 'Advent of Asia' in Muslim Administrative Letter Formulae. Version 04. Imperium and Officium Working Papers (IOWP). URL: <http://iowp.univie.ac.at/node/215> (дата обращения: 15.08.2015).
- ¹⁴ *Grob E.M.* Information Packaging in Arabic Private and Business Letters (8th to 13th c. CE): Templates, Slots and a Cascade of Reduction and Rearrangement // Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology, Ann Arbor, 2007. P. 277.
- ¹⁵ Подстрочные переводы примеров были выполнены автором в рамках составления корпуса посланий из «Шах-наме». Переводы примеров из других источников также были выполнены автором – С.Л.
- ¹⁶ Царь Запада – зд. дядя Манучехра, Салм, убийца своего брата Ираджа, отца Манучехра. Под Западом подразумеваются страны, лежащие, по унаследованным авестийским представлениям, к западу от «центра мира» Ирана.
- ¹⁷ Изад, сокр. от Йаздан, зд. означает «Бог»; *Луконин В.Г.* Комментарии / Шахнаме. Т. 4. М.: Наука, 1984. С. 406.
- ¹⁸ *Фирдоуси А.* Шах-наме / Науч.-критич. текст, разночтения, примечания и прил. М.-Н. О. Османова. Т. 1. М., 1991. С. 94.
- ¹⁹ *Фирдоуси.* Шах-наме. Критический текст / Сост. текста О.И. Смирнова, под ред. А. Нушина. Т. 3. М., 1965. С. 45.
- ²⁰ *Фирдоуси.* Шах-наме. Критический текст / Сост. текста М.-Н.О. Османов. АН СССР Институт народов Азии. Т. 6. М.: Наука, 1967. С. 74.
- ²¹ Encyclopaedia Iranica. Correspondence i. In pre-Islamic Persia. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/correspondence-i> (дата обращения: 17.08.2015).
- ²² См., например: Пехлевийская божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда, Вираз и намаг) и другие тексты / Введ., транслит. пехлевийских текстов, пер. и комм. О.М. Чунаковой. М., 2001. С. 96, 143, 149, 157, 161.
- ²³ *Zaehner R.C.* Op. cit. P. 93-109.
- ²⁴ Ibid. P. 7.
- ²⁵ Ibid. P. 7.
- ²⁶ Ibid. P. 7.
- ²⁷ Ibid. P. 7-8.
- ²⁸ *Gignoux Ph.* Pour une origine iranienne du bi'smillah // Pad nām ī yazdān. Paris, 1979. Pp. 159-63.
- ²⁹ *Reinfandt L.* Op. cit.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Этот и последующие примеры до примера 10 включительно были взяты из: Encyclopaedia Iranica. Correspondence iii. Forms of opening and closing, address, and signature. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/correspondence-iii> (дата обращения: 17.08.2015).
- ³² *Weber D.* Sassanidische Briefe aus Ägypten // Asiatische Studien. Études Asiatiques. LXII 3 2008. – Asie. Documentary Letters from Middle East: The Evidence in Greek, Coptic, South Arabian, Pehlevi, and Arabic (1th-15th c CE). Edited by Eva Mira Grob and Andreas Karlony. Peter Land AG, Europäischer Verlag der Wissenschaften. Bern, 2008. P. 804-805.
- ³³ *Zaehner R.C.* Op. cit. P. 100.
- ³⁴ *Weber D.* Ostraca, Papyri und Pergamente... P. 184.
- ³⁵ *Reinfandt L.* Op. cit.

- ³⁶ *Martin Plumley J.* An Eighth-Century Arabic Letter to the King of Nubia // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1975. Vol. 61. P. 241-245.
- ³⁷ Имеется в виду 141 год хиджры.
- ³⁸ *Gully A.* The Culture of Letter-Writing in Pre-Modern Islamic Society. Edinburgh University Press, 2008. P. 134-135.
- ³⁹ *Фирдоуси А.* Шах-наме / Науч.-критич. текст, разночтения, примечания и прил. М.-Н. О. Османова... С. 69.
- ⁴⁰ *Низами Арузи Самарканди.* Собрание редкостей, или Четыре беседы / Пер. с персидского С.И. Баевского и З.Н. Ворожейкиной. М.: ИВЛ, 1963.

Адыгские идиомы в Турции: от первых описаний до собственной письменности¹

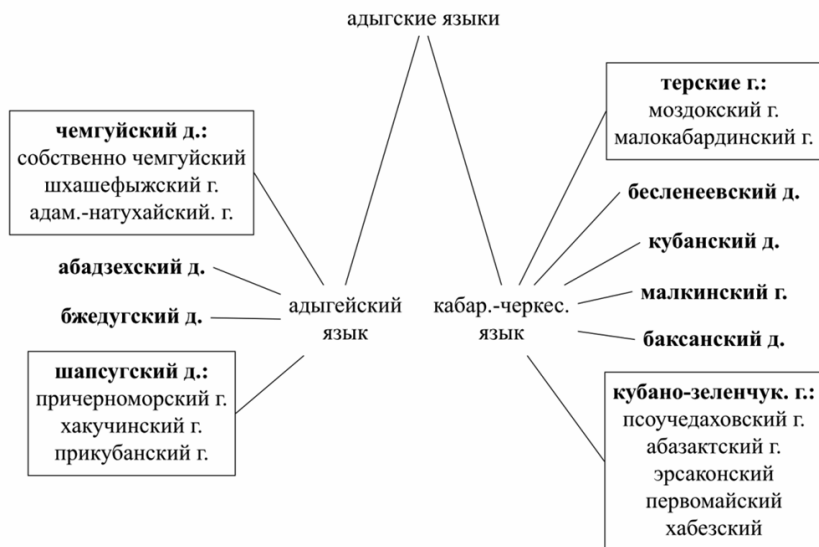
Работа посвящена анализу фонетического строя разных адыгских идиомов в Турции. Материалом для исследования послужили источники XIX в. (черкесские словари Л. Лоуз, турецкий мавлид), лингвистические работы, а также новые словари и учебные материалы, написанные новой адыгской письменностью на турецкой основе.

Ключевые слова: адыгские языки, адыгейский язык, кабардино-черкесский язык, фонология, письменные системы

1. Введение

Одним из последствий завершившейся в 1864 году Кавказской войны стало принудительное переселение значительного числа адыгов, абазин, абхазов и убыхов в Османскую империю. Таким образом, часть населения сформировала адыгские диаспоры на территории бывшей Османской империи², а часть населения, предки которого согласились на условия сселения на равнины, поставленные Российской Империей в конце Кавказской войны, осталась на родине на территории современной Российской Федерации. Несмотря на широкое расселение адыгов на территории Российской Федерации, контакты между представителями разных адыгских идиомов, безусловно, не прекращались, в то время как контакты с турецкими адыгами были крайне ограничены, и лишь в последнее время в этом можно наблюдать какие-то изменения:

Следует отметить, что адыгская диалектология развивалась по-разному. Адыгейские идиомы классифицировались на основе отождествления этнического и языкового разнообразия: племенное деление было использовано для описания языкового разнообразия. Кабардинские идиомы обособились раньше и диалектологические исследования, проводившиеся в середине XX в., в большей степени напоминали классическую диалектологию.

Рис. 1. Традиционная классификация адыгских идиомов

На Рис. 1 представлена традиционная классификация адыгских идиомов, распространенных на территории РФ, составленная на основе работ З.И. Керашевой³, Г.В. Рogaва⁴, П.М. Багова⁵, Б.Х. Балкарова⁶, Т.Х. Куашева⁷, М.А. Кумахова⁸, К.Т. Мамрешева⁹, А.К. Шагиров¹⁰, З.Ю. Кумаховой¹¹, Ю.А. Тхаркахо¹². В данной работе анализируются идиомы турецких адыгов и производится сравнение с идиомами, распространенными на территории РФ. Материалом для исследования послужили словарь Лоуз¹³, собранный в XIX в. в Османской Империи, работы, посвященные адыгским идиомам в Турции, словарь и учебные материалы, написанные новой адыгской письменностью на латинской основе¹⁴, а также материалы, собранные во время работы с носителями, проживающими на территории РФ.

В разделе 2 перечислены некоторые особенности адыгских идиомов; в разделе 3 приводится краткая история адыгской письменности, а также ее новый вариант на турецкой основе; в разделе 4 проанализированы работы, посвященные адыгам в Турции.

2. Основные фонологические особенности адыгских идиомов

Традиционно все идиомы делят на западные (адыгейские) и восточные (кабардино-черкесские). Восточные и западные идиомы

различаются (по крайней мере, на территории РФ) по целому ряду грамматических и фонетических черт, но мы перечислим лишь несколько, так как материалом нашего исследования являются словари разного времени, что затрудняет исследования морфологии и синтаксиса. Фонетическая запись разных исследователей далеко не всегда в достаточной мере отражает все необходимые контрасты, так что при анализе некоторых источников, чтобы уменьшить вероятность неправильных суждений, нами были выбраны негоморганные регулярные соответствия, т. е. регулярные соответствия, элементы которых имеют разное место образования. Таким образом, в данном исследовании мы будем опираться на:

- фонетические соответствия, приведенные в Таб. 1;
- показатель неотторжимой посессивности, отсутствующий в восточных идиомах (об употреблении посессивной конструкции см. грамматики адыгейского¹⁵ и кабардинского¹⁶ языков и работу И.М. Горбуновой¹⁷);
- показатель суффиксального отрицания -ер (западные), -q'эм (восточные) (об употреблении показателя см. грамматики адыгейского¹⁸ и кабардинского¹⁹ языков и др.).

Таб. 1. Фонетические особенности двух адыгских ветвей

западные				восточные				перевод
ŝ ^w	пшъу	пеш ^w э	нэшъу	f	ф	пef	нэф	‘слепой’
ŝ ^w	шлу	маш ^w е	машлу	f'	фI	маf'е	мафIэ	‘огонь’
ž ^w	жъу	мэž ^w е	мыжъо	v	в	мэvе	мывэ	‘камень’
f	ф	fəžə	фыжъы	x ^w	ху	x ^w əž	хуж	‘белый’

В данной работе фонетический материал подается в двух записях: фонетическая транскрипция знаками международного фонетического алфавита сопровождается записью в адыгейской или кабардино-черкесской кириллических орфографиях, в угловых скобках записываются отдельные графемы.

3. Адыгская письменность

Вплоть до 20-х годов XX в. адыги на Кавказе использовали арабское письмо (с его внедрением связана деятельность Умара Хапхаловича Берсея в середине XIX в.). В Советском Союзе для двух литературных языков – адыгейского и кабардино-черкесского – были созданы алфавиты сперва на латинской, а потом на кириллической основе (см. работу И.И. Исаева²⁰). В Турции политика Кемаля Ататюрка по созданию «единой турецкой нации» ограни-

чивала права на преподавание и использование языков всех национальных меньшинств (см., например, работу Дж. Ландау²¹), что, естественно, отразилось и на адыгах. К моменту работы Р. Смеетса²² лишь немногие адыги могли читать написанное арабским письмом, собственного письма у них не было.

Адыгская письменность на турецкой основе появилась у турецких адыгов совсем недавно: был издан словарь²³ и учебные материалы²⁴. И в словаре, и в учебных материалах различаются два варианта: западный (близкий к литературному адыгейскому языку) и восточный (близкий к литературному кабардино-черкесскому языку). Для записи западного варианта из 29 турецких букв не используется лишь <v>, а для записи восточного варианта не используются <ö> и <ü> (предполагаемые соответствия кириллических и латинских адыгских систем письма, а также нашу транскрипцию см. в Приложении). В обеих системах используется достаточно много диакритических знаков: акут, точки под и над буквами, апостроф, гачек и циркумфлекс:

- акут на гласных: <â>, <é> (соответствует æ и е);
- акут на согласных: <ĭ> (соответствует глухому латеральному фрикативному ɬ, в кириллических орфографиях — <лъ>), <ř> (соответствует абруптивному губному смычному р', в кириллических орфографиях — <пІ>), <š> (соответствует глухой зубной аффрикате tʃ, в кириллических орфографиях — <ц>), <ž> (соответствует звонкой зубной аффрикате dʒ, в кириллических орфографиях — <дз>), <ķ> (соответствует глухому велярному огубленному смычному <kʷ>, в кириллических орфографиях — <ку>);
- точка над буквой: <ĥ> (соответствует глухому увулярному фрикативному χ, в кириллических орфографиях — <хъ>), <î> (соответствует абруптивному зубному смычному т', в кириллических орфографиях — <тІ>), <î> (соответствует абруптивному губному фрикативному f', в кабардино-черкесской орфографии — <фІ>);
- точки над и под буквой: <ṧ> (соответствует глухому свистящему ш̇, в адыгейской орфографии — <шъ>, в кабардино-черкесской орфографии — <щ>);
- циркумфлекс над буквой: <ĵ> (соответствует звонкому свистящему ж̇, в адыгейской орфографии — <жъ>, в кабардино-черкесской орфографии — <жь>);
- гачек над буквой: <ṣ̌> (соответствует абруптивной глухой зубной аффрикате tʃ̣, в кириллических орфографиях — <цІ>).

Важно заметить, что адыгская письменность на латинской основе достаточно непоследовательна по сравнению с ее кириллическим аналогом.

Для формализации понятия последовательности письменной системы, мы предлагаем следующие определения:

- (1) **Письменная система** — система соответствий между языковыми единицами и определенным набором знаков (графем), также правил сочетания данных знаков.
- (2) **Принцип системности** — каждая графема (в том числе нулевая) отражает одинаковое подмножество дифференциальных фонологических признаков.
- (3) **Изоморфность письменной системы** – W с количеством n уникальных соответствий графема \leftrightarrow языковая единица, для v из которых нарушает принцип системности, будет следующим:

$$\text{Con}(W) = \frac{s-v}{s}$$

Как мы видим, графема <'> в обеих адыгских орфографических системах на турецкой основе несколько раз нарушает принцип системности:

l	p	s	z	k
í	ǫ	ś	ź	ķ
глухость	абруптивность	аффрикативность	аффрикативность	огубленность

Аналогичным образом ведет себя графема <'>:

h	t	f
ĥ	ṭ	f̣
фарингальность	абруптивность	абруптивность

Многие сегменты обозначены одной графемой, а не композиционным сочетанием графем: \hat{j} (видимо, \hat{z}), \hat{s} (видимо, \hat{s} , в адыгейской орфографии – шъ, в кабардино-черкесской орфографии – щ), q (видимо, k' , в кириллических орфографиях – кI) и другие. Все эти особенности значительно уменьшают степень изоморфности адыгских письменных систем на латинской основе в том виде, в каком мы это понятие сформулировали, однако следует заметить, что адыгские письменные системы на основе кириллицы также достаточно непоследовательны:

<i>письменности</i>	<i>на кириллической основе</i>		<i>на латинской основе</i>	
идиомы	западные	восточные	западные	восточные
Con	0,78	0,90	0,82	0,86

4. Турецкие адыги: исследования и современное состояние

4.1. Работа Л. Лоуэ

Одной из первых работ, посвященной турецким адыгам являются англо-черкесско-турецкий и черкесско-англо-турецкий словари²⁵. Автор подробно описал ход своей работы: он составлял словарь в компании 5–10 адыгов (автор не производил более дробного деления на языки или говоры), задавая свои вопросы на турецком языке, а после записи слова проверялись в обратном порядке: автор произносил слово и просил носителей перевести на турецкий. Каждое слово проходило несколько итераций такой проверки. Для записи использовался арабский алфавит с некоторыми персидскими и турецкими буквами, каждое слово сопровождалась транскрипцией на основе английской орфографии. В данной работе мы воспроизведем лишь транскрипцию на английской основе. Если судить на основе параметров, выделенных в разделе 2, словарь основан на западном диалекте (см. Таб. 2): на месте огубленных свистяще-шипящих \hat{s}^w и \hat{z}^w (в адыгейской орфографии – шгъу и жгъу), сохранившихся в западных идиомах, в источнике представлены переднеязычные фрикативные звуки, а не губные, а на месте огубленного велярного x^w (в обеих кириллических орфографиях – ху) в источнике встречается губной фрикативный. Интересно отметить, что примеры с показателями посессивности показывают, что уже в середине XIX в. было явление аффрикатизации показателя первого лица перед фрикативными, свойственное сейчас лишь некоторым западным идиомам, например, бжедугскому (подробнее об этом см. работы Х. Сметса²⁶, К.И. Хута²⁷):

(1a) $\widehat{t\text{š}}\text{h}\text{a} \leftarrow s\text{-}\widehat{š}\text{h}\text{a}$ (орф. сшгъхъа)
1SG.PR + голова
'моя голова'	(1b) $t\text{šh}\text{a} \leftarrow t\text{-}\widehat{š}\text{h}\text{a}$ (орф. тшгъхъа)
1PL.PR-голова
'наша голова'
(2a) $\widehat{t\text{ʃ}}\text{ə} \leftarrow s\text{-}\widehat{ʃ}\text{ə}$ (орф. сшы)
1SG.PR + брат
'мой брат'	(2b) $t\text{ʃ}\text{ə} \leftarrow t\text{-}\widehat{ʃ}\text{ə}$ (орф. тшы)
1PL.PR-брат
'наша брат'

Таб. 2. Соответствия материалов словаря²⁸ и современных идиомов

перевод	Лоуэ	западные		восточные	
'жена'	shûhz	$\hat{s}^w\text{əz}$	шгъуз	fəz	фыз

‘свинец’	psáshee	p̄tsaš ^w ʷe	пцашцо	bdzapt̄sʷe	бдзапцӀэ
‘слепой’	nes-shû	neš ^w	нэшъу	nef	нэф
‘черный’	shooášh	š ^w ʷətsʷe	шцуцӀэ	fʷətsʷe	фцӀыцӀэ
‘сладкий’	éz-shû	ʔeš ^w	ӀэшцӀу	ʔef	ӀэфцӀӀ
‘камень’	múshey	məž ^w ʷe	мыжьо	məve	мывэ
‘звезда’	shághó	ž ^w ak ^w ʷe	жьуагъо	vak ^w ʷe	вагъо
‘человек’	tsiffey	t̄sʷəfə	ццӀыфы	t̄sʷəx ^w	ццӀыху
‘теплый’	fáhbey	fabe	фабэ	x ^w abe	хуабэ
1SG.PR-голова	tshkha	t̄sh̄e	сшгъхэ	sje š̄he	си шхэ
1SG.PR-сестра	tsheebkh	t̄ʃəp̄x ^w ə	сшыпхъу	sje ɕəp̄x ^w ə	си шыпхъу
neg	ep, ép	ep	эп	qʷəm	къым

4.2. Черкесский Мавлид

Следующим важным памятником является Черкесский Мавлид – поэма, в которой около 1000 строчек (по 11 слогов), переведенная, как написано в выходных данных, Абд ал Рахман и изданная адыгами в турецком городе Дюздже (Düzce) между 1913 и 1914 годом. Анализ особенностей издания, а также 18-строчный фрагмент текста содержатся в работах Р. Смеетса²⁹. Автор приводит несколько вариантов записи описанного фрагмента: транслитерацию букв Мавлида, транскрипцию чтения текста носителем, а также свою фонематическую и морфологическую интерпретацию. Из-за маленького размера текста не все параметры, перечисленные в разделе 2 встретились, однако те, что нашлись, свидетельствуют в пользу западного варианта (см. Таб. 3): в тексте встречаются уникальные для западных идиомов огубленные свистяще-шипящие \hat{s}^w и $\hat{s}^{w'}$ (в адыгейской орфографии – шъу и шцӀу), а также губной фрикативный f (в обеих кириллических орфографиях – ф) на месте огубленного велярного x^w (в обеих кириллических орфографиях – ху) восточных диалектов. Р. Смеетс исходит из предположения, что текст написан на шапсугском диалекте, и действительно, в нем легко обнаружить несколько ярких черт, характерных для шапсугов, проживающих на территории РФ: префикс *re-*, а также переход огубленного велярного x^w в f в контексте перед фрикативным (см. работу З.И. Керашевой³⁰ и примеры в Таб. 3). Обе черты были вновь зафиксированы в экспедиционных поездках автора 2015 года.

Таб. 3. Соответствия материала Черкесского Мавлида из разных работ Р. Сметса и разных ветвей адыгских идиомов

<i>Ч. Мавлид</i>	<i>западные</i>	<i>восточные</i>
uaʃuə (транскрипция) waʃ°-əyʔ (анализ) небо-add	waʃ ^w e (транскрипция) уашьо (орфография) 'небо'	waʃe уафэ 'небо'
...ʃu... ...ʃ°... 'пить'	...ʃ ^wшъу... 'пить'	...f... ...ф... 'пить'
meʃuefue meʃ°e-f°e огонь-большой	meʃ ^w a-ʃx ^w e мэшъа-шхо огонь-большой	meʃ ^w a-ʃx ^w e мэфъа-шхуэ огонь-большой
maf maf-əyʔ день-add	mafe мафэ 'день'	max ^w e махуэ 'день'

4.3. Турецкие бесленеевцы

Работа К. Парис³¹ посвящена исследованию бесленеевцев из Зеннун Кёю. В работе подробно освещается фонология адыгских идиомов, приводятся фонологические системы адыгейского и кабардино-черкесского литературных языков (распространенных на территории РФ), а также фонологическая система бесленеевского диалекта. Данные, приведенные в К. Парис, противоречат данным Б.Х. Балкарова³² и нашим полевым исследованиям, которые производились автором в 2014 году. Перечислим пункты расхождения:

- наличие противопоставления палатоальвеолярных и альвеопалатальных аффрикат и фрикативных;
- наличие велярных неогубленных смычных;
- наличие ларингальных фрикативных.

В работе Б.Х. Балкарова³³ описано бесленеевское противопоставление палатоальвеолярных и альвеопалатальных аффрикат и фрикативных, которые «последовательно выдержаны» в аулах Кургоковское и Вако-Жиле (в скобках приводится транскрипция, используемая в работе Б.Х. Балкарова):

(3a) $\overline{dʒe}$ (орф. джэ)
'беги'	(3b) $\overline{dʒem}$ (орф. джэм)
'корова'
(4a) tʃə (орф. чьы)
'лошадь'	(4b) tʃe (орф. чьэ)
'молоко'
(5a) $\overline{ʃe}$ (орф. шэ)
'жир'	(5b) ɕə (орф. щы)
'три'

(6a) зѐ (орф. жэ) (6a) зѐ (орф. жьы)
 'рот' 'ветер'

В фонологическом описании К. Парис³⁴ палатоальвеолярные и альвеопалатальные аффрикаты описаны, как находящиеся в свободной вариативности, однако в текстах, которые приводит автор, есть лишь палатальные аффрикаты.

В ходе полевых исследований автора в аулах Уляп (Республика Адыгея), Кургоковское и Коноковское (Краснодарский край), Бесленей и Вако-Жиле (Карачаево-Черкесская Республика) была зафиксировано лишь противопоставление палатоальвеолярных и альвеопалатальных фрикативных звуков, и аналогичное противопоставление в аффрикатах было отмечено нами из всех бесленеевских селений лишь в Кургоковском, в остальных же аулах, видимо, произошла спирализация аффрикат, прошедшая в остальных адыгских идиомах (в скобках запись орфографией адыгейского литературного языка):

(7a) зѐ (орф. жьэ) (7b) зѐт (орф. жьэм)
 'беги' 'корова'
 (8a) џѐ (орф. чьы) (8b) џѐ (орф. чьэ)
 'лошадь' 'молоко'
 (9a) џѐ (орф. шэ) (9b) џѐ (орф. шы)
 'жир' 'три'
 (10a) зѐ (орф. жэ) (10a) зѐ (орф. жьы)
 'рот' 'ветер'

Стоит отметить, что в некоторых работах (см. работы Б.Х. Балкарова³⁵ и М.А. Кумахова³⁶) уляпский идиом относят к кубанскому диалекту, однако наши исследования однозначно свидетельствуют в пользу того, что этот идиом бесленеевский. Таким образом, можно предположить, что в работе Б.Х. Балкарова³⁷ зафиксирован наиболее архаичный идиом, в работе К. Парис³⁸ смешались палатоальвеолярные и альвеопалатальные, а в современных бесленеевских идиомах на территории РФ палатоальвеолярные и альвеопалатальные аффрикаты перешли во фрикативные, а архаическое состояние осталось лишь в ауле Кургоковское (см. Рис. 2).

Кроме того, в работах Б. Х. Балкарова³⁹ и К. Парис⁴⁰ отмечаются палатализованные веллярные смычные (k^j , g^j , k^j), которые ни в одном бесленеевском ауле нами обнаружены не были, так как они, видимо, как и в других адыгских идиомах, палатализовались и перешли в альвеопалатальные аффрикаты ($t\zeta$, $d\zeta$, $t\zeta'$).

(11a) fonk^j (11b) фонк' (11c) fonk' (11d) font\zeta
 'ружье' по Балкарову по Парис наши данные

Рис. 2. Аффрикаты и фрикативные бесленеевских идиомов в РФ и Турции

прасостояние			
ʃ	ʒ	ʂ	ʐ
tʃ	dʒ	tʂ	dʐ

[Балкаров 1959]	[Paris 1974]	наши данные
ʃ ʒ ʂ ʐ	ʂ ʐ	ʃ ʒ ʂ ʐ
tʃ dʒ tʂ dʐ	tʂ dʐ	

В работе Б.Х. Балкарова обсуждается ларингальный фрикатив (в терминах автора – междусвязачный спирант), который присутствует в показателе аддитива -hʲə и множественного числа -he, а также на месте некоторых (не всех) глухих свистяще-шипящих š̌ (в адыгейской орфографии – шь, в кабардино-черкесской – шц). В работе К. Парис выделяется фарингальный фрикатив ħ (в работе используется символ ħ) и два ларингальных фрикатива h и h^w (в работе используются символы h и h^o). Однако в ходе наших экспедиций были зафиксированы лишь фарингальные фрикативные, а на месте ларингального лишь велярный, как в большинстве адыгских идиомов. Видимо, стоит предположить, что описанная в работе Б.Х. Балкарова система представляет архаический вариант, тем более, что она согласуется с системой, описанной в работе К. Парис, а наши данные свидетельствуют о выравнивании идиомов на территории РФ, произошедшем из-за контактов. Результаты данного анализа можно продемонстрировать следующей таблицей:

Таб. 4. Рефлексы фарингального фрикативного в бесленеевских идиомах

бесленеевская праформа	*ħ	*ħ ^w	*h
[Балкаров 1959]	ħ	ħ ^w	h
[Paris 1974]	ħ	ħ ^w	h
наши бесленеевские данные	ħ	ħ ^w	x
большинство адыгских идиомов	ħ	ħ ^w	x

Хотя фонологическая система турецкого бесленеевского из-за совпадения палатоальвеолярных и альвеопалатальных во многом становится похожа на кубано-зеленьчукские говоры (см. работу П.М. Багова⁴¹), все же распределение данных сегментов в лексико-

не турецких бесленеевцев характерно для бесленеевского говора, например, нет свистяще-шипящих на месте альвеопалатальных в западных идиомах: tɕʰaʒe ‘парень’ (в работе К. Парис — čʰále, в адыгейской и кабардинской орфографиях — кІалэ), а не šʰaʒe (в адыгейской и кабардинской орфографиях шІалэ), как во всех восточных идиомах, кроме бесленеевского. Однако, очевидно, что бесленеевские идиомы уже значительно отличаются от бесленеевских идиомов на территории РФ, так что при построении классификации адыгских идиомов стоит учитывать это различие.

4.4. Турецкие шапсуги

В своей работе Х. Сметс⁴² сравнивает фонологические особенности шапсугских идиомовиз Дюздже (Düzce) и Генчали (Gençali). Особенности шапсугских идиомов в данной работе в основном согласуются с шапсугскими материалами, описанными в работе З.И. Керашевой⁴³, и нашими данными, собранными в ходе работы в шапсугских аулах Большой Кичмай, Хаджико, Большое и Малое Псеушко, Псебе, Агуй-Шапсуг и Псейтук в 2015 году:

- наличие противопоставления придыхательных и непридыхательных (в отечественном адыговедении используется термин преруптивные) – описано в работах З.И. Керашевой и Х. Сметса, но нами обнаружено было лишь в ауле Псейтук;
- нерегулярный переход tšʰ в sʰ;
- прафонемы *q^h и *q^{hw} переходят в χ и χ^w (в кириллических адыгских орфографиях – хъ и хъу);
- кластер прафоном *ʃχ^w перешел в f^w;
- совпадения палатоальвеолярных и альвеопалатальных в альвеопалатальных;
- сохранение прафонемы qʰ (в генчалиском шапсугском – kʰ^w), которая в других адыгских идиомах дала ʔ^w;
- сохранение мягких велярных k^j, g^j, kʲ (в работе З.И. Керашевой использованы знаки къ, гъ и кІъ, в работе Х. Сметса – k^h, kⁱ, g, k̂).

Традиционно принято выделять хакучинский подговор, к которому и относят говор аулов Большой Кичмай и Малый Кичмай, Хаджико, Калеж, Лыготх. Стоит отметить, что в остальных западных идиомах прафонема *q^h и *q^{hw} перешли в q и q^w (в адыгейской орфографии – къ и къу), так что в ходе нашего исследования шапсугские идиомы поделались на три группы:

- прафонемы *q^h и *q^{hw} перешли в q и q^w – аулы Большой Кичмай, Хаджико, Большое и Малое Псеушко (хакучинские);

(12a) qe (орф. къэ)
'могила'

(12b) qʷe (орф. къо, къуэ)
'свинья'

- прафонема *q^h и *q^{hw} перешли в χ и χ^w – аулы Агуй-Шапсуг и Псебе (причерноморские шапсуги);

(13a) χ^e (орф. хъэ) (13b) χ^we (орф. хьо, хьюэ)
 ‘могила’ ‘свинья’

- прафонема *q^h и *q^{hw} перешли в χ и q^w — аул Псейтук (прикубанские шапсуги)

(14a) χ^e (орф. хъэ) (14b) q^we (орф. кьо, кьюэ)
 ‘могила’ ‘свинья’

Именно в хагучинских аулах нами были обнаружено сохранение прафонемы q^w, а спорадический переход ts’ в s’ засвидетельствован нами лишь в аулах Агуй-Шапсуг и Псебе, т. е. в аулах причерноморских шапсугов. Приведенные в работе Х. Сметса данные позволяют отнести генчалисский шапсугский ко второму типу – причерноморским шапсугам.

Таким образом, мы видим, что в данном случае турецкие идиомы в области фонетики не сильно отличаются от идиомов, распространенных на территории РФ, что позволяет предложить более дробную классификацию.

4.5. Словари и учебные материалы, написанные новой адыгейской латиницей

Выше в разделе 3 мы обсудили особенности новой письменности, представленной в работах Дог и др.⁴⁴; в данном разделе мы попробуем определить, к каким идиомам относятся языки, представленные в данных работах.

К сожалению, мы не обладаем почти никакими акустическими данными, связанными с данной орфографической системой, поэтому мы можем судить лишь на основании того, какие контрасты новая орфография отражает.

Выделенные нами в разделе 2 особенности вполне отражают разницу между восточными и западными идиомами. Одной из отличительных черт данного материала является отсутствие различия в западном турецком идиоме свистяще-шипящих (š, ž, в адыгейской орфографии шъ и жъ, в кабардино-черкесской орфографии щ и жъ), альвеопалатальных и палатоальвеолярных (ʃ, ʒ, ç и ç, в адыгейской орфографии ш, ж, щ, и жъ, а для кабардино-черкесских идиомах считается, что эти звуки совпали, так что они обозначаются лишь при помощи ш и ж), но различие свистяще-шипящих и альвеолярных в восточном идиоме. Как видно из Таб. 5 и 6, в словах, где ожидаются разные звуки в западных используется знак ş на месте глухих фрикативных и j на месте звонких. Надо отметить, что спорадический переход свистяще-шипящих в альвеолярные наблюдался и в абад-

зехском диалекте на территории РФ (см. работу З.Ю. Кумаховой⁴⁵). Кроме того, в западном диалекте можно обнаружить и другие отличительные абадзехские черты, например, видимо, в орфографии нашла отражение вариативность в употреблении абруптивной палатоальвеолярной аффрикаты $\text{t}\check{\text{c}}'$ и палатализованной гортанной смычки $\text{ʔ}'$ ('парень': западный турецкий – $\text{t}\check{\text{c}}'\text{a}\check{\text{z}}\text{e}$ и $\text{ʔ}'\text{a}\check{\text{z}}\text{e}$, cae , $\text{e}\acute{\text{a}}\text{le}$, в адыгейском – $\text{t}\check{\text{c}}'\text{a}\check{\text{z}}\text{e}$, $\text{k}\text{I}\text{al}\acute{\text{e}}$, в кабардино-черкесском – $\text{š}'\text{a}\check{\text{z}}\text{e}$, $\text{š}\text{I}\text{al}\acute{\text{e}}$; и др. примеры). Что касается восточного варианта, представленного в словаре, он в целом достаточно близок к современному кабардино-черкесским идиомам, важно лишь отметить, что в этом варианте сохранились нелабиализованные велярные смычные (k , g , k'), которые во многих адыгских идиомах (кроме некоторых шапсугских и некоторых кабардинских) перешли в аффрикаты ($\text{t}\check{\text{c}}$, $\text{d}\check{\text{z}}$, $\text{t}\check{\text{c}}'$):

(15) ged (ср. кабардино-черкесское $\text{d}\check{\text{z}}\text{ed}$, орф. джэд)

'курица'

(16) $\text{q}'\text{e}$ (ср. кабардино-черкесское $\text{t}\check{\text{c}}'\text{e}$, орф. клэ)

'хвост'

Таб. 5. Соответствия материалов турецкого словаря⁴⁶ и других идиомов

перевод	западный/восточные варианты	западные		восточные	
'жена'	$\text{š}\ddot{\text{u}}\text{z}\text{i}/\text{f}\text{i}\text{z}$	$\text{š}^{\text{w}}\text{e}\text{z}$	шъуз	fez	фыз
'слепой'	$\text{ne}\check{\text{s}}\ddot{\text{u}}/\text{ne}\text{f}$	$\text{ne}\check{\text{s}}^{\text{w}}$	нэшьу	nef	нэф
'черный'	$\text{š}\ddot{\text{u}}'\text{i}\check{\text{s}}\text{e}/\text{f}\check{\text{i}}\check{\text{s}}\text{e}$	$\text{š}^{\text{w}}'\text{e}\text{t}\check{\text{s}}'\text{e}$	шъуцлэ	$\text{f}'\text{e}\text{t}\check{\text{s}}'\text{e}$	фъицлэ
'сладкий'	$\text{a}\check{\text{s}}\ddot{\text{u}}'\text{i}/\text{a}\text{f}$	$\text{ʔ}\text{e}\check{\text{s}}^{\text{w}}$	лэшьу	$\text{ʔ}\text{e}\text{f}$	лэфл
'камень'	$\text{m}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{o}}/\text{m}\text{i}\text{v}\text{e}$	$\text{m}\text{e}\check{\text{z}}^{\text{w}}\text{e}$	мыжьо	$\text{m}\text{e}\text{v}\text{e}$	мывэ
'звезда'	$\text{j}\ddot{o}\acute{\text{a}}\check{\text{g}}\text{o}/\text{v}\text{a}\check{\text{g}}\text{ue}$	$\check{\text{z}}^{\text{w}}\text{a}\text{k}^{\text{w}}\text{e}$	жъуагъо	$\text{v}\text{a}\text{k}^{\text{w}}\text{e}$	вагъо
'человек'	$\text{š}\text{i}\text{f}\text{i}/\text{š}\text{i}\text{xu}'$	$\text{t}\check{\text{s}}'\text{e}\text{f}\text{e}$	цъыфы	$\text{t}\check{\text{s}}'\text{e}\text{x}^{\text{w}}$	цъыху
'горячий'	$\text{f}\text{a}\text{b}\text{e}/\text{xu}\text{a}\text{b}\text{e}$	$\text{f}\text{a}\text{b}\text{e}$	фабэ	$\text{x}^{\text{w}}\text{a}\text{b}\text{e}$	хуабэ

Таб. 6. Примеры на альвеолярные и свистяще-шипящие фрикативные из турецких словарей⁴⁷

	турецкие идиомы		идиомы на территории РФ			
	западные	восточные	западные		восточные	
'три'	$\text{ŝ}\text{i}$	$\text{š}\text{i}$	цэ	щы	$\text{š}\text{e}$	щы
'сестра'	$\text{ŝ}\text{i}\text{p}\text{h}\text{u}$	$\text{š}\text{i}\text{p}\text{h}\text{u}'$	$\text{ŝ}\text{e}\text{r}\check{\text{x}}^{\text{w}}\text{e}$	шыпхъу	$\text{c}\text{e}\text{r}\check{\text{x}}^{\text{w}}\text{e}$	шыпхъу
'голова'	$\text{ŝ}\text{h}\text{a}$	$\text{š}\text{h}\text{a}$	$\text{ŝ}\text{h}\text{e}$	шъхъэ	$\text{š}\text{h}\text{e}$	шъхъэ
'губа'	$\text{u}\text{p}\check{\text{s}}'\text{e}$	$\text{u}\text{p}\check{\text{s}}'\text{e}$	$\text{ʔ}^{\text{w}}\text{e}\text{r}\check{\text{s}}\text{e}$	лупшлэ	$\text{ʔ}^{\text{w}}\text{e}\text{r}\text{e}$	лупэ
'шкура'	$\text{ŝ}\ddot{\text{o}}$	fe	$\text{š}^{\text{w}}\text{e}$	шъо	fe	фэ
'лук (растение)'	$\text{b}\text{j}\text{i}\text{n}$	$\text{b}\text{j}\text{i}\text{n}$	$\text{b}\check{\text{z}}\text{e}\text{n}\text{e}$	бжьыны	$\text{b}\check{\text{z}}\text{e}\text{n}$	бжьын
'борода'	$\text{j}\text{a}\text{c}\acute{\text{e}}$	$\text{j}\text{a}\text{c}\text{e}$	$\text{z}\text{a}\text{t}\check{\text{c}}\text{e}$	жаклэ	$\text{z}\text{a}\text{t}\check{\text{c}}\text{e}$	жъаклэ
'старый'	ji	ji	$\check{\text{z}}\text{e}$	жъы	$\check{\text{z}}\text{e}$	жъы

5. Заключение

Слабая внутриэтническая дивергенция позволила использовать адыгскую племенную классификацию для классификации адыгских идиомов. В работе показано, что в случае бесленеевского диалекта в Турции такой подход дает сбои: несмотря на сохранение некоторых бесленеевских черт, этот идиом значительно сблизился с другими восточными идиомами, что значительно отличает его от бесленеевских идиомов на территории РФ. Кроме того, нами был отмечен другой недостаток такого подхода: шапсугские идиомы объединяют в себе несколько подгрупп, т. е. диалектом считаются группы идиомов разной степени дивергенции. Очевидно, что при дальнейшем развитии адыгские идиомы на территориях РФ и Турции под влиянием доминирующих языков каждой из стран (в том числе литературных адыгских идиомов и начинающими претендовать на роль таковых на территории Турции), а также из-за взаимного влияния значительно разойдутся, так что классификация, основанная на племенном делении, со временем будет все хуже отражать синхронное языковое разнообразие. Так, например, идиом, названный в турецких словарях восточным, в области фонетики уже значительно отличается от восточных идиомов на территории РФ. Данная проблема возникает из-за распространенной традиции описания языковой дивергенции на основе исторической реконструкции, которая в свою очередь, не учитывает языковые контакты. В современных исследованиях истории языка наблюдается все большее распространение волновой теории (wave-model), противопоставляемой древесной теории (tree-model) (см. работы П. Хэггарти и др.⁴⁸, а также в работе А. Франсуа⁴⁹), которая позволяет инкорпорировать в синхронное описание языкового разнообразия влияние внешних языков и внутриязыковое влияние идиомов друг на друга.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-074-34а) с использованием средств Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. по проекту № 15-09-0263.
- ² После переселения адыги оказались в разных частях Османской империи, так что после развала империи они оказались на территории разных государств. В данный момент существуют диаспоры в Сирии, Иордании, Израиле, Ливии и других странах. См. *Koryakov Y. B. Caucasian languages in Turkey // Atlas of the Caucasian languages. Moscow : Institute of Linguistics RAS, 2002.*
- ³ *Керашева З.И.* Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Май-коп : Адыгейское книжное изд-во, 1957.

- ⁴ *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- ⁵ *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка // Очерки по кабардино-черкесской диалектологии / М.А. Кумахов (ред.). Нальчик: Кабардино-балкарский НИИ при совете министров КБАССР, 1969. С. 9–75.
- ⁶ *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд., 1959.
- ⁷ *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки по кабардино-черкесской диалектологии... С. 119–189.
- ⁸ *Кумахов М.А.* Кубанский диалект // Там же. С. 190–248; Кабардино-черкесский язык / Кумахов М. А. (ред.) Нальчик: Эль-Фа, 2006.
- ⁹ *Мамрешев К.Т.* Баксанский диалект // Очерки по кабардино-черкесской диалектологии... С. 249–289.
- ¹⁰ *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Там же. С. 290–329.
- ¹¹ *Кумахова З.Ю.* Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик: Эльбрус, 1972.
- ¹² *Тхаркахо Ю.А.* Чемгуйский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Майкоп: Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований, 1993.
- ¹³ *Loewe L.* A Dictionary of the Circassian Language. George Bell, 1854.
- ¹⁴ *Sözlük Türkçe-Adıgçe, Adıgçe-Türkçe / S. Doğ, M. Kılıç, S. Kablan, N. Tarı. – Adıg Dil Derneği Tarafından Hazırlanmıştır, 2014.*
- ¹⁵ *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка... С. 68-71.
- ¹⁶ Кабардино-черкесский язык... С. 73-75.
- ¹⁷ *Горбунова И.М.* Поссесивные конструкции. // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец и др., М.: РГГУ, С. 146–165.
- ¹⁸ *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка... С. 239-254.
- ¹⁹ Кабардино-черкесский язык... С. 174-175.
- ²⁰ *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР: процессы создания письменностей народов СССР. М.: Наука, 1979.
- ²¹ *Landau J.M.* Atatürk and the Modernization of Turkey. Brill, 1984.
- ²² *Smeets R.A.* Circassian Mevlid // Studies in Slavic and General Linguistics. 1980. P. 323–335.
- ²³ *Sözlük Türkçe-Adıgçe, Adıgçe-Türkçe...*
- ²⁴ *Çerkesçe Ders Kitabı / S. Doğ, M. Kılıç, S. Kablan et al. Adıg Dil Derneği Tarafından Hazırlanmıştır, 2014.*
- ²⁵ *Loewe L.* Op. cit.
- ²⁶ *Smeets H.J.* Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden : The Hakuchi Press, 1984, P. 118-119.
- ²⁷ *Хут К.И.* Влияние внешних факторов на произношение звуков адыгейского языка. Майкоп: Качество, 2013.
- ²⁸ *Loewe L.* Op. cit.
- ²⁹ *Smeets R.A.* Circassian Mevlid... P. 323–335; *Smeets H.J.* Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden : The Hakuchi Press, 1984.
- ³⁰ *Керашева З.И.* Указ. соч.
- ³¹ *Paris C.* Système phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler besney de Zennun Köyü, Tcherkesse oriental. Peeters Publishers, 1974. Vol. 69.

- 32 Балкаров, Б.Х. Указ. соч.
 33 Там же.
 34 Paris C. Op. cit.
 35 Балкаров Б.Х. Указ. соч. С. 6
 36 Қумахов М.А. Указ. соч. С 190.
 37 Балкаров Б.Х. Указ. соч.
 38 Paris C. Op. cit.
 39 Балкаров Б.Х. Указ. соч.
 40 Paris C. Op. cit.
 41 Багов П.М. Указ. соч. С. 9–75.
 42 Smeets H. J. Studies in West Circassian Phonology and Morphology...
 43 Керашева З.И. Указ. соч.
 44 Sözlük Türkçe-Adıgçe, Adıgçe-Türkçe...; Çerkesçe Ders Kitabı...
 45 Қумахова З.Ю. Указ. соч. С. 54-58.
 46 Sözlük Türkçe-Adıgçe, Adıgçe-Türkçe...
 47 Op. cit.
 48 Heggarty P., Maguire W., McMahon A. Splits or waves? trees or webs? how divergence measures and network analysis can unravel language histories // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. Vol. 365, no. 1559. P. 3829–3843.
 49 François A. Trees, waves and linkages: models of language diversification // The Routledge handbook of historical linguistics. New York, London: Routledge, 2014. P. 161–189.

Приложение

Соответствия транскрипции и адыгских орфографических систем на основе кириллицы и латиницы (Т – транскрипция, А – адыгейская, К – кабардинская, ЗТ – западно-турская, ВТ – восточно-турская):

Т	А	К	ЗТ	ВТ
a	а	а, э	a	a
b	б	б	b	b
ḍʒ	дж	дж	c	c
t̪ç'	кI	кI	ć	ć
t̪s ^w	о цу		ö çü	
d	д	д	d	d
e	э	э	e	e
e	е	е	é	é
f	ф	ф	f	f
g	г	г	g	g
ɣ	г	г	g	g
в	гъ	гъ	ğ	ğ
g ^w	о гу	о гу	o gu	o gu

Т	А	К	ЗТ	ВТ
ɸ ^w	о гъу	о гъу	o ğū	o ğū
h	хъ	хъ	h	h
χ	хъ	хъ	h	h
χ ^w	о хъу	о хъу	o hu	o hu
i	и	и	i	i
ə	ы	ы	ı	ı
ʒ	жь		j	j
ʒ ^w	о жьу		ö jü	
q ^h			k	k
k ^w	о ку	о ку	o ku	o ku
ɬ	л	л	l	l
ɬ	лъ	лъ	l̄	l̄

T	A	K	ЗТ	ВТ
ɬ'	лІ	лІ	ɬ̂	ɬ̂
m	м	м	m	m
n	н	н	n	n
o	о	о	o	o
p	п	п	p	p
p'	пІ	пІ	p̂	p̂
k ^w	^o кІу	^o кІу	q	q
r	р	р	r	r
s	с	с	s	s
ts̄	ц	ц	ś	ś
ts̄'	цІ	цІ	š̂	š̂
ʃ	ш	ш	ʃ̂	ʃ̂
š̂'	шІ	шІ	š̂̀	š̂̀
t	т	т	t	t
t'	тІ	тІ	t̂	t̂
t ^w	^o тІу	^o тІу	^o tu	^o tu
w	^o у	у	w	w
x	х	х	x	x
x ^w	^o ху	^o ху	^o xu	^o xu
j	й	й	y	y
z	з	з	z	z
dz̄	дз	дз	ž̂	ž̂
f'		фІ		f̂
g ^j				i ge
ž̂	жъ	жъ		ĵ̂
q ^w	^o къу			^o ku
k'	кІ			q
š̂	шъ	щ		š̂
v		в		v
p ^w	^o пІу			
ʒ̄	ж	ж		
tʃ̄	чъ			
tʃ̄'	чІ			
dʒ̄	дж			
š̂ ^w	^o шъу			
š̂ ^w	^o шІу			

T	A	K	ЗТ	ВТ
dz̄ ^w	^o дзу			
ɕ	щ			
tɕ̄	ч	ч		
q	къ			
q'		къ		
q'		^o къу		
qχ̄		кхъ		
qχ̄ ^w		^o кхъу		
ʔ	І	І		
ʔ ^w	^o Іу	^o Іу		
æ	я, а	я		

Л.Л. Федорова

Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке

Работа посвящена изучению категории неотчуждаемой принадлежности в русском языке. Она проявляется в моделях с формально выделяемым нулевым суффиксом у сложных прилагательных и у прилагательных с префиксом *без-*, которые обнаруживают относительную продуктивность в современном языке. Рассматриваются ограничения на действие моделей как семантического, так и структурно-фонетического свойства. Представляется, что данные модели формировались на основе представлений о наиболее важных сущностях, составляющих целостный образ человека.

Ключевые слова: неотчуждаемая принадлежность, сложные слова, нулевой суффикс, прилагательные с префиксом *без-*, значения принадлежности и лишения, русские фамилии.

Нулевой суффикс в сложных прилагательных

Исходным пунктом исследования послужило сосуществование в языке пар сложных прилагательных типа *разноязыкий – разноязычный, сладкоголосый – сладкогласный, жестокосердый – жестокосердный, длинношерстый – длинношерстный* и проч. Формальное различие слов в парах заключается в наличии или отсутствии суффикса *-н-*, а содержательное, очевидно, требует уточнения.

Нас интересует, прежде всего, класс прилагательных, образованных сложением корней без добавления суффикса *-н-*. Это довольно обширная группа слов, заключающая в себе характеристику субъекта обладания (обладателя) по обладаемому объекту с его выделенным признаком, например: *белолицый, синеглазый, шестипалый* и проч. Обладатель, как правило, одушевленный – человек или животное. В самом прилагательном обычно в качестве второго компонента используется название части тела, а первым компонентом является ее признак, выраженный основой прилагательного или числительного, но возможна здесь и основа существительного – тогда подразумевается сходство сопоставляемых объектов

(*саблезубый*: ‘с зубами как сабли’) либо сходство с аналогичным объектом у другого обладателя (*волоокий*: ‘с очами как у вола’). Таким образом, данная группа объединяет модели $[A+N]_A$, $[Num+N]_A$ и $[N+N]_A$, характеризующие обладателя X по некоторому признаку Z обладаемого объекта Y. Можно заметить, что Y представляет собой неотчуждаемую принадлежность субъекта, и отсюда предположить, что данные модели являются способом выражения категории неотчуждаемой принадлежности в русском языке. Аргументом в пользу такой гипотезы является то, что для значений отчуждаемой принадлежности ‘имеющий много детей/ домов/ мало денег’ и проч. возможные формы *многодетный*, *многодомный*, **малоденежный* отмечены суффиксом *-н-*, которому обычно приписывается широкое значение отнесенности к референту. Носителем значения неотчуждаемой принадлежности является, очевидно, нулевой суффикс, который и выполняет вместе с соединительным формантом словообразующую функцию.

Такая точка зрения принята в Академической грамматике¹. Не используя термина «неотчуждаемая принадлежность», грамматика уточняет, что в опорной основе даны объекты, обозначающие части тела человека или животного или части растения (реже – их неотъемлемое свойство), а в первой основе возможны и глагольные корни: *лупоглазый*, *пучеглазый*². Данный класс сложных прилагательных сопоставляется с моделью прилагательных с префиксом *без-* (*безрукий*, *безухий* и проч.), в которых также выделяется нулевой суффикс, модель при этом передает значение лишения того, что названо в корне³.

Согласно Академической грамматике, нулевой суффикс в русских сложных прилагательных отличает данную модель от чистого сложения типа *сине-зеленый* или *засухоустойчивый*, при котором опорный элемент существует в языке как самостоятельное прилагательное, т.е. нулевой суффикс нужен, чтобы произвести целое, которое невозможно образовать простым сложением слов (например, **глазый* отсутствует в языке). Существует, однако, иная точка зрения. Как отмечает Й. Гжега, ссылаясь на Я. Горецкого⁴, рассматривавшего подобную модель в чешском языке (*ostrochvost*), мы не можем использовать термин нулевой производящей морфемы или нулевого суффикса, поскольку понятие нулевой морфемы осмыслено только в рамках закрытой системы («we cannot use either the term zero-derivative-morpheme or that of zero-suffix, since the notion of zero-morpheme makes sense only in the frame of a closed system»⁵). Для словоизменения закрытая система – это, например, парадигма склонения. Т.е. мы выделяем нулевое окончание именительного падежа существительных мужского рода в парадигме склонения

постольку, поскольку она включает другие падежные окончания. Можно заметить, однако, что при словообразовании нулевая морфема выделяется не столько в противопоставлении значений, сколько в их сопоставлении, т.е. в ряду других, ненулевых морфем в формах с близким значением (ср. *синева* и *синь*, *собрание* и *сбор*, также примеры выше: *разноязыкий* и *разноязычный*). Таким образом выделение нулевого суффикса оказывается системно обусловленным.

Надо отметить, что нулевой суффикс не обладает единственным специфическим значением, он возможен в разных словообразовательных типах и в силу этого омонимичен: он отмечается также в сложных существительных типа *пароход*, *самолет* или *тяжеловес*, *толстосум*, в отглагольных существительных типа *пуск*, в существительных, образованных от прилагательных, типа *синь*, *высь* и др.⁶ Иными словами, необходимость выделять нулевой суффикс возникает там, где существует отношение производности и у производного слова появляется особое значение, причем не уникального, а общего типа. Таким значением оказывается и значение неотчуждаемой принадлежности, основанное на отношении обладания и характеризующее рассматриваемый класс прилагательных.

Типологическая характеристика композигов принадлежности

В типологических исследованиях сложные слова со значением принадлежности относят к классу атрибутивных⁷. Атрибутивные сложные слова, т.е. существительные и прилагательные с определительным отношением между компонентами (*blackbird*, 'черный дрозд', букв. 'черная птица'; *green-eyed* 'зеленоглазый'), противопоставляются субординативным – именам с подчинительным отношением (*steamboat* 'пароход', букв. 'пар+лодка', *lipstick* 'губная помада', букв. 'губа+палочка') и координативным сложным словам с равноправными компонентами (*bitter sweet* 'горько-сладкий', *actor-author* 'актёр-автор'). При этом атрибутивные (как и композиты других классов) могут быть эндоцентрическими (*blackbird*, *green-eyed*) или экзоцентрическими (*greybeard* 'седобородый человек, старик', букв. 'седая+борода', *redskin* 'краснокожий', букв. 'красная+кожа'); для сравнения: в русском *зеленоглазый* и *седобородый* принадлежат одной модели.

Признак экзоцентричности предполагает, что объект X, к которому отнесено сложное слово, не назван ни в одном из его компонентов и не вступает с ними в родовидовые отношения: например,

различаются как экзоцентрическое и эндоцентрическое сложные слова *сухогруз*, обозначающее не груз, а корабль, и *сухофрукты*, обозначающее фрукты. Экзоцентрические композиты – это тип сложных слов бахуврихи, по традиции индийских грамматик. В английских примерах типа *green-eyed* ‘зеленоглазый’ суффикс *-ed* считается «головой» композита – указанием на референцию к X, поэтому они рассматриваются как эндоцентрические; примеры же без суффикса *-ed* выступают как существительные – носители признака на основе метонимического переноса и, следовательно, оказываются экзоцентрическими (*greybeard* ‘седобородый человек, старик’). Наличие нулевой морфемы со значением принадлежности в словах типа *greybeard* отмечал еще Уильям Д. Уитни⁸. Таким образом, явное или скрытое присутствие словообразующего элемента различает здесь эндоцентрические и экзоцентрические композиты. Среди русских сложных прилагательных также можно провести подобное разделение: прилагательные с нулевым суффиксом (*зеленоглазый, седобородый*) оказываются экзоцентрическими, а с суффиксом *-н-* – эндоцентрическими, поскольку суффикс указывает на референцию к субъекту.

Неотчуждаемая принадлежность

Категория неотчуждаемой принадлежности выделяется как грамматическая в некоторых языках Африки, Океании, Австралии. Обычно неотчуждаемая принадлежность оказывается немаркированной, а отчуждаемая – маркированной особым показателем, что может указывать на архаичность первой. В языках европейского стандарта это семантическое явление слабо прослеживается в выборе местоимений или артиклей:

- фр. *Il fermait les yeux – Il fermait son cahier*⁹
- ср. рус.: *Он закрыл глаза – Он закрыл свою тетрадь* (при невозможности **Он закрыл свои глаза* и допустимости *Он закрыл свои усталые глаза*).

Неотчуждаемая, или «неотторжимая», принадлежность попала в поле исследований А.Б. Пеньковского. Так, при сравнении наречий *бережно – осторожно* оказывается, что употребление *бережно* ограничено по отношению к субъекту речи и к предметам, связанным с ним неотторжимой принадлежностью: например, невозможно **бережно погладить свою щеку*. Т.е. неотчуждаемая принадлежность может проявляться как скрытая семантическая категория¹⁰.

Тем удивительнее представляется выделение этой категории в русском языке на уровне словообразования. Причем здесь модель неотчуждаемой принадлежности оказывается продуктивной; так, легко образовать прилагательные *синебровый, сереброусый, гладкопечий, мягкобокий*, которые будут общепонятны, хотя и не содержатся в словарях русского языка. Возможность подобных форм подтверждается существованием большого числа фамилий, производных от прозвищ. Б.О. Унбегаун предполагает переход от прозвища-словосочетания к фамилии через промежуточную стадию прилагательного: *Кривые ноги > Кривоногий > Кривоногов*. Для фамилий на *-ов* такая промежуточная стадия (а следовательно и само прилагательное) легко восстанавливается, хотя прилагательные и отсутствуют в современном языке, например: *Гололобов* (< **гололобий*), аналогично *Сивоолобов, Свиноолобов, Кособрюхов, Остропятов, Сухобоков, Сухоносов, Синепупов, Толстогозов, Толстоусов, Вислобоков, Долгорожев, Дурнорожев, Корконосов, Корчебоков, Мерзлоухов, Теплоухов, Лихошерстов, Худоногов* и др.¹¹

Хотя в плане словообразования неотчуждаемая принадлежность выражается продуктивной в современном языке моделью, здесь действуют некоторые определенные ограничения семантического и структурно-фонетического свойства. Определение этих ограничений и является главной задачей настоящей работы.

Семантические ограничения

1. Одушевленность/неодушевленность субъекта: *длинношерстый* и *длинношерстный*

В определении АГ прилагательные указанного класса связываются с одушевленными субъектами, реже с растениями; как специфические выделяются *длиннополюй* (об одежде), *широкополюй* (о шляпе)¹². По нашей оценке, неодушевленных объектов – обладателей неотчуждаемых признаков может быть больше. Например, *узкогорлый кувшин, трехногий стул, тонкокожий апельсин, островерхая крыша, тупоносый чайник, толстопузый самовар* и проч. Очевидно, эти предметы имеют названные части как необходимые, без них предметы теряют свою функциональность: шляпу нельзя представить без полей (тогда это уже шапка), а кувшин без горлышка (тогда это просто сосуд – ваза или горшок), так что употребление прилагательных данной модели кажется вполне оправданным. К тому же легко заметить, что неотчуждаемые части имеют переносные названия: *носик, горлышко, ножка, кожуха* и т.д.; причем

обычно с уменьшительными суффиксами, которые утрачиваются в прилагательных (об этом ниже). Возможно, что соотношенность с названиями частей тела отличает данные сложные прилагательные от таких, как *трехколесный* (велосипед), *многоэтажный* (дом), *черноплодная* (рябина) и проч., соотносимых с не менее важными частями других предметов, но оформленных суффиксом *-н-*.

В класс неодушевленных субъектов попадают и такие сочетания, как *сладкоголосый ручей*, *многоголосый хор*, *разноголосое пение*, *многоязыкий базар*, *многоликий Восток* и др. В них очевидно присутствует либо персонификация, либо отнесение к действию лица или к множеству лиц.

Все же различие одушевленного и неодушевленного субъектов обладания отчасти сохраняется в парах *длинношерстый / короткошерстый щенок* – *длинношерстный / короткошерстный ковер*, хотя суффиксальные прилагательные в целом преобладают (по Google на 28.12.15 форма *длинношерстый* отмечена 14 600 раз, *длинношерстая* 10 300 против *длинношерстный* 381 000 и *длинношерстная* 414 000; причем *длинношерстный ковер* 27 600, *длинношерстый ковер* 1490, гораздо чаще определение с *-н-* уже относится к породам собак или кошек).

2. Воспринимаемость признака: *хладнокровный* и *мягкотелый*

В целом ряде случаев характеризующие субъекта сложные прилагательные с опорным неотчуждаемым объектом оказываются оформлены суффиксом *-н-*. Это такие примеры, как *благодушный*, *великодушный*, *добродушный*, *равнодушный*, *тщедушный*, *добровольный*, *своевольный*, *благоденственный*, *своенравный*, *злонравный*, *доброевропейский*, *доброевропейский*, *мягкосердечный*, *милосердный* (но *жестокосердый!* – о чем ниже), *чистосердечный*, *теплокровный*, *хладнокровный*, *чистокровный*, *остроумный*, *тупоумный*, *хитроумный*, *благоразумный* и проч. Можно заметить, что большинство из них связаны с обозначением не столько частей тела, сколько способностей, приписываемых субъекту, или «невидимых органов», где, по Е.В. Урысон, помещается такая способность, согласно семантической системе русского языка¹³; это *душа*, *воля*, *нрав*, *совесть*, *сердце*, *кровь*, *ум*, *разум*. Возможно, их невидимость, неосвязаемость, невоспринимаемость обычными органами чувств и создает границу, за пределами которой оценка неотчуждаемости становится проблематичной. Сердце и кровь отличаются от остальных членов ряда тем, что являются реальными физическими объектами, однако невидимыми и, возможно, потому также оцениваются не напрямую, а опосредовано, по приписанным признакам.

В этом, очевидно, и состоит основная разница значений двух моделей. Как неотчуждаемые оцениваются непосредственно воспринимаемые объекты, а скрытые или абстрактные со своими признаками – скорее, как характеризующие личность субъекта. И признаки их оценки часто также бывают абстрактными или переносными – *благой, добрый, злой, милый* и др. В этом ряду *хладнокровный* имеет переносное значение: 'имеющий «холодную кровь», т.е. сдержанный' в противоположность 'горячей, пылкой крови', что говорит о трезвости, спокойствии, расчетливости: кровь как невидимая внутренняя сущность отвечает за темперамент и самообладание. Можно возразить, что *мягкотелый* также имеет переносное оценочное значение – 'слабохарактерный, безвольный'; однако оно появляется на основе явленных, воспринимаемых признаков. Аналогично – *твердолобый, узколобый*. Лоб и тело могут мыслиться как видимые границы вместилища воли, ума и характера, откуда и развиваются переносные значения у сложных прилагательных – 'упрямый', 'ограниченный', 'бесхарактерный'.

Таким образом, для выбора модели явленность неотчуждаемого объекта приоритетнее его качественной оценки (прямой или переносной, воспринимаемой или выводимой). И значение неотчуждаемой принадлежности существенно отличается от отчуждаемой принадлежности как имманентное свойство, реально присущее субъекту, от приписываемого ему. Это же касается и прилагательных с префиксом *без-* (ср. *безрогий, безбородый, но безвольный, бездушный*).

Фонетические ограничения

Помимо отмеченных семантических, существуют еще и фонетические ограничения, определяющие возможность построения сложного прилагательного. Они связаны с особой слоговой структурой второго компонента – это может быть либо односложная основа (*глаз, пол*), либо основа с полногласием (*голос, борода*), исключение – *язык*. Эти ограничения отмечены в Академической грамматике для прилагательных с приставкой *без-* и для сложных прилагательных. Структурные ограничения на двусложный второй компонент не допускают, в частности, прилагательных **парнокопытые, *острохребтый, *длинноресничный* для обозначения неотчуждаемого обладаемого; они также не позволяют образовать прилагательные типа **тонкокожурый* для неодушевленных предметов. По-видимому, возможность двусложных основ с полногласием также опирается на существование исходных неполногласных вариантов (ср. *златовласый – золотоволосый*). Вообще сложные прилагательные этого клас-

са редко превышают длину в 5 слогов; более длинными могут быть терминологические образования, например *перепончатокрылые*, *чешуйчатокрылые* (это можно отчасти объяснить тем, что они являются принадлежностью письменного языка). Возможно, это ограничение как-то связано и с акцентной структурой слова (для слов, имеющих более 5 слогов, нормально двойное ударение). Во всех случаях неотчуждаемая принадлежность стремится к минимизации средств выражения, что в целом соответствует общей тенденции немаркированности этого признака в противоположность маркированному выражению отчуждаемости. По-видимому, в этом воплощается и архаичность категории, и архетипичность самого отношения.

Таким образом, продуктивность данной модели словосложения зависит от выполнения основного семантического ограничения (воспринимаемость признака органами чувств) и от структурно-фонетического ограничения.

Особые случаи

1. *Жестокосердый* и *милосердный*

Однако в рассмотренном ряду присутствуют прилагательные с опорным компонентом *сердце*, образующие формы по обеим моделям: *жестокосердый*, *милосердый*, но *мягкосердечный* и *милосердный*. В соответствии с нашей гипотезой, как обозначение не воспринимаемого непосредственно, невидимого органа чувств, *сердце* нормально образует прилагательные с *-н-*. Однако в языке существуют и формы без *-н-*, оказывающиеся, судя по словарям, более архаичными. Как изначально неодносложная основа, *сердце* в них утрачивает суффикс и таким образом соответствует фонетическому критерию. В Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского¹⁴ есть форма *жестосьрдыи*, а прямое соответствие для *жестокосердый* отсутствует. Можно предположить, что форма *жестокосердый* появилась из *жестосердыи* под воздействием прилагательного *жестокый*, вытеснившего *жестый* (прилагательные *жестый* и *жестокый* в первом значении близки: 'твердый, крепкий' и 'жесткий' соответственно); Срезневским также отмечены другие формы на *-сердыи / -сьрдыи* – *милосердыи*, *бесьрдыи* ('бессердечный') – при отсутствии у него *милосердный*. Формы с *-н-* нормально появляются в соответствии со структурными ограничениями при двусложной основе *сердыц- / сердеч-* и, видимо, по аналогии с ними в *милосердный*; под него подстраивается и *жестокосердный*, зафиксированное у Шведовой¹⁵ при устарелом *жестокосердый* (**жестокосердечный* представляется слишком

громоздким, многосложным). В настоящее время формы продолжают соперничать: *жестокосердый* 15 300, *жестокосердный* 36 400 примеров по поисковику Google (28.12.15).

В этом рассуждении получается, что наиболее архаичные прилагательные без *-н-* ориентировались на сердце как чувственно воспринимаемый орган, средоточие всех чувств, видимый центр (ср. *сердце* – ‘середина, сердцевина’ в первом значении, по Срезневскому), отвечающий за эмоциональное поведение (в частности, гнев, раздражение, ср. *в сердцах, сердитый*); либо, возможно, различие воспринимаемого и невоспринимаемого развилось позднее. О возможности первого толкования говорит и такой пример: Срьдце же посредь персии, к нему же от всихъ съставъ жилы сходящеса, всяко чютие приносить.¹⁶

2. *Сладкоголосый и сладкогласный*

Аналогичную пару образуют и прилагательные *сладкоголосый* и *сладкогласный*. Первое может пониматься как неотчуждаемая принадлежность, особенное свойство говорящего или поющего, в том числе соловья, сирены (ср. и в переносном значении – «Сладкоголосая птица юности», перевод с англ. «Sweet Bird of Youth» Теннесси Уильямса), второе – и как характеристика речи, пения, голоса птицы, звучания лиры, как синоним к «сладкозвучный». Это различие подтверждается и противопоставлением основного конкретного значения у *голос* и абстрактного у *глас*:

Так – в значительной мере – сделал сладкоголосый Жуковский, расчистивший дорогу для Пушкина. [Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // Новый Мир, 2008]¹⁷

Где та сирена, которая нас, гибнущих плователей, соблазнила сладкогласным своим пением? [М.Е. Салтыков-Щедрин. Сенечкин яд (1863–1871)]¹⁸

Можно сравнить также пару *безголосый* – *безгласный*, где первое прилагательное характеризует отсутствие голоса (певческого) или просто временную потерю голоса у субъекта, а второе – означает ‘безмолвный’ или ‘беззвучный’.

На слух оцениваются и другие качества, связанные с речью: *разноязыкий* – *разноязычный*, *многоязыкий* – *многоязычный*, которые во многих контекстах взаимозаменяемы, но все же обладают и собственными предпочтительными референтами: в первом случае этот референт мыслится как одушевленное существо или заполненное народом пространство: *многоязыкий ребенок, народ, театр, университет, базар*, во втором – как технически сложный объект: *сайт, портал, переводчик, проект, форум, домен, интерфейс, разговорник*.

3. *Бесстыжий – бесстыдный*

Прилагательные с префиксом *без-* во многих отношениях ведут себя так же, как и сложные прилагательные. Они имеют формы с *-н-* и без него, которые обнаруживают то же семантическое различие: *безухий – одноухий, бессердечный – добросердечный, бездушный – двоедушный*. В западной традиции прилагательные такого типа могут описываться как сложные слова с двухкомпонентным составом: предлог + существительное [Prep+N]_{Adj} (см., например у Benigni, Masini¹⁹).

Прилагательные с нулевым суффиксом способны характеризовать не только одушевленные субъекты, но и более широкий круг референтов: *безлесые горы, безлистые деревья*. Словарь морфем А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой отмечает ряд корней, способных к построению прилагательных данной модели: так, кроме названных, возможны *безверхий, безнёрдый, безостый, безыглый*, а также *бесшёрстый* и *беспёрый*²⁰.

Особого внимания заслуживает пара *бесстыжий – бесстыдный*, где оба прилагательных отмечены суффиксами: *-j-* и *-н-*, причем у прилагательных разная референция: *бесстыжий человек/глаза/взгляд – бесстыдный поступок*. Здесь в одном случае свойство стыда мыслится как неотчуждаемая принадлежность человека, в другом – как оценка, приписываемая его действиям, т.е. суффикс *-j-* действует аналогично нулевому суффиксу²¹. При этом стыд, абстрактная невидимая субстанция, воспринимается как физический объект, очевидно, явленный в глазах и взгляде. Точнее сказать, стыд проявляется в отводе глаз (*стыдливо отвести глаза в сторону, потупить взгляд, прятать глаза*), а явным, видимым в глазах читается смущение – либо бесстыдство. Глаза оказываются органом, непроизвольно выражающим стыд или смущение; это как бы их пассивная функция – выказывать чувство или состояние души. Но хотя глаза могут выразить разные чувства, а у стыда есть и более очевидное проявление – *краска стыда* (которая, впрочем, может свидетельствовать и о других чувствах, по А.Г. Григоряну²²), в языке именно глазам приписано неотчуждаемое свойство стыда как видимой субстанции. Срезневский приводит целый ряд слов со значением ‘бесстыжий’ – *бестудъ* (‘бесстыдник’), *бесрамьныи*, а также *безокъ, безочьнь, безочьныи, безочивьыи*, т.е. букв. ‘безглазый’. О.Н. Трубачев отмечает это как редкий пример развития нового значения для данной модели, семантической эволюции: ‘без глаз, без зрения’ → ‘бесстыжий; наглый, нахальный, дерзкий’; подобное явление наблюдается и в греческих и персидских примерах²³. Можно добавить и близкий армянский пример: *анэрес*, букв. ‘без лица’, ‘без-

ликий' – 'нахальный, назойливый, навязчивый'. Обладание лицом представляется более общим свидетельством достоинства, стыдливости, способности не обнажать чувства взглядом, защищаться краской стыда, т.е. создавать внешнюю границу. Можно усмотреть здесь более широкую параллель с метафорой «сохранения лица» как ведущего принципа теории вежливости П. Браун – С. Левинсона²⁴.

Для русского материала получается, что стыд, как и сердце, – неотчуждаемая принадлежность человека, поскольку они отмечены в архаичных моделях: *бестудь, безокъ, бесърдь, жестосердь* и современных *бесстыжий, жестокосердый*.

Модель прилагательных со значением лишения

Но является ли сама модель *без-√-Ø* изначально фиксирующей лишение неотчуждаемой принадлежности?

У Срезневского для образований с *без-/бес-* отмечены ряды дериватов двух типов:

1) *студъ – бестудъ* (без *студа*, 'бесстыдник') – *бестуждь/бестужь* (без *студа*, 'бесстыжий') – *бестудие – бестудьныи*; *чадо – бесчадъ, бесчада* (без *чада*, 'бездетный') – *бесчадие – бесчадьныи*;

2) *страхъ – бестрашие – бестрашьныи*; *чинъ – бесчиние – бесчиньныи*; или *честь – бесчестие – бесчестити – бесчестьныи*.

Рядов первого типа меньше; в них видно, что прилагательные и существительные (вначале без категориального различия) складываются на основе предложной конструкции сращением с минимальным морфологическим преобразованием. От них могут производиться прилагательные с помощью суффикса *-j-* (*бестуждь/бестужь*, ср. также *бездобъ* 'бесполезный, напрасный') и с суф. *-ьн-*. В рядах второго типа прилагательные отмечены только с суффиксом *-ьн-*, при наличии и существительных с суффиксом *-и-е* с отвлеченным значением. Вероятно, эти более сложные формы прилагательных являются более поздними.

Но в то же время простые, краткие формы семантически достаточно разнообразны и не обнаруживают общего признака неотчуждаемой принадлежности: *безбогъ, безвередъ* ('невредимый'), *безвъкъ, бездъдъ* (имя собств. муж.), *безлъпыи* (без *лъпа*, 'бесмысленный'), *бесапогыи*, но *безбрадънь* ('безбородый'), *безгласьныи*. В берестяных грамотах А.А. Зализняк отмечает также имя *Безуй* 'не имеющий дяди по материнской линии' (грамота 22 из Старой Руссы)²⁵.

Можно предположить, что краткая модель изначально оформляла очень важные признаки человека²⁶ – они близки к конкретно-

му имени-прозвищу (ср. также фамилии по Унбегауну: *Безбородов, Беззубов, Безруков, Безуглов, Безумов, Безухов, Бескостый, Беспалов, Бесперстов, Беспятов, Бессонов, Бестужев* (<бестудь²⁷). Минимальная морфологическая оформленность модели *безвредъ, безокъ, бесчадъ* выделяет первый круг важных конкретных характеристик, их немного, но круг не ограничен неотчуждаемыми объектами (то же и в производных фамилиях: *Безуглов* < без угла, т.е. без дома). А менее важные или обобщающие, вторичные, оформляются суффиксама *-ын-* и/или *-и-е/ье-* (например: *бесловесие* – *бесловесьныи*, *беспортье* ‘недостаток одежды’, *безгодие* – *безгодьныи*). По отношению к человеку наиболее важные его характеристики в большинстве случаев определялись видимыми неотчуждаемыми объектами, но не только ими: сердце и стыд, «духовные способности», тоже могли мыслиться как необходимые, сущностные, отсюда и *бесърдыи*, *бестудъ*, *безокъ*. Это гипотетическое рассуждение не противоречит и тому, что в языках с отмеченной категорией неотчуждаемой принадлежности границы лексического класса таких объектов определяются по-разному.

О древности общеславянской словообразовательной модели прилагательных с префиксом *без-* и их связи с моделью сложения Трубачев пишет следующее: «... наиболее существенные характеристики русск. *лопоухий, босоногий* приложимы к русск. *безухий, безногий* (праслав. **bezixъjъ, *beznoгъjъ*)»²⁸. Трубачев рассматривает параллельные формы: **beznoгъjъ* – **beznoъjъ*, **bezokъjъ* – **bezocъjъ*, отмечая, что более поздним образованием всегда являлось второе²⁹.

Более широкая сочетаемость с корневыми основами в модели *без-√-∅* по сравнению с рассмотренными сложными прилагательными может свидетельствовать о большей архаичности модели лишения.

* * *

Итак, подводя итог проведенным наблюдениям, отметим, что категория неотчуждаемой принадлежности находит свое выражение в современном русском языке в модели сложных прилагательных со значением обладания и в простых прилагательных с префиксом *без-* и значением лишения. Эта категория проявляется в противопоставлении прилагательным, имеющим значение оценки субъекта по его отчуждаемой принадлежности.

Формальное выражение категории неотчуждаемой принадлежности обеспечивается именно этими двумя моделями – сложными прилагательными и прилагательными с префиксом *без-*, которые

представляют собой образования с формально выделяемым нулевым суффиксом.

Продуктивность данных моделей поддерживается в современном языке в рамках определенных ограничений. К фонетическим относятся ограничения на двусложную основу второго компонента, эти структурные ограничения описаны в АГ. Семантические ограничения обнаруживаются в области референции – среди неодушевленных референтов модель работает на тех, части которых имеют названия, производные от частей тела. Семантическим критерием иного порядка является воспринимаемость предметов обладания органами чувств, причем здесь границы неотчуждаемой принадлежности обнаруживают некоторую специфичность: можно предположить, что стыд и сердце ведут себя как неотчуждаемые видимые объекты.

Возможно, эти ограничения складывались постепенно, примеры с *без-* обнаруживают более широкую сочетаемость в рамках общей модели.

Идея неотчуждаемой принадлежности связана с наиболее архаичными образованиями в языке и, возможно, развивалась на основе представлений о самых важных сущностях, принадлежащих человеку.

Примечания

- ¹ Русская грамматика. Т.1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Академия наук СССР. М.: Наука, 1982.
- ² Там же, §772, с. 325; §752, с. 318.
- ³ Там же, §752, с. 318.
- ⁴ *Horecky Ján*. Semantics of Derived Words. Prešov / Filozofická fakulta v Prešove Univerzity P.J. Šafárika v Košiciach. 1994. P. 1-71.
- ⁵ *Grzega J.* Compounding from an onomasiological perspective // The Oxford Handbook of Compounding / Eds. P. Steckauer, R. Lieber. Oxford University Press. 2009. Chapter 11.2.2.
- ⁶ *Лопатин В.В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. №1. С. 76–87.
- ⁷ *Scalise S., Bisetto A.* The classification of compounds // The Oxford Handbook of Compounding / Eds. P. Steckauer, R. Lieber. Oxford University Press. 2009. Chapter 3. P. 49-82; *Benigni, V, Masini, F.* Compounds in Russian // *Lingue e linguaggio*. 2009. VIII.2. P. 171–193.
- ⁸ *Whitney, William Dwight.* Sanskrit Grammar: Including Both the Classical Language, and the Older Dialects, of Veda and Brahmana. 1879. (2d edn. 1889), по ссылке из: *Scalise S., Bisetto A.* Op. cit. P. 77. Скализе и Бизетто относят эти образования к парасинтетическому способу, в отличие от корневого сложения (root compounding: *apple tree*) и от деривационного (*taxi-driver*) – «they

are nominalised by means of a zero suffix expressing the relation of possession (*he who has*). In both cases (*green-eyed, greybeard*) we therefore have the same type of parasynthetic formation, the difference lying in the *overt* presence (in affixal position) of the head element in one case and its absence in the other. Still, in both cases, it is the presence of the *overt* or *covert* element that makes them compounds».

- 9 *Nakamoto Takeshi*. Inalienable Possession Constructions in French // *Lingua*. 2010. №120 (1). P. 74–102.
- 10 *Пеньковский А.Б.* О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней) // *Он же*. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. М.: Знак, 2012. С. 401–429.
- 11 *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М.: Прогресс : Универс, 1995. С. 133-134.
- 12 *Русская грамматика...* С. 325.
- 13 *Урысон Е.В.* Языковое представление об устройстве человека («наивная анатомия») // *Она же*. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 21–59.
- 14 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Том 1. М.: 1958. С. 864.
- 15 Толковый словарь современного русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. РАН. М.: Азбуковник, 2007.
- 16 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Том 3... С. 881.
- 17 Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru/>.
- 18 Там же.
- 19 *Benigni, V, Masini, F.* Op. cit.
- 20 *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. С. 466, 468.
- 21 Ряд прилагательных с этим суффиксом приводится И.Б. Иткиным: *неший, проезжий, суший, вещей* и др. (*Иткин И.Б.* Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007. С. 134).
- 22 *Григорян А.Г.* К происхождению одного фразеологизма, или можно ли сгореть со стыда // *Вопросы филологии*. 2005. №2. С. 30–34.
- 23 *Трубачев О.Н.* *bez(ь) // *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 2 (*bez – *bratr) / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. С. 12–13, 35–36.
- 24 *Brown P., Levinson S.D.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- 25 *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 282-283.
- 26 Ср. также обозначения особо значимых ситуаций сращением с род. п. имени – *бесчада* ‘бездетно’, *беспута* ‘бездорожье’, *бездна/бездны, безднь* ‘бездна’.
- 27 *Унбегаун Б.О.* Указ. соч.
- 28 *Трубачев О.Н.* Указ. соч. С. 11.
- 29 Там же. С.13.

A General Inventory of Surface-Syntactic Relations in World Languages Part One

A universal list of surface-syntactic relations [SSyntRels] is compiled based on the idea that a SSyntRel **r** is “the same” in different languages if and only if this **r** has the same set of core functions in all these languages (just like the nominative in different languages is still a nominative since it is used everywhere for nomination – its core function; its other functions might be different). A few remarks are formulated on the Deep-Syntactic structure: 12 universal deep-syntactic relations are briefly introduced, and a list of 30 fictitious lexemes is presented (they are used in DSyntSs to represent syntactic constructions carrying lexical-type meanings). After a concise characterization of SSyntRels, the paper offers a list of 112 SSyntRels known in world languages: subordinate and coordinate; the subordinate SSyntRels are divided into clause-level and phrase-level SSyntRels, with further subdivision into valence-controlled vs. non-valence-controlled and then into Noun Phrase SSyntRels, Adpositional Phrase SSyntRels, etc.

Keywords: General syntax, dependency syntax, deep-syntactic relations, fictitious lexemes, surface-syntactic relations.

1 Introductory Remarks

The present paper, written within the Meaning-Text approach, stands upon the following three specific assumptions concerning the syntactic structure [SyntS] of a sentence:

1. The SyntS is described in terms of syntactic dependencies.
2. The SyntS is described on two levels of representation: deep-syntactic structure [DSyntS] and surface-syntactic structure [SSyntS].
3. The SSyntS uses a set of typed (= labeled) surface-syntactic relations [SSyntRels].

It is impossible to explain or justify our approach here – it should be taken for granted (on the Meaning-Text approach, see Mel'čuk 2012b, 2013, 2015; on dependency in general, see Mel'čuk 1988, 2009, 2014; on SSyntRels in particular, see Iordanskaja & Mel'čuk 2009).

Surface-syntactic relations [SSyntRels] are – by definition – language-specific, just as nominal cases or phonemes. Thus, the **subjectival** SSyntRel in Russian is, of course, not the same as the **subjectival** SSyntRel in Basque or Lezgian, neither semantically nor formally; the Russian nominative case is absolutely not the same as the nominative in Kurdish or Dargwa; and the Russian /t/ is by no means identical with /t/ in English, Mandarin or Hawaiian. These facts, however, do not prevent linguists from compiling general inventories of nominal cases and those of phonemes, based on the structural resemblance of the corresponding entities. With all possible distinctions between them, nominatives of different languages are of course different, but the nominative is the case of nomination in all languages; and /t/ is everywhere a voiceless dental plosive consonant. Quite similarly, the Subject – the dependent element of the **subjectival** SSyntRel – is the most privileged among the actants of a finite verb in any language, while the Direct Object – the dependent element of the **direct-objectival** SSyntRel – is the second most privileged among the actants of a transitive verb; etc. The idea of a “universal” list of SSyntRels known today suggests itself, and the present paper tries to pick up the challenge.

Let it be emphasized lest there be a misunderstanding: the proposed list of SSyntRels is not an *a priori* universal construction; it is “universal” in the most trivial sense – it represents a set-theoretical union of the lists of SSyntRels established empirically for several languages.

Tentative lists of SSyntRels for particular languages – Russian, English, French, German, Spanish, Arabic, etc. – have been published over the last 50 years (see the references in Iordanskaja & Mel'čuk 2009: 153). The general inventory of SSyntRels proposed below is based on a list of Russian SSyntRels (Mel'čuk 1974: 221–235, 2012: 135–144; Iomdin 2010), a list of English SSyntRels (Mel'čuk & Pertsov 1987, Mel'čuk 2015: 444–453 [3.4.11]), and a partial list of French SSyntRels (Iordanskaja & Mel'čuk 2009); these three lists have profited from many previous works, duly indicated in the above titles. The resulting set of SSyntRels underwent numerous corrections and additions, embodying the experience acquired during the last decade. Therefore, any mismatch between the present list and previous publications must be resolved in favor of the former.¹

The list presented below includes all SSyntRels known (to me) today, among them – several SSyntRels that appear only in colloquial style or in syntactic phrasemes.

The SSyntRels are not supplied with systematic explanations and justifications – I limit myself to a minimum of examples and cursory remarks.

It goes without saying that the present proposal is by no means final; it is a rough sketch that needs to be improved and sharpened in many respects.

2 The Deep-Syntactic Structure

To help the reader evaluate the system of suggested SSyntRels, it is necessary to present the set of deep-syntactic relations [DSyntRels] and that of fictitious lexemes appearing in DSynt-structures of sentences. Each SSyntRel on the list below is supplied with the information of its correspondence to DSyntRels and/or fictitious lexemes.

2.1 Deep-Syntactic Relations

The DSyntRels are linguistically universal in the following sense of the term *universal*: taken together with fictitious lexemes, they are sufficient to describe the DSyntSs of any language.

- All syntactic constructions known in world languages are divided into two major families: coordinate *vs.* subordinate constructions. The coordinate constructions are described by two DSyntRels: **COORD**(inative) and **PSEUDO-COORD**.

NB: In previous publications, the **PSEUDO-COORD** DSyntRel (and the corresponding SSyntRel) was called *quasi-coordinative*. In the present paper, an attempt is made at improving the terminology. Namely, the prefix *quasi-X* will be used, from now on, for an element that is not an X, but – under appropriate conditions – can be treated as an X, i.e., confounded with genuine Xs (for instance, quasi-elementary [*sign*], quasi-grammeme, quasi-morph). An element that is not an X and can never be confounded with Xs, but resembles X to a sufficient degree will be called *pseudo-X*. This modification concerns also such names of SSyntRels as **quasi-subjectival* \Rightarrow *pseudo-subjectival*, etc.

- The subordinate constructions are subdivided, in their turn, into weak-subordinate *vs.* strong-subordinate. The weak-subordinate constructions are described by the **APPEND**(itive) DSyntRel.

The strong-subordinate constructions fall into two subsets: modifying *vs.* actantial DSyntRels.

- The modifying constructions are described by the **ATTR**(ibutive) and **ATTR**_{descr(iptive)} DSyntRels.

- The actantial constructions are described by DSyntRels **I**, **II**, ..., **VI**, and **II**_{dir(ect).sp(eech)}.

NB: A Deep-Syntactic actant [DSyntA] of a lexeme L is, as a rule, a syntactic dependent of L that expresses one of L's semantic actants – that is, a

DSynt-actant of L is controlled by L's active valence. For instance, in the sentence *Because of this, John reminded Mary about the exam in my presence* the lexemes JOHN, MARY and EXAM are DSyntAs of REMIND, since they are imposed by the meaning of the verb ('X reminds Y of Z'); however, the expressions *because of this* and *in my presence* are not the verb's actants, but freely added circumstantials.

A lexical unit may have up to six DSynt-actants, which gives six actantial DSyntRels. An additional DSyntRel is introduced for Direct Speech, which functions as an object of a communication verb: [*Mickey*] *shouted*, -II_{dir.sp} → "**Come** [*over right away!*]".

These all add up to the 12 DSyntRels used in the Meaning-Text approach, namely:

Two coordinate DSyntRels

– **COORD**, as in MARY-COORD → JOHN-COORD → OR ANN ⇔ *Mary, John or Ann*

The **COORD** DSyntRel represents normal coordination, either without a conjunction or with one.

– **PSEUDO-COORD**, as in

IN-[NEW YORK]-PSEUDO-COORD → ON-[MANHATTAN]-PSEUDO-COORD → AT [JOHN'S] ⇔

[*He stayed*] *in New York, on Manhattan, at John's*.

This DSyntRel represents syntactic constructions of elaboration, where, for instance, a prepositional phrase follows – necessarily without a conjunction – another such phrase.

Ten subordinate DSyntRels

– One appenditive DSyntRel

APPEND, as in

SORRY ← **APPEND** - [I] - BE_{IND, PRES, NON-PERF, NON-PROGR} BUSY ⇔ *Sorry, I am busy*.

The **APPEND** DSyntRel subordinates such "extra-structural" elements as parentheticals, addresses, interjections and prolepses to the Main Verb of the clause.

– Two modifying DSyntRels

ATTR, as in

RED ← **ATTR** - FLAG ⇔ *red flag*

MAN - **ATTR** → OF [GREAT COURAGE] ⇔ *man of [great courage]*

VERY ← **ATTR** - INTERESTING ⇔ *very interesting*

DRIVE_(V) - **ATTR** → FAST ⇔ [*John was*] *driving [very] fast*

The **ATTR** DSyntRel describes all types of modifier constructions (minus descriptive ones, see the next DSyntRel).

ATTR_{descr} as in MARY - **ATTR**_{descr} → TIRED [AND HUNGRY] ⇔ *Mary, tired [and hungry]*

The **ATTR_{descr}** DSyntRel is used for so-called descriptive modifiers, which do not restrict the denotation of the element modified, but simply qualify it.

– Seven actantial DSyntRels

I, as in

JOHN←I→READ ⇔ *John is reading.*
 MY←I→TRIP ⇔ *my trip*
 TRANSLATION←I→BY JOHN ⇔ *translation [of this novel] by John*

II, as in

BOOK←II→READ ⇔ *[John] is reading a book.*
 JOHN←II→EXPULSION ⇔ *John's expulsion*
 FOR←II→JOHN ⇔ *for John*

III, as in

BOOK←II→SEND←III→JOHN ⇔ *[Mary] sends a book to John / sends John a book*

IV – VI, as in

HUNDRED DOLLAR_{PL}←II→LEND←IV→MONTH ⇔
[Would you] lend [me] \$\$100 for a month?
 ISTANBUL←III→MISSION←IV→MONTH ⇔
 \—V→STUDY
a mission to Istanbul for a month to study Turkish

II_{dir.sp}, as in

WHISPER←II_{dir.sp}→COME_{IMPER} ⇔ *[John] whispered: "Come [back!]"*

2.2 Fictitious Lexemes

Along with DSyntRels, the DSynt-structure uses fictitious lexemes, which carry the lexical-type meanings expressed by meaningful SSynt-constructions (Mel'čuk 2013: 37–42). Here is an approximate universal inventory of fictitious lexemes (for an example of use, see next page).

NB: This enumeration does not include a number of fictitious lexemes needed to represent syntactic phrasemes, such as Rus. X KAK X 'quite an ordinary X' or X, TAK X 'I don't care whether this is an X or not', etc.

«AFFECT»	«CAUSE _N »	«INCLUDE»	«SHOULD»
«AFTER»	«CONDITION»	«INSTRUMENT»	«START_
«ALTHOUGH»	«FROM» (<i>one</i>	«MATERIAL»	BRUSQUELY»
«BE»	<i>from these</i>)	«MAYBE»	«TITLE» (<i>title of</i>
«BE_ABLE»	«GOAL»	«MOVE _{DIR} »	<i>professor</i>)
«BE_FROM»	«HAVE»	«NAME»	«WHILE»
«BECOME»	«HAVE_TO»	«NUMBER [of]»	«WILL_BE»
«BELONG»	«IF»	«SAY»	«WITH»
	«IF _{IRR} »		

3 Characterization of Surface-Syntactic Relations

A SSyntRel **r** describes a family of binary syntactic constructions (which can of course consist of a single construction). Each SSyntRel **r** must meet the conditions formulated in Iordanskaja & Mel'čuk 2009:

1. The syntactic constructions described by **r** resemble each other to a sufficient degree – that is, they share enough relevant linguistic properties.
2. **r** satisfies the formal requirements of Criteria C for the type of SSyntRel (Mel'čuk 2009: 33–40): namely, **r** does not cover semantically contrasting “minimal pairs” (Criterion C1), has a prototypical dependent that passes with all possible governors (Criterion C2), and is not limitedly repeatable (Criterion C3).

However, the list proposed in this paper has not been systematically checked for minimality – that is, for necessity of each SSyntRel included; I am pursuing, in the first place, sufficiency. At the same time, I strive for the maximal clarity, so that I did not collapse two SSyntRels even if this seemed formally possible, but would make the system less transparent. Therefore, some SSyntRels listed below may turn out redundant.

The SSyntRels on the list have been established based on the following premise:

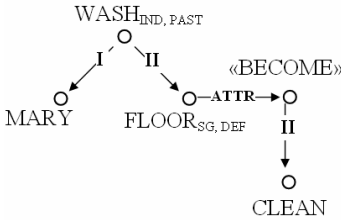
1. The Surface-Syntactic Structure (plus, of course, the SSynt-Communicative Structure) must be sufficient for determining prosodization, word order and morphologization for the sentence under synthesis.

To put it differently, the SSyntS-to-DMorphS transition does not require any information from the preceding levels of linguistic representation (the DSyntR or SemR): whatever information is needed for it must be contained in the SSyntRels used (plus, of course, the SSynt-Communicative structure and all the necessary lexicographic information about the properties of lexical units involved).

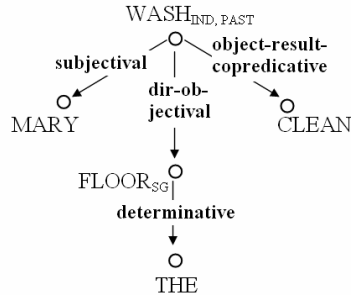
And now, to the surface-syntactic relations themselves. But before I present a tentative list of SSyntRels in various languages, let me illustrate the transition between a DSynt-structure and a SSynt-structure, to demonstrate correspondences between DSynt-relations and fictitious lexemes, on the one hand, and the SSynt-relations, on the other hand. This is done for sentence (1):

(1) *Mary washed the floor clean.*

Deep-Syntactic Structure of (1)

Surface-Syntactic Structure of (1)

4 A List of Surface-Syntactic Relations Found in World Languages

For better surveyability, the SSyntRels described here are grouped as follows:

- First, SSyntRels are divided into subordinate and coordinate relations.
- Second, the subordinate SSyntRels are subdivided into two sets:
 - Clausal SSyntRels, which typically hold between the heads of phrases within a clause. These SSyntRels either link the verb to its actants/circumstantials, or are similar to such SSyntRels; certain clausal SSyntRels can also hold between the lexemes within a phrase (for example, **agentive-objectival** and **comparative-objectival** SSyntRels).
 - Phrasal SSyntRels, which hold only between the lexemes within a phrase, never between heads of phrases within a clause (for example, **determinative** and **modificative** SSyntRels).
- Third, inside of each subdivision of subordinate SSyntRels, the line is drawn between valence-controlled SSyntRels, which necessarily embody complementation, and non-valence-controlled SSyntRels, which can be either modificative or ancillary (\approx auxiliary).

|| An SSyntRel $G-r \rightarrow D$ is said be valence-controlled if and only if r is explicitly mentioned in the government pattern of its syntactic governor G .

NB: The terms *modification* and *modificative* are used here in a very broad sense – to refer to any subordinated element that does not represent complementation and is not an ancillary (\approx “grammatical,” or “structural”) element.

The name of a SSyntRel is an adjective derived from the name of its dependent member: Subject \sim **subjectival**, Direct Object \sim **direct-objectival**, etc. The systematic effort to have “self-explanatory,” logically

derived names for SSyntRels sometimes results in names that are too long and cumbersome; such is, for instance, the **direct-object-comparative-conjunctive-completive** SSyntRel, which subordinates the complement of a comparative conjunction that is semantically correlated with the Direct Object of the clause. For practical use, such names can, of course, be abbreviated at will.

In the examples, the SSynt-dependent of the SSyntRel under examination is boldfaced, and words not participating in the construction illustrated are included in brackets.

First, a synopsis of the list of SSynt-relations possible in various languages.

I Subordinate Surface-Syntactic Relations: 1–103

I.1 Clause-Level SSyntRels: 1–42

I.1.1 Valence-Controlled = Actantial

I.1.2 Non-Valence-Controlled SSyntRels

I.1.2.1 Actantial SSyntRels

I.1.2.2 Copredicative SSyntRels

I.1.2.3 Circumstantial SSyntRels

I.1.2.4 Extra-structural SSyntRels

I.2 Phrase-Level SSyntRels: 43–103

I.2.1 Any Type of Phrase SSyntRels, Non-Valence-Controlled

I.2.2 Nominal Phrase SSyntRels

I.2.2.1 Valence-Controlled

I.2.2.2 Valence-Controlled and Non-Valence-Controlled

I.2.2.3 Non-Valence-Controlled

I.2.3 Adpositional Phrase SSyntRels, Valence-Controlled

I.2.4 Verbal Phrase (= Analytical Form) SSyntRels, Non-Valence-Controlled

I.2.5 Conjunctive Phrase SSyntRels, Valence-Controlled

I.2.6 Word-like Phrase SSyntRels, Non-Valence-Controlled

II Coordinate Surface-Syntactic Relations: 104–112

Each SSyntRel **r** is supplied with the following three types of data:
 – **r**'s correspondence with DSyntRels or with a fictitious lexeme. If there is no such correspondence (that is, **r** is introduced by DSynt-to-SSynt-rules), **r** is not required to have a prototypical dependent.

– **r**'s standard (= most frequent, normal) governor G. Other, more specific governors may be indicated in the examples.

– **r**'s prototypical dependent D.

Part I of the paper presents only the first fragment of the list of SSyntRel—namely, SSyntRels Nos. 1–42; the continuation will be given in Part Two, next issue of the journal.

I Subordinate Surface-Syntactic Relations: 1–103

I.1 Clause-Level (= Clausal) SSyntRels: 1–42

I.1.1 Valence-Controlled SSyntRels: 1–27

Actantial, pseudo-actantial and quasi-actantial SSyntRels (subjects and objects)

NB: A SSynt-actant of a lexeme L is not necessarily valence-controlled by L (Mel'čuk 2015: 94–99); for instance, the following types of SSynt-actant are non-valence-controlled:

- beneficiary, as in [*He*] *did*–[*it*]–*oblique-obj*→*for you*;
- price, as in [*He*] *did*–[*it*]–*oblique-obj*→*for two hundred dollars*;
- *Dativus Ethicus*, as in Fr. *Goûtez-dat-eth*→*moi ça!* lit. ‘Taste on.me this!’

1. **Subjectival** (expresses DSyntRel I; the G is a V_{FIN}, and the prototypical D is an N).

The Subject is the most privileged dependent element of the finite verb (Mel'čuk 2014b).

[*As the*] **reader**←**subj**–*will* [see...] | **I**←**subj**–*am* [fine.]

It←**subj**–*was* [dawning.]

That←**subj**–[*John left*]–*amazed* [us.]

It←**subj**–*amazed*–[*us that John left*.]

To←**subj**–[*read*]–*is* [to empower,] **to**←**subj**–[*empower*]–*is* [to write.]

Carrying←**subj**–[*out attacks*]–*became* [increasingly difficult.]

Enough←**subj**–*has* [been said on this topic.]

[*Which way*] **to**←**subj**–[*choose*]–*must* [be decided later.]

[*The*] **easiest**←**subj**–[*of these solutions*]–*turned* [out to be the last one.]

– The G = V_{FIN} can be a zero wordform (see also Annex 1):

Russian

On←**subj**–*Ø*_{BYT}–[*star*] lit. ‘He old’.

On←**subj**–*Ø*_{BYT}–[*v Londone*] lit. ‘He in London’.

[*Vot*]*Ø*_{BYT}–[*tebe moja*]–**subj**→*ruka* lit. ‘Here to.you my hand’.

Ja←**subj**–[*tebe ne*]–*Ø*_{BYT}–[*mama!*] lit. ‘I to.you not mum!’ = ‘I am not your mum!’

– The Subject can be a zero lexeme:

Russian

[*Tam*] *Ø*^{PEOPLE}←**subj**–*rabotajut* lit. ‘There «they» are_working’. = ‘People are working there’.

[*Na dvore*] *Ø*^{METEO}←**subj**–*bylo* [temno] ‘Outside it was dark’. ~

[*Na dvore*] *Ø*^{METEO}←**subj**–*Ø*_{BYT}–[temno] ‘Outside it is dark’.

Sp. *Ø*^{METEO}←**subj**–*está* [lloviendo] ‘It is raining’.

– The G can be an invariant interjection

Rus. **Ivan**←**subj**–*bac* [emu po morde] lit. ‘Ivan bang! to.him on mug!’ = ‘Ivan punched him in the face’.

– The Subject can be a headless relative:

[*What he*] **has**←**subj**–[*written*]–*is* [*interesting*.]

– The Subject can be a dummy introduced by DSynt-to-SSynt-rules:

It←**subj**–*is* [*great that you are here*.]

It←**subj**–*rained*.

– In some languages, under specific conditions, the Subject can be “doubled” by a resumptive clitic:

┌**subj** ─┐
└────────┘

Fr. *Le premier-ministre*←**subj**–*considère-t-il* *que cette conversion n'est pas allée à son terme ?*

lit. ‘The Prime-Minister believes-he that this conversion did not run its course?’

NB: This fact does not contradict Criterion C3, which forbids limited repeatability of a particular type of dependent. The doubling clitic does not represent another dependent element: it is a syntax-imposed repetitive marking of the same dependent (among other things, the subject and the doubling clitic are coreferential).

2. **Conditional-subjectival** (expresses DSyntRel I and the fictitious lexeme «IF»; the G is a V_{FIN} , and the prototypical D is an N)

Russian

Znaet–**cond-subj**→**on**, [*čto ja ego ždu*, – *xorošo*] lit. ‘Knows he that I him am.waiting, is.good’. = ‘If he knows that I am waiting for him, this is good’.

Pridët–**cond-subj**→**on** [*vo-vremja – vsë budet v porjadke*] lit. ‘Will.come he...’ = ‘If he comes on.time, everything will.be in order’.

[*O*,] *znal*–[*by*]–**cond-subj**→**ja**, [*čto tak byvaet!*] lit. ‘Oh, would.know I...’ = ‘If only I knew that it can be like this!’ (B. Pasternak).

NB: The meaning of ‘irrealis’ is rendered here by the conditional-subjunctive form of the verb (marked by the particle **by**), not by the SSyntRel itself.

3. **Irrealis-subjectival** (expresses DSyntRel I and the fictitious lexeme «IF_{IRR}» (≈ ‘if only’); the G is $V_{IMPER, 2, SG}$, and the D is an N)

(2) Russian

<i>Uznaj</i> – irr-subj → ja	[<i>ob</i>	<i>ètom</i> ,	<i>vsë</i>	<i>by</i>	<i>bylo</i>
learn-IMPER.2.SG	I-NOM	about	this	everything	would
<i>v</i>	<i>porjadke</i>]				be
in	order				

‘Had I learned about this, everything would be in order’.

4. **Debitative-subjectival** (expresses DSyntRel I and the fictitious lexeme «HAVE_TO»; the G is a $V_{IMPER, 2, SG}$, and the D is an N)

(3) Russian

[A]	ja ← deb-subj – <i>rabotaj!</i>	
And	I-NOM	work-IMPERF.IMPER.2.SG

‘And I have to work [when some other people don’t]!’

5. **Ingressive-subjectival** (expresses DSyntRel I and the fictitious lexeme «START_BRUSQUELY»; the G is a V_{INF}, and the D is an N)

(4) a. Russian

[A] **ty**←**ingress-subj**–[nu]—*vopit'*_{INF}! 'And you started screaming'.
and you-NOM come.on scream

b. French

[Et] **Marie**←**ingress-subj**–[de]–*crier*_{INF} lit. 'And Mary to scream'. =
'And Mary started screaming'.

6. **Pseudo-subjectival** (expresses DSyntRel I or is introduced by SSynt-rules; the G is a V_{FIN}, and its prototypical D varies according to the language: thus, in English it is a THAT-clause)

[It←**subj**]–*amazes*–[us]–**pseudo-subj**→**that** [*John left.*]

[It←**subj**]–*is*–[vital]–**pseudo-subj**→**to** [*keep accurate records.*]

French

[Il←**subj**–*est*] *venu*–[trois]–**pseudo-subj**→**voisins** lit. 'It has come three neighbors'.

[Il←**subj**–*est*] *venu*–[ton]–**pseudo-subj**→**frère** [*et ses enfants*]

lit. 'It has come your brother and his kids'.

– Pseudo-Subjects also describe clefts:

[It←**subj**]–*was*–[John who]–**pseudo-subj**→**reacted** [*first.*]

[It←**subj**]–*was*–[to John]–**pseudo-subj**→**that** [*I spoke first.*]

[It←**subj**]–*was*–[(to) John to whom I]–**pseudo-subj**→**spoke** [*first.*]

[It←**subj**]–*is*–[novels that John]–**pseudo-subj**→**prefers**.

Fr. [C'←**subj**]–*est*–[moi qui]–**pseudo-subj**→**ai** [*ouvert la fenêtre*]
'It is me who have opened the window'.

NB: In the preceding examples, *John*, *to John*, *novels* and *moi* depend on the form of the verb 'be' by the **copular-attributive-objectival** SSyntRel, No. 22.

– Pseudo-Subjects include a placeholder (a dummy lexical element needed to occupy a particular linear position; the Main Verb does not agree with a placeholder, but agrees with the actual Subject):

There←**pseudo-subj**–*exists*–[a]–**subj**→*condition for ...*] vs.

There←**pseudo-subj**–*exist*–[**subj**→*conditions for ...*]

There←**pseudo-subj**–*appear*–[*to be better*]–**subj**→*rooms.*]

Ger. **Es**←**pseudo-subj**–*haben*–[*einige interessante*]–**subj**→*Vorstellungen stattgefunden*] lit. 'It have some interesting shows taken.place'. =
'Some interesting shows have taken place'.

7. **Direct-objectival** (expresses DSyntRel II; in most cases, the G is a V_(trans), and the prototypical D is an N).

The DirO is the second most privileged clause element.

[*He wanted to*] **see**–**dir-obj**→**John**. | [*He*] **knew**–**dir-obj**→**this**.

[He was] given–[the]–**dir-obj**→**permission** [to carry out his plans.]

[He] knew–**dir-obj**→**that** [Mary was in town.]

[He] knew–[Mary]–**dir-obj**→**was** [in town.]

[He] knew–[why Mary]–**dir-obj**→**was** [in town.]

[He] knew–[what method]–**dir-obj**→**to** [adopt.]

[Which **way**←**dir-obj**–[to]–choose [must be decided later.]

make–[possible]–**dir-obj**→**neutralizing** [the consequences]

make–**dir-obj**→**it** [possible to neutralize the consequences]

NB: Cf. make–[it]–**object-attributive-objectival**→**possible** [to neutralize the consequences], No. 25.

want–**dir-obj**→**to** know

[I] need–**dir-obj**→**to** know–[what]–**dir-obj**→**to** [expect.]

[This] **piece** [[of history, the negotiators have] chosen–**dir-obj**→**to**] ignore.

– The DirO can be a headless relative:

[I] saw–[what John]–**dir-obj**→**had** [written.]

– The DirO can be a bare infinitive:

Fr. [Il] aime–**dir-obj**→**nager** 'He likes to swim'.

Fr. [Le député] dit–**dir-obj**→**avoir** [rencontré le patriarche orthodoxe Ignatius]

lit. 'The congressman says have met the orthodox patriarch Ignatius'.

– The DirO can be a clitic:²

Fr. [Nous] **l'**←**dir-obj**–avons [perdue] 'We have lost her'.

Serb. [Mama] **ga**←**dir-obj**–[je jedva]–naterala [da nosi jaknu]

lit. 'Mom him has barely made that he.wears jacket'. = 'Mom barely made him wear a jacket'.

– The DirO can be a correlative pronoun TO ≈ 'that':

Rus. [Ja] videl–**dir-obj**→**to** [čto on napisal] lit. 'I saw **that** what he had.written'.

– The DirO can be a dummy introduced by DSynt-to-SSynt-rules:

[I] made–**dir-obj**→**it** [clear that I am serious about tackling the problem.]

– In some languages, the DirO can be introduced by a preposition:

Sp. Vi–**dir-obj**→**a** [tu amigo] lit. 'I.saw to your friend'.

Rom. [L'am] văzut–**dir-obj**→**pe** [prietenul tău] lit. 'Him I.have seen to friend.the your'.

NB: In this sentence we see the doubling of the DirO by a clitic: *l'*; see the NB after No. 14.

Mand. Wǒ **bǎ**←**dir-obj**–[wǒ-de qìchē]–mài-le lit. 'I my car sold'. = 'As for my car, I sold it'.

NB: This construction is possible in Mandarin only for a DirO that is a Given Focalized Theme, and only in case of a transitive verb that expresses an action upon the referent of the DirO. Cf. No. 13 below.

– The DirO can be a cognate object that expresses a Deep-Syntactic manner circumstantial:

[*He*] *died*–[*a terrible*]**–dir-obj**→*death* (≈ ‘He died in a terrible way’).

Ar. *Dafaṣa+nī dafīat+an_{ACC} kabīrat+an_{ACC}* lit. ‘He.pushed.me a.push big’. = ‘He pushed me hard’.

– The G of a DirO can be an invariant clausative:

Rus. *Doloj*–**dir-obj**→*eë!* ‘Down.with her!’

Rus. *Von*–**dir-obj**→*eë otsjuda!* ‘Off.with her from.here!’

– A special case: an IndirO/OblO masquerading as a DirO (Mel’čuk 2015: 498).

[*It is quite*] *like*–**indir-obj**→*John*. | [*be*] *worth*–[*a*]**–indir-obj**→*trip*

Ger. *Was_{ACC}*←**obl-obj**–*fragst* [*Du mich_{ACC}*] ? lit. ‘What ask you me?’ = ‘About what are you asking me?’

8. **Quasi-direct-objectival-1** (expresses DSyntRel II; the G is a $V_{(trans)}$ of a particular semantic class, and the prototypical D is an N; see Iordanskaja & Mel’čuk 2009: 190–192)

This SSyntRel describes “incomplete” DirOs, as those seen below:

[*The ticket*] *cost*–[*300*]**–quasi-dir-obj-1**→*dollars*.

[*The table*] *smells*–[*the*]**–quasi-dir-obj-1**→*herring*.

These DirOs are incomplete in the sense that they do not have all the properties of normal DirOs: for instance, they do not passivize.

9. **Quasi-direct-objectival-2** (expresses DSyntRel III; the G is a light verb, and the D is an N)

This SSyntRel describes a “V→N” collocation that functions syntactically as one transitive verb; in terms of lexical functions, the collocate V is Labor₁₂ of the collocation base noun N; see Mel’čuk 2015: 94.

(5) a. Korean

John+i enehāk + il konpu+lil←**quasi-dir-obj-2**–*hay+ss + ta*
 SUBJ linguistics ACC study_(N) ACC do PAST DECL(arative)

NB: 1. SUBJ is the subjective case, which marks the Subject (but cannot be used for nomination).

2. The collocation ‘do study_(N)’ is used as a transitive verb ‘[to] study [something]’.

b. Persian

Madār Ramin-ra bedar←**quasi-dir-obj-2**–*kārd*
 mother DirO wakening_(N) made

‘The mother woke Ramin’.

NB: The collocation ‘make wakening_(N)’ is used as a transitive verb ‘[to] wake up [someone]’.

10. **Pseudo-direct-objectival** (expresses DSyntRel II; the G is a $V_{(trans)}$, and the prototypical D is a THAT-clause)

make–[**dir-obj**→*it clear*]**–pseudo-dir-obj**→*that* [*we want to neutralize the consequences*]

[He] doubts-[**-dir-obj**→it]-**pseudo-dir-obj**→*that* [we want to neutralize the consequences.]

[The rumor] has-[**-dir-obj**→it]-**pseudo-dir-obj**→*that* [you are looking for a job.]

make-[**-dir-obj**→it possible]-**pseudo-dir-obj**→*to* [neutralize the consequences]

[Girls] like-[**-dir-obj**→it very much]-**pseudo-dir-obj**→*when* [you think of them.]

11. **Infinitival-objectival** (expresses DSyntRel II; the G is a V_(modal), and the D is a V_{INF})

can-**inf-obj**→*read*; *should*-**inf-obj**→*read*

• But: Fr. [*Je*] **peux-dir-obj**→*nager* 'I can swim'. ~ [*Je*] **le←dir-obj**-*peux* lit. 'I can it'.

12. **Direct-speech-objectival** (expresses DSyntRel II_{dir.sp}; the G is a communication verb/noun, and the D is (the head of) a Direct Speech expression)

[Churchill] **declared**-[*in front of a large audience in Brooklyn*]-**T-dir-obj**→**am** [*sure that the great struggle of the future would be between English-speaking nations and communism.*"]

NB: Cf. *He whispered*,-["**Three**]-**dir-sp-obj**→*words!*" vs.

He whispered-[*three*]-**dir-obj**→*words*.

[Then Edmund Burke uttered his famous] **sentence**-[*on the wrongs of Ireland*]-**dir-sp-obj**→*suffered* [*so much on account of religion.*"]

Rus. *On tol'ko ulybnulsja*-(*maxnul*-[*rukoj*])-[:*"Ja vsë*]-**dir-sp-obj**→***sdelaju!***"

lit. 'He just smiled (waved with hand): «I'll do everything!»'

NB: Such verbs as ULYBNUT'SJA or MAXNUT' are intransitive and cannot have a DirO. They are not even *bona fide* communication verbs, but they can be used as such to express the fictitious lexeme «SAY». In Russian, Direct Speech can be introduced by a verb denoting its author's gesture (like 'smile'), a brusque change of state (like 'flare up') or a brusque action ('wave his hand'); see Iordanskaja & Mel'čuk 1981.

13. **Affected-objectival** (expresses the fictitious lexeme «AFFECT»), which represents the meaning of the Mandarin preposition BA, in the construction G-ATTR→«AFFECT»-II→L and is the result of Possessor Raising; the G is V_{(trans)FIN}, and the D is a BA→N phrase; Mel'čuk 2014a)

(6) Mandarin

[Wǒ]	bǎ	← aff-obj	-[John]-	<i>bǎng-le</i>		[<i>liǎngzhi</i>	<i>jiǎo</i>]
I	«AFFECT»			tie.up	PERF	two	foot

lit. 'I John tied.up two feet'. = 'I tied up John's two feet'.

Here, JIǎO 'foot' is the Direct Object; cf. No. 7.

14. **Indirect-objectival** (either expresses DSyntRel **III** or is the result of a raising; the G is a $V_{(trans)}$, and the prototypical D is a PREP→N phrase or an N_{DAT}).

The IndirO is the third most privileged clause element (after the Subject and the Direct Object).

give–indir-obj→*John* <*him*> [some money]

[France] offers–indir-obj→*Christians* [asylum after Mosul threat.]

give–[some money]–indir-obj→*to* [John, who needs it]

In French, an IndirO often is a raised Possessor of the DirO – under specific conditions:

Fr. [*Le bandit*] *lui*←indir-obj–*a* [*cassé le bras*] lit. ‘The bandit to.him broke the arm’.

Fr. [*Va*] *te*←indir-obj–*laver* [*les mains*] lit. ‘Go to.you wash the hands’.

The same situation is found in some other Romance and Slavic languages:

Sp. *Le*←indir-obj–*han* [*robado la cartera*] lit. ‘[They] to.him have stolen the wallet’.

Serb. *Proučavali*–[*smo*]–indir-obj→*mu* [*život*] lit. ‘We.were.studying to.him life’ = ‘... his life’.

Rus. [*Ona*] *porvala*–indir-obj→*mne* [*rubášku*] lit. ‘She tore to.me shirt’ = ‘She tore my shirt’.

Rus. [*Ja*] *tebe*←indir-obj–[*ne*]– \emptyset_{BYT} [*mama!*] lit. ‘I to.you not mum!’ = ‘I am not your mum!’

NB: In some languages, under specific conditions, the **direct-objectival** and **indirect-objectival** SSyntRels are also repeatable just twice, like the subjectival SSyntRel, No. 1, More precisely, an object can or must (depending on the language) be repeated (= “resumed”) by the corresponding clitic. As indicated above, this does not contradict Criterion C3 of syntactic dependency, since the resumptive clitic is not another Dir/IndirO, but an additional marker of the same object.

(7) a. Spanish

(i) *La*←dir-obj–*veré*–dir-obj→*a* [*María*] lit. ‘Her I.will.see to María’.

(ii) *Le*←indir-obj–*di*–indir-obj→*a* [*María este libro*] lit. ‘To.her I.gave to María this book’.

b. Bulgarian

↓ dir-obj ⊓

(i) *Kniga+ta ja*←dir-obj–*četa več cjal mesec* lit. ‘The.book it I.read already whole month’.

(ii) *I*←indir-obj–*stana*–[*lošo*]–indir-obj→*na* [*Marija*] lit. ‘To.her became badly to María’ = ‘María became sick’.

Now we come to **oblique-objectival** SSyntRels. Two (or more) **oblique-objectival** SSyntRels are needed for two reasons:

1) In order to control the linear disposition of different OblOs in the absence of communicative indications.

2) For languages where different OblOs are marked by different grammatical cases (rather than by prepositions), in order to determine the corresponding case.

All OblOs have the same or almost the same syntactic properties; they are distinguished according to their correspondence to DSynt-actants.

15. **Oblique-objectival-1** (expresses one of DSyntRels II–VI; the G is a V with a corresponding Government Pattern, and the prototypical D is a PREP→N phrase or an N in an oblique case).

The OblO is the fourth (fifth, sixth, ...) most privileged clause element.

help–[*her*]–**obl-obj-1**→*move* [*to London*]

help–[*Mary*]–**obl-obj-1**→*in* [*her studies*]

McGuire weighed–[*in*]–**obl-obj-1**→*on* [*what is wrong with our school.*]

[*They*] *proposed*–[*Alan*]–**obl-obj-1**→*as* [*director.*]

[*They*] *held*–[*Alan*]–**obl-obj-1**→*for* [*a poet.*]

old enough–**obl-obj-1**→*for* [*this book*]

old enough–**obl-obj-1**→*to* [*understand*]

held–**obl-obj-1**→*in* [*contempt by colleagues*]

translate–**obl-obj-1**→*from* [*Hungarian into Greek*]

sentenced–**obl-obj-1**→*to* [*death for his crimes*]

agreement–**obl-obj-1**→*between* [*Stalin and Hitler*]

[*with no*] *objections*–**obl-obj-1**→*from* [*the Minister*]

- The synonymous phrases *the Minister's objections* and *objections by the Minister* have different SSyntSs: *the Minister's*←**possessive**–*objections* and *objections*–**agentive**→*by* [*the Minister*].

Down–**obl-obj-1**→*with* [*the Mullahs!*]

[*ten*] *feet*←**obl-obj-1**–*high*

[*fifteen-thousand*]–*foot*←**obl-obj-1**–*high* [*peak*]

too–[*tired*]–**obl-obj-1**→*to* [*go out*]

too–[*sweet*]–**obl-obj-1**→*to* [*my taste*]

[*John was*] *clever*_(GP1)–**obl-obj-1**→*to* [*leave.*] ~

[*To leave was*] *clever*_(GP2)–**obl-obj-1**→*of* [*John.*]

NB: These sentences contain the adjective CLEVER with two different Government Patterns [GPs].

[*travel to several European cities,*] *such*–**obl-obj-1**→*as* [*London, Paris and Florence*]

Fr. [II] *en*←**obl-obj-1**–*ressort* [*que les dépenses n'ont pas augmenté*]

lit. 'It from.this follows that the expenses have not risen'. = 'This indicates that expenses ...'.

16. **Oblique-objectival-2** (expresses one of DSyntRels III–VI; the G is a V with a corresponding Government Pattern, and the prototypical D is a PREP→N phrase or an N in an oblique case)

translate–[from Hungarian]–**obl-obj-2**→*into* [Greek]
sentenced–[to death]–**obl-obj-2**→*for* [his crimes]

(8) Hungarian ——— **obl-obj-2** ———→
fordítás–**obl-obj-1**→*magyar* + *ról* *orosz* + *ra*
 translation Hungarian DEL(ative) Russian SUBL(ative)
 ‘translation from.Hungarian into.Russian’

17. **Possessor-oblique-objectival** (is a result of the Possessor Raising; expresses DSyntRel I headed by the G’s DSynt-actant II or III. The G is a V, and the prototypical D in Russian is U ‘at’/K ‘to’→N)

Rus. [*Stul*] *stoiť*–**poss-obl-obj**→*u* [*Maš+i v komnate*]
 lit. ‘Chair is at Masha in room’.

Rus. [*Ja*] *otnēs*–[*stul*]–**poss-obl-obj**→*k* [*Maš+e_{DAT} v komnatu*]
 lit. ‘I carried chair to Masha into room’.

NB: The choice between the prepositions U *vs.* K is determined by the meaning of G: if this verb denotes localization, then U; if it denotes direction, then K.

• But: [*Ja*] *otnēs*–[*stul*]–**indir-obj**→*Maš+e_{DAT}* [*v komnatu*].

18. **Infinitival-oblique-objectival** (expresses DSyntRel II or III that correspond to Sem-actants 2 and 3; the G is a verb with a corresponding Government Pattern, and the prototypical D is a (PREP→)V_{INF})

[*He*] *ordered*–[*his platoon*]–**inf-obl-obj**→*to* [*hide behind growth nearby*.]
 [*John was*] *forced*–**inf-obl-obj**→*to* [*leave*.]

Fr. [*Je me*] *hâte*–**inf-obl-obj**→*de* [*partir*] lit. ‘I hurry to leave’. = ‘I am in a hurry to leave’.

19. **Infinitival-copredicative-objectival** (expresses DSyntRel III that corresponds to a “part” of Sem-actant 2, the other part being expressed by DSyntRel II; the G is a semantically biactantial verb with a corresponding Government Pattern, and the prototypical D is a (PREP→)V_{INF}).

This SSyntRel describes the *Accusativus cum Infinitivo construction*:³
See–[*them*]–**inf-copred-obj**→*waltz*,

see–[*them*]–**inf-copred-obj**→*dance*!

[*Ximénez*] *observed*–[*the animals*]–**inf-copred-obj**→*to* [*cross waters more than 250 m wide*.]

The test was determined–[*by the UN*]–**inf-copred-obj**→*to* [*be in violation of a UN resolution*.]

[I] *like*–[*her*]–**inf-copred-obj**→*to* [*be slim.*]

♣ But: [I] *like*–[*her*]–**obj-attr-obj**→*slim* (No. 25).

Lat. *Ceterum censeo*–[*Carthaginem*]–**inf-copred-obj**→*esse* [*delendam*]
'Moreover, I.consider Carthago to.be which.must.be.destroyed' [Cato the Elder].

20. **Infinitival-agentive-objectival** (expresses DSyntRel I; the G is a V, and the prototypical D is either a FOR→N phrase or a bare N).

An **Agentive Object** is a transform of a Subject with a V_{INF}.

[*His thumb is too sore*] **for**←**inf-agent-obj**–[*him to*]–*play* [*next week.*]

[*He asked*] **for**←**inf-agent-obj**–[*the British to*]–*stay* [*longer.*]

┌────────── inf-obl-obj ───────────┐
♣ But: [*He*] *asked*–[*the*]–**dir-obj**→*British to stay longer.*

Me←**inf-agent-obj**–*worry?*

Sp. [¿*Qué estaba haciendo antes de*] *empezar*–[*los*]–**inf-agent-obj**→
problemas?

lit. 'What was [s/he] doing before to start the problems?' = '... before the problems started?'

– The G is a so-called personal infinitive, which agrees with its Agentive Object:

(9) Portuguese
O guarda fez *sinal para os* **motoristas**←**inf-agent-obj**–*par+ar + em*
the guard made signal for the motorists stop INF 3.PL
'The guard made signal for the motorists to stop'.

21. **Passive-agentive-objectival** (expresses DSyntRel II; the G is a V_{PASS}, and the prototypical D is a PREP→N phrase or an N in an oblique case)

written–**pass-agent-obj**→*by* [*McGuire*]; *baffled*–**pass-agent-obj**→*by*
[*quantifiers*]

[*She was*] *sent*–[*a letter*]–**pass-agent-obj**→*by* [*McGuire.*]

Fr. [*Il a toujours été*] *aimé*–**pass-agent-obj**→*des* [*femmes*]

lit. 'He has always been loved of [= 'by'] women'.

Rus. [*On vseгда byl*] *ljubim*–**pass-agent-obj**→*ženščin+ami*_{INSTR}

lit. 'He always was loved by.women'.

The SSyntRels 22–26 describe different **Attributive Objects**, which appear with verbs of a particular semantic type – namely, copular verbs (a copular verb is a copula or a verb whose signified includes the semanteme 'be').

22. **Copular-attributive-objectival** (expresses DSyntRel II; the G is a copula V ('be' or 'become'), and the prototypical D is an ADJ, which semantically bears on the Subject and can agree with it)

- If the G is a copula that means ‘be identical’, the prototypical D is an N:
[It ⟨This person⟩] *was*–**cop-attr-obj**→*John*.

be–**cop-attr-obj**→*easy*; *become*–**cop-attr-obj**→*easy*

be–[a]–**cop-attr-obj**→*teacher*; *become*–[a]–**cop-attr-obj**→*teacher*

[To read] *is*–**cop-attr-obj**→*to* [empower.]

[He has the right to] *be*–**cop-attr-obj**→*it*.

– The copula can be a zero wordform (e.g., in Russian):

[On] \emptyset_{BYT} –**cop-attr-obj**→*student*+ \emptyset_{NOM} ‘He [is] a student’. ~

[On] *byl*–**cop-attr-obj**→*student*+*om*_{INSTR} ‘He was a student’.

23. Copular-genitive-attributive-objectival (expresses DSyntRel II; the G is a copula V – ‘be’ or ‘become’, and the D is an N_{GEN}/PREP→N)

Rus. *byl*–[*takogo že*]–**cop-gen-attr-obj**→*tipa* ‘[It] was of the same type’.

NB: *Glavnoe prepjatstvie* \emptyset_{BYT} –[*ego solidnyj*]–**cop-attr-obj**→*vozrast*_{NOM}
‘The main obstacle [is] his advanced age’.

vs.

On uže \emptyset_{BYT} –[*solidnogo*]–**cop-gen-attr-obj**→*vozrasta*_{GEN} ‘He [is] already of an advanced age’.

24. Subject-attributive-objectival (expresses DSyntRel II or III; the G is a copular V, and the prototypical D is an ADJ, which semantically bears on the Subject and can agree with it)

[This task] *seems*–**subj-attr-obj**→*easy*.

[This task was] *found*–**subj-attr-obj**→*easy*.

[This task] *seems*–**subj-attr-obj**→*to* [be easy.]

[This task was] *found*–**subj-attr-obj**→*to* [be easy.]

French

[Le problème] *semble*–**subj-attr-obj**→*intéressant*+ \emptyset ‘The problem seems interesting’.

[La tâche] *semble*–**subj-attr-obj**→*intéressant*+*e* ‘The task seems interesting’.

[Il] *s’appelle*–**subj-attr-obj**→*Alain* lit. ‘He calls himself Alain’. = ‘His name is Alain’.

Élu–**subj-attr-obj**→*directeur*_{III}, [Alain partit en Inde] lit. ‘Elected director, Alain left for India’.

Élue–**subj-attr-obj**→*directrice*_{III}, [Helen partit en Inde] lit. ‘Elected director, Helen left for India’.

25. Object-attributive-objectival (expresses DSyntRel III; the G is a copular V, and the prototypical D is an ADJ/AS→ADJ, which semantically bears on the DirO and can agree with it)

consider–[him]–obj-attr-obj→*happy* ~
consider–[him]–obj-attr-obj→*to* [be happy]
consider–[him a]–obj-attr-obj→*fool* ~
consider–[him]–obj-attr-obj→*to* [be a fool]
believe–[him]–obj-attr-obj→*to* [be dumb] ~
believe–[him]–obj-attr-obj→*dumb*
John finds–[this task]–obj-attr-obj→*easy*.
make–[it]–obj-attr-obj→*possible* [to neutralize the consequences]
judge–[him]–obj-attr-obj→*guilty*
[They] want–[him]–obj-attr-obj→*in* [jail.]
identify–[this element]–obj-attr-obj→*as* [vital / a suffix]
 Fr. [*Je trouve*–[le problème]–obj-attr-obj→*intéressant*+Ø ‘I find the problem interesting’.
 Fr. [*Je trouve*–[la tâche]–obj-attr-obj→*intéressant*+e ‘I find the task interesting’.
 – The object-attributive D can be a participle in an *Accusativus cum Participio* construction, see Endnote 3):
I heard–[them]–obj-attr-obj→*stomping* [out of the cabin.]
 Lat. *Nemo audiebat*–[*eum*_{SG.ACC}]–obj-attr-obj→*querentem*_{SG.ACC}
 (<–[*eos*_{PL.ACC}]–obj-attr-obj→*querentes*_{PL.ACC}) lit. ‘Nobody heard him complaining <(them complaining)’.
 Anc. Gr. [*Hē gynē*] *eporāi*–[*min*_{SG.ACC}]–obj-attr-obj→*exiōnta*_{SG.ACC}
 ‘The woman saw him going.out’.
 Fin. *Pekka kuuli*–[*junan*_{SG.GEN}]–obj-attr-obj→*saapuvan*_{SG.GEN}
 lit. ‘Pekka heard train arriving’.

26. **Predicate-attributive-objectival** (expresses DSyntRel II or III; the G is a copular V, and the D is an ADJ, which semantically bears on the predicate itself)

smell–pred-attr-obj→*good*; *feel*–pred-attr-obj→*miserable*
playing–pred-attr-obj→*small* [to] *win*–pred-attr-obj→*big*

27. **Comparative-objectival** (expresses DSyntRel II; the G is a comparative word, and the prototypical D is a CONJ_(compar))

This SSyntRel describes all cases of comparison: ‘X is more/less L than Y’ and ‘X is as L as Y’.

more–[important]–compar-obj→*than* [Peter]
older–compar-obj→*than* [Peter]
as–[important]–compar-obj→*as* [Peter]
 [*Beliefs are*] *so*–[important]–compar-obj→*as* [to have people been killed for them.]
 [*John loves Mary*] *more*–compar-obj→*than* [Peter.]

Rus. *sil'nee*–**compar-obj**→*Ivana*_{GEN} lit. 'stronger of.Ivan' ~
sil'nee–**compar-obj**→*čem Ivan*_{NOM} 'stronger than Ivan' ~
bolee–[*sil'nyj*]–**compar-obj**→*čem Ivan*_{NOM}
 lit. 'more strong than Ivan'

I.1.2 Non-Valence-Controlled SSyntRels: 28–42

I.1.2.1 Actantial SSyntRels: 28–29

28. **Dative-ethical-objectival** (expresses the fictitious lexeme «DAT_ETH»; the G is a V_{FIN}, and the D is a PRON_{(pers)DAT})

Ger. *Lieb'*–**dat-eth-obj**→*mir* [*nur keinen Hippy!*] lit. 'Love to.me only no hippy!' = 'Don't you love a hippy on me!'

Fr. [*Marie*] *te*←[*m*]–**dat-eth-obj**–*a* [*donné une de ces gifles !*]
 lit. 'Mary to.you to.me has given one of those slaps.in.the.face!' = 'Mary gave me such a bloody slap in the face!'

Bulg. [*Ex, da*] *ti*←**dat-eth-obj**–*pipna* [*az mitnica!*] lit. 'Oh, that to.you I.seize I customs!' = 'Oh, if only I could become the master of the customs!'

– The Ethical Dative can be the masculine substitute pronoun of 3SG

Bulg. [*Ja*] *mu*←**dat-eth-obj**–*udari* [*edna rakija!*] lit. 'It to.him hit one vodka!' = 'Have one vodka!'

NB: *Ja* 't_{ACC}' is a resumptive clitic repeating the DirO *rakija* 'vodka'.

– Two Ethical Datives are possible in the same clause, at least, in Romanian:

Rom. [*Luând pe băiat de urechi*] *mi* *ți*←**dat-eth-obj**–[*-l*]–*bătea*
 lit. 'Grabbing to boy by ears, [he] me you him beat.up'

29. **Modal-objectival** (expresses the fictitious lexeme «SHOULD», «WILL_BE» or «BE_ABLE»; the G is a V_{INF}, and the D is an N_{DAT})

Russian

Mne←**mod-obj**–*ostat'sja?* lit. 'To.me to.stay?' = 'Should I stay?'

Emu←**mod-obj**–[*by*]–*obratit'sja* [*k vraču*] lit. 'To.him "should" see doctor'. = 'He should see a doctor'.

[*Nu,*] *byť*–**mod-obj**→*skandalu!* lit. 'Well, "will_be" to.be to.a.scandal!' = 'Well, there will be a scandal!'

Tebe←**mod-obj**–[*ëtogo bylo ne*]–*ponjat*] lit. 'To.you this was not "be_able" to.understand'. = 'You couldn't understand this'.

I.1.2.2 Copredicative SSyntRels: 30–33

A **Copredicative** is a non-valence-controlled non-actantial dependent of a verb that semantically bears on an actant of this verb.

30. **Subject-copredicative** (expresses the fictitious lexeme «BE»: Subject-ATTR→«BE»-II→D; the G is a V with the corresponding syntactic feature, and the prototypical D is an ADJ, which semantically bears on the Subject)

[John] returned-subj-copr→*rich*.

[John] returned-subj-copr→*in* [a new uniform.]

[John] arrived-subj-copr→*third*.

[Visitors] returned-[fervent]-subj-copr→*admirers* [of Mao.]

[They] parted-subj-copr→*enemies*.

[The fighting] continued-subj-copr→*unabated*.

[He] served-[Mary the salad]-subj-copr→*undressed* ['he was undressed'] (Wechsler 1995: 93).

Rus. [Ja] *vstretil*-[eë]-subj-copr→*starikom*_{INSTR} 'I [male] met her an.old.man'.

31. **Object-copredicative** (expresses the fictitious lexeme «BE»: DirO-ATTR→«BE»-II→D; the G is a V with the corresponding syntactic feature, and the prototypical D is an ADJ, which semantically bears on the DirO)

[They] sent-[John home]-obj-copr→*rich*.

[They] buried-[her]-obj-copr→*alive*.

[He] served-[Mary the salad]-obj-copr→*undressed* ['the salad was undressed'] (Wechsler 1995: 93).

Rus. [Ja] *vstretil*-[eë]-obj-copr→*staruxoj*_{INSTR} 'I [male] met her an.old.woman'.

Rus. [Ona] *vstretila*-[menja]-obj-copr→*starikom*_{INSTR} 'She met me [male] an.old.man'.

32. **Object-resultative-copredicative** (expresses the fictitious lexeme «BECOME»: DirO-ATTR→«BECOME»-II→D; the G is a V with the corresponding syntactic feature, and the D is an ADJ, which semantically bears on the DirO)

wash-[the floor]-obj-result-copr→*clean*

hammer-[the box]-obj-result-copr→*flat*

push-[the door]-obj-result-copr→*open*

beat-[the prisoner]-obj-result-copr→*dead*

wash-obj-result-copr→*clean* [the inside of the cup]

33. **Floating-copredicative** (has no correspondence in the DSyntS, but is introduced by DSynt-to-SSynt-structure rules; the G is a V_{FIN}, and the D is a pronominal adjective such as ALL or EACH)

[Such sentences] contain-float-copr→*all* [a negative word.]

• But: *All*-determ-[such]-sentences contain a negative word.]

[John and Mary] **both**←**float-copr**→*were* [expelled.]

[These phonemes] *have*→[two allophones]←**float-copr**→**each**.

- But: *Terrier dogs closely resemble*←**dir-obj**→*each other*; 「EACH OTHER」 is a nominal idiom.

I.1.2.3 Circumstantial SSyntRels: 34–37

34. **Circumstantial** (expresses DSyntRel ATTR; the G is a V, and the prototypical D is an ADV)

walk←**circum**→**fast**; *delve*←**circum**→**deeply**

[He] *works*←**circum**→**there** (<*in* [this office]).

[He] *works*←**circum**→**abroad**.

In general←**circum**→[he]→*is* [happy.]

- NB:** The underscoring of a space (“_”) between two words means that they form in fact “one word” – that is, in spite of its official spelling as two words, IN_GENERAL is actually one word (its internal structure does not correspond to syntactic rules of English: no *PREP→ADJ).

[He will] *write*→[next]←**circum**→**week** (<*tomorrow*).

[A new store] *opened*→[three]←**circum**→**miles**←**circum**→**West** [from here.]

– A circumstantial can be an absolute construction:

[He] *went*→[out, his]←**circum**→**gun** [in his left hand.]

With←**circum**→[her paper finished, Helen]→*can* [afford this trip.]

[The sellers] *offered*→[500 tons,]←**circum**→**delivery** [to be made in October.]

Lat. [Mortuo] **Caesare**←**circum**→[bella civilia orta]→*sunt* (Ablativus Absolutus) ‘With Caesar dead, civil wars have started’.

– A circumstantial can be an (accusative) N:

Circumstantial of duration

[He] *worked*→[three]←**circum**→**days**.

Rus. [On] *rabotal*→[celuju]←**circum**→*nedelju*_{ACC} ‘He worked the whole week’.

Circumstantial of relation: Ancient Greek

Athēnaïos→[tō]←**circum**→*gēnos*_{ACC} ‘Athenian with respect to [= ‘by’] birth’

Kámnō→[toús]←**circum**→*ophthalmoús*_{ACC} ‘I.suffer with respect to [= ‘from’] eyes’.

[John] *kissed*→[her three]←**circum**→**times**.

[Don’t] *waste*→[time]←**circum**→**playing** [computer games!]

Having←**circum**→[rushed off, he]→*forgot* [his umbrella.]

When←**circum**→[summer approaches,]→*start* [preparing your car.]

Had←**circum**→[John been here, he]→*could* [have helped us.]

Holidays←**circum**→[or no holidays, I]→*have* [to finish my paper.]

[She] *received*→[John]←**circum**→**as** [a queen.]

[She] *received*→[John]←**circum**→**as** [a king.]

[She] *sang*←**circum**→「**as if**」 [she knew me.]

NB: The raised semibrackets denote an idiom.

[*Sometimes animals*] **act-circum**→*like* [*us*].

Fr. «*Une fois*»←**circum**–[*son travail terminé, Jean*]–devra [*retourner à Nice.*] lit. ‘Once his work is. over, Jean will.have to.return to Nice’.

Fr. [*Jean*] *travaille*–**circum**→*Place* [*de la Nation*] ‘John works at the Place de la Nation’.

Fr. [*Jean*] *mange*–**circum**→*beaucoup* [*et voracement*] ‘John eats a lot and greedily’.

• But: [*Jean*] *mange*–**dir-obj**→*beaucoup* [*de fruits*] ‘John eats a lot of fruit’. Cf.:

On le fait manger beaucoup vs. *On lui fait manger beaucoup de fruits*.

In the French causative construction FAIRE ‘make’ + V, the Causee must be a DirO (or in the accusative, if a clitic), if V has no DirO, and an IndirO (in the dative, if a clitic), if V has a DirO. The example shows that the adverb BEAUCOUP ‘a lot’ is not a DirO, but a Circumstantial, while the noun phrase BEAUCOUP *de* Ns is a genuine DirO.

– The circumstantial can be a Cognate Object:

Rus. [*On*] *umer*–[*užasnoj*]–**circum**→*smert’ju*_{INSTR} lit. ‘He died with. a.terrible death’ [cognate object].

NB: In the DSyntS, a Cognate Object often corresponds to a deep circumstantial of manner (‘died in.a.terrible.way’).

– The circumstantial can be an infinitive of purpose:

To←**circum**–[*simplify the procedure, Dr. Copulati*]–has [*recourse to the following technique.*]

Rus. [*On*] *uexal*–[*v Kanadu*]–**circum**→*učit’ sja*_{INF} ‘He went to Canada to.study’.

The SSyntRels 35–37 are of circumstantial type, their governor being necessarily a V_{FIN}. Their triple distinction is parallel to the distinction between the three adnominal SSyntRels:

modificative (*elegantly solve* ~ an *elegant*←**modif**–*solution*)

appositive (*An old man, the officer told us ...* ~

The officer, –[an old]–appos→*man, told us ...*)

attributive (*Abroad, an American is always preoccupied ...* ~

An American–attrib→*abroad is always preoccupied ...*).

35. Modifier-circumstantial (expresses DSyntRel **ATTR**; the G is a V_{FIN}, and the D is an ADJ/ ADV)

[*As always*] *elegant*,←**mod-circum**–[*John*]–walked [*away.*]

[*As always very*] *elegantly*,←**mod-circum**–[*John*]–walked [*away.*]

36. Apposition-circumstantial (expresses DSyntRel **ATTR**; the G is a V_{FIN}, and the D is an N)

[*An old*] *man*,←**appos-circum**–[*John*]–works [*less.*]

37. **Attribute-circumstantial** (expresses DSyntRel ATTR; the G is a V_{FIN} , and the prototypical D is an ADV)

Abroad, ←attr-circum–[Alan]–works [less.]

Without←attr-circum–[his computer, Alan]–feels [lost.]

I.1.2.4 Extra-structural SSyntRels: 38–42

38. **Parenthetical** (expresses DSyntRel APPEND; the G is a V_{FIN} , and the D is (the head of) a parenthetical expression)

Oddly, ←parenth–[Alan]–works [less.]

[Alan,] *naturally*, ←parenth–accepted [the offer.]

• But: [Alan] accepted–[the offer quite]–circum→*naturally*.

As←parenth–[we have known for some time, Alan]–works [less.]

To←parenth–[give an example, I]–will [consider nominal suffixes.]

[It] was, ←parenth→*as* [Alan said, a very hot day.]

39. **Quasi-parenthetical** (expresses DSyntRel APPEND; the G is (the head of) a Direct Speech expression, and the D is a V_{FIN} , the head of a Direct-Speech Introductor)

[“Alan” will–[visit us,” John]–quasi-parenth→*shouted*, [“next Friday.”]

[“I” am–[not going there!”]–quasi-parenth→*shouted* [John.]

[“I” am–[not going to kill the project,” McGuire]–quasi-parenth→*declared* [in front of cameras.]

Rus. [“Kak vy” smeeete–[!”]–quasi-parenth→*vspxynula* [Elena]

lit. ‘How you dare!’ – flared.up Elena’.

• Many verbs that appear as the head of a parenthetical Direct-Speech Introductor, are impossible in the superordinate Direct-Speech Introductor:

Fr. « *C’est un secret!* », *élude* Isabela Ono ‘This is a secret! », *élude* Isabela Ono’ vs.

**Isabela Ono élude*: « *C’est un secret!* » ‘Isabella Ono eludes: ‘This is a secret!’ »’ (see Danlos *et al.* 2010).

40. **Adjunctive** (expresses DSyntRel APPEND; the G is a V_{FIN} , and the prototypical D is an interjection/a proper name)

OK, ←adjunct–[John]–will [go.] | *Mary*, ←adjunct–[where]–are [you?]

41. **Proleptive** (expresses DSyntRel APPEND; the G is a V_{FIN} , and the D is an N, as a rule, the expression of a Focalized theme or rheme)

[This] *Collins*, ←prolept–[we]–hate him.

This [film], ←prolept–[I]–find [it gorgeous.]

Prolepses are quite typical of French and of many South-East Asian languages.

French

[Ma] *mère*, ← **prolept** – [mes amis, elle les] – *adore* lit. ‘My mum, my friends, she them adores’.

(10) Korean

John + *i* ← **prolept** – [k^ho + ka] – *kil* + *ta*
 SUBJ nose SUBJ be.long DECL(arative)
 ‘[It is] John [whose] nose is long’.

42. **Presentative** (expresses DSyntRel **APPEND**; the G is a V_{FIN}, and the D is the particle *ÈTO* ≈ ‘this’)

Russian

Èto ← **present** – [Vanya tam] – *sobiraetsja* lit. ‘It Vanya there is.packing’.

• But: *Èto* ← **restr** – Vanya [tam *sobiraetsja*] lit. ‘It [is] Vanya [and not somebody else] [who] there is.packing’.

Èto ← **present** – *stučit* [dožd’ po kryše] lit. ‘It is.drumming rain on roof’.

Notes

¹ (1) It is absolutely impossible to compare the proposed SSyntRels list with Stanford Universal Dependencies: de Marneffe & Manning 2008/2015. The framework and the methodology are so different that a comparison would require a serious special study.

² (4, No. 7) **Clitics**. As is well known, there are two major types of clitics: second-position, or Wackernagel, clitics (Slavic languages) and syntactically-positioned clitics (Romance languages). In the SSyntS, they are treated differently.

Notations: G’ is the SSynt-implementation of G; L’_(clit) is the clitic implementing the noun L at the SSynt-level; **r**’ is the SSynt-relation expressing the DSynt-relation **r**.

– A second-position clitic L’_(clit-2nd.pos) syntactically depends on the SSynt-implementation G’ of the DSynt-governor G of L’_(clit-2nd.pos)’s source L, rather than on the lexeme that will eventually be the clitic’s phonological host:

$$G\text{-}\mathbf{r}\text{-}\mathbf{L} \Leftrightarrow G'\text{-}\mathbf{r}'\text{-}\mathbf{L}'_{(\text{clit-2nd.pos})}$$

L’_(clit-2nd.pos) can form a syntactic phrase with G’, but is linearly positioned after its phonological host (which is the initial syntactic phrase in the clause), quite irrespective of the host’s syntactic function; generally speaking, a second-position clitic cannot form a syntactic phrase with its host (although it forms a phonological phrase with it). For instance:

Serb. NATERATI_{PAST} ‘[to] compel, force’-**II** → JOVAN ↔

BITI_{PRES} **perf-analytical** → NATERATI_{PAST.PART} **dir-obj** → ON ‘he’

Mama ga ← **dir-obj** – [je jedva] – *naterala*... lit. ‘Mother him has hardly forced...’

In the SSynt-structure, the clitic GA (the accusative clitic form of ON ‘he’) syntactically depends on NATERALA, the lexical part of a complex past tense form, but is linearly placed after MAMA, the Subject of the clause, with which the clitic has no syntactic link.

– A syntactically-positioned clitic $L'_{(\text{clit-synt.pos})}$ syntactically depends on its phonological host, rather than on the SSynt-implementation G' of the DSynt-governor G of $L'_{(\text{clit})}$'s source L :

$$G \rightarrow L \Leftrightarrow L'_{(\text{clit-2nd.pos})} \leftarrow G_1 \cdots \rightarrow G'$$

G_1 is a finite verb syntactically dominating G' ; it can be an auxiliary of a complex tense or a modal verb. $L'_{(\text{clit-synt.pos})}$ can form a syntactic phrase with G_1 , but cannot with G' , and is positioned with respect to G_1 . For instance:

Sp. FORZAR_{PERF.PRES} ‘[to] compel, force’ – II → JUAN ↔

ÉL ← dir-obj – HABER_{PRES} – perf-analytical → FORZAR_{PAST.PART}

Madre le ← dir-obj – ha [apenas forzado]... lit. ‘Mother him has hardly forced...’

In the SSynt-structure, the clitic LE (the accusative clitic form of a human ÉL ‘he’) syntactically depends on HABER, the auxiliary part of a complex past tense form, and is linearly placed before it. To put it differently, during the pronominalization of the DSynt-structure, a syntactically-positioned clitic “climbs” to its new host together with the corresponding branch – that is, with the corresponding SSyntRel.

3 (4, No. 19) Accusativus cum Infinitivo/Participio

The *Accusativus cum Infinitivo/Participio* construction appears with semantically bi-actantial verbs whose SemA 2 is a statement P : ‘ X knows that P ’ or ‘ X says that P ’. ‘ P ’ itself means ‘ Y Z -es’, so that in the construction under discussion, the lexeme $L(Y)$ becomes a DirO (\approx “accusative”) and $L(Z)$ is implemented as an **inf-obl-objectival** SSyntRel (“infinitive”) or an **obj-attr-objectival** SSyntRel (“participle”). The particularity of this construction is that, contrary to other actantial infinitives/participles, its Ds do not directly correspond to SemAs of their G , but realize on the surface each a “part” of its SemA 2.

References

Danlos, Laurence, Sagot, Benoît & Stern, Rosa. 2010. Analyse discursive des incises de citation. In: Neveu, F., Muni Toke, V., Durand, J., Klingler, T., Mondada, L. & Prévost, S. (eds), *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF2010*, Paris: Institut de linguistique française, 2237–2254; see also: <https://www.youtube.com/watch?v=JOHw7lX3Gu4>

Haspelmath, Martin. 2015. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-linguistic Generalizations. https://www.academia.edu/10652772/The_serial_verb_construction_Comparative_concept_and_cross-linguistic_generalizations

Imrényi, András. 2013. The Syntax of Hungarian Auxiliaries: A Dependency Grammar Account. In: Hajičová, E., Gerdes, K. & Wanner, L. (eds), *Proceedings of the Second International Conference on Dependency Linguistics [DEPLING 2013]*, Prague: Charles University, 118–127.

Iomdin, Leonid. 2010. O modeli russkogo sintaksisa [On a Model of Russian Syntax]. In: Apresjan, Ju., Boguslavskij, I., Iomdin, L. & Sannikov, V., *Teoretičeskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja [Theoretic Problems of Russian Syntax. The Interaction of Grammar and Lexicon]*, Moskva: Jazyki slavjanskix kul'tur, 21–43.

Iordanskaja, Lidija & Meščuk, Igor. 1981. On a Class of Russian Verbs Which Can Introduce Direct Speech. In: Jakobsen, P. & Krag, H. (eds), *The Slavic Verb*, Copenhagen: Rosenkilde & Bagger, 51–66.

Iordanskaja, Lidija & Meščuk, Igor. 2009. Establishing an Inventory of Surface-Syntactic Relations: Valence-Controlled Surface-Syntactic Dependents of the Verb in French. In: Polguère & Meščuk (eds) 2009: 151–234.

Marneffe, Marie-Catherine, de, & Manning, Christopher. 2008/2015. *Stanford Typed Dependencies Manual*. See: http://nlp.stanford.edu/software/dependencies_manual.pdf

Meščuk, Igor. 1974. *Opyt teorii lingvističeskix modelej "Smysl ⇔ Tekst". Semantika, Sintaksis. [Outline of a Theory of "Meaning-Text" Type Linguistic Models. Semantics, Syntax]*. Moskva: Nauka. [2nd printing: 1999, Moskva: Škola «Jazyki russkoj kul'tury».]

Meščuk, Igor. 1988. *Dependency Syntax: Theory and Practice*, Albany, N.Y.: The SUNY Press.

Meščuk, Igor. 2009. Dependency in Natural Language. In: Polguère & Meščuk (eds) 2009: 1–110.

Meščuk, Igor. 2012a. *Jazyk: ot smysla k tekstu [Language: From Meaning to Text]*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Meščuk, Igor. 2012b. *Semantics: From Meaning to Text*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Meščuk, Igor. 2013. *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Meščuk, Igor. 2014a. The East/South-East Asian Answer to the European Passive. In: Dmitrenko, S. & Zaika, N. (eds), *Acta Linguistica petropolitana*, 10: 3, 451–472 [= *Festschrift Xrakovskij*, Sankt-Peterburg: Nauka].

Meščuk, Igor. 2014b. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again. In: Plungjan, V. with Daniel, M., Ljutikova, E., Tatevosov, S. & Fedorova, O. (eds), *Jazyk. Konstanty, Peremennye. Pamjati Aleksandra Evgen'eviča Kibrika [Language. Constants. Variables. To the Memory of Alexander Kibrik]*, Sankt-Peterburg: Aletejja, 169–216.

Meščuk, Igor. 2015. *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 3. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Meščuk, Igor & Pertsov, Nikolaj. 1987. *Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework*. Amsterdam: John Benjamins.

Polguère, Alain & Meščuk, Igor (eds). 2009. *Dependency in Linguistic Description*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Wechsler, Stephen. 1995. *The Semantic Basis of Argument Structure*. Stanford, CA: CSLI Publications, Stanford University.

Syntactically Incomplete Clauses

On the morphological surface, a clause may lack the Main Verb or an equivalent element that could be the top node in its SSynt-structure; therefore, it is

impossible to associate a well-formed SSyntS with such a clause. This situation obtains in one of the two cases:

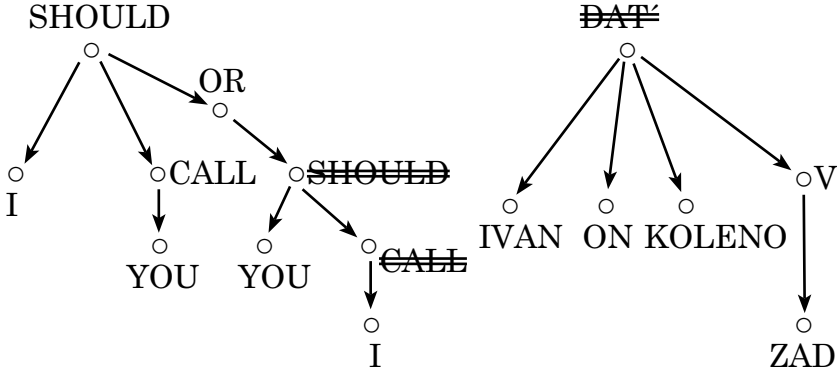
- The Main Verb is implemented by a zero wordform, as in Russian: *Ivan* \emptyset_{BYT} *doktor* ‘Ivan is a doctor’. This zero wordform alternates with non-zero forms (*Ivan budet doktorom* ‘Ivan will be a doctor’); it simply has to be added to the SSyntS as its top node. See examples in SSyntRels Nos. 1 and 22.

- The Main Verb is elided; these ellipses are of two types:
 - 1) either in the context of coordination (Conjunction Reduction, Gapping), where the linearly second occurrence of the verb is elided;
 - 2) or in the context of governed complements.

In both cases, the elided component is shown in the SSyntS (indicated as such by ~~striketrough~~):

1) *Should I call you or you me?* \Leftarrow
Should I call you or ~~should~~ you ~~call~~ me?

2) Rus. *Ivan emu kolenom v zad*
lit. ‘Ivan to.him with.knee in butt’. \Leftarrow
Ivan ~~dat~~ emu kolenom v zad
‘Ivan hit him in his butt with knee’.

The elided component is physically eliminated in the transition SSyntS \Leftrightarrow DMorphS.

К реконструкции и интерпретации надписи из Киуса¹

Статья посвящена истории изучения и интерпретации древнеримской надписи из города Киус, созданной во время войны императора Валента с готами (конец 360-х гг. н.э.). От памятника сохранилась только правая сторона. Относительно содержания утраченной части было высказано немало предположений. Исключительный авторитет сохраняет реконструкция Киусской надписи, выдвинутая в 1882 г. Т. Моммзенем. В начале XX в. ряд ученых предложили ее видоизменить и модернизировать, но эти предложения до сих пор не получили безоговорочного признания. В статье выдвигаются аргументы в поддержку предложенных изменений моммзеновской редакции; их предлагается сделать их еще более радикальными. Завершается работа призывом к румынским археологам найти недостающую часть памятника.

Ключевые слова: варвары; глагольное управление; готы; Моммзен; Римская империя; Точилеску; эпиграфика; Шастаньоль; *ingruo*; *quinqennalia*.

1. Предисловие

Эта работа посвящена истории изучения римской строительной надписи IV в., найденной на территории нынешней Румынии.² Согласно общепринятой т.зр., она относится к эпохе имп. Валента (364-378), точнее, ко времени войны с готами, которую тот вел в 367-369 гг.

Этот период многосторонне освещен источниками. До наших дней дошли не только произведения историков, описывавших события *post factum*, зачастую десятилетия спустя, но и несколько текстов, созданных непосредственно в гуще событий.

Одним из таких памятников является строительная надпись, найденная в развалинах города Киус. Она сообщает о сооружении укрепления на Дунае, призванного защищать римские границы. Кто был ее автором, мы, наверное, никогда не узнаем – возможно, один из упомянутых в надписи римских офицеров.

До наших дней дошло несколько текстов еще одного очевидца событий – высокопоставленного константинопольского ратора Фемистия (выражаясь на современный лад, он был чем-то вроде политического комментатора при императорском дворе). Особый интерес представляет его X речь – значительная ее часть посвящена рассказу о том, как под руководством Валента воздвигалось небольшое укрепление на дунайской границе. По мнению большинства исследователей, это та самая крепость, о строительстве которой повествуется в надписи из Киуса.

Сопоставить оба текста было бы интересно – однако задача это не простая. Слишком мало общего между пространным текстом утонченного эллина и коротенькой латинской надписью, не вполне безупречной с точки зрения грамматики. Мы займемся этим в следующей статье, а пока обратимся к истории изучения надписи из Киуса.

От Киусской надписи сохранилась только правая сторона. Сразу же после открытия стали выдвигаться предположения относительно содержания пропавшей части. Победила т.зр. Теодора Моммзена³ – памятник относится ко времени I готской войны Валента. Затем версию Моммзена попытались несколько откорректировать. Дело в том, что ей присуще одно внутреннее противоречие (сам ученый вполне отдавал в нем отчет) – его попытались если не разрешить, то хотя бы смягчить. К сожалению, в XX в. киусскую надпись почти перестали обсуждать открыто. В итоге суть дела пребывает в забвении под спудом второстепенных соображений. Моя задача – рассказать о том, как пытались решить этот ребус и, может быть, побудить к дальнейшим попыткам.

2. Эпоха создания Киусской надписи

Скажем в нескольких словах об исторических обстоятельствах возникновения Киусского памятника⁴.

Готы поселились в Северном Причерноморье и на Балканах в середине III в. н.э. В 250-270-х гг. в составе различных варварских коалиций они опустошают восточные области Римской империи. Римлянам, хотя и не без потерь, удастся отбить этот натиск⁵.

С конца III в. отношения готы и империи складываются по-новому. «Готские отряды, пересекавшие границу прежде только ради добычи, теперь приходят в Рим в качестве федератов, готовых служить Империи, получая определенное вознаграждение»⁶. Вплоть до 360-х гг. обстановка на Нижнем Дунае в целом оставалась спокойной.

В феврале 364 главой Римской империи становится Валентиниан (364-375). Через месяц после восшествия на трон он назначает соправителем своего младшего брата Валента (364-378). Старший брат будет править Западной половиной империи, младший – Восточной.

В этот период отношения римлян с готами обостряются. Предводитель тервингов (готов, поселившихся в нижнем Подунавье) Атанарих оказал поддержку узурпатору Прокопию, ненадолго захватившему власть в Константинополе (365-366). Покончив с этим внутренним врагом, Валент начинает войну с готами, продолжавшуюся три года⁷.

В ходе этой войны Валент дважды вторгнулся на территорию готов. Военные действия проходили только в теплое время года. В 367 Валент переправился через Дунай и вступил в область тервингов. Готы предпочли уклониться от боя. Считается, что они отступили к юго-восточным отрогам Карпат. Было захвачено небольшое количество пленных. Император возвратился ни с чем.

В феврале – марте 368 братья императоры отпраздновали *quinquennialia* – начало пятого года правления⁸. Мы упоминаем об этом относительно незначительном событии, т.к. оно упомянуто в Киусском памятнике. Валент отпраздновал его в придунайском городе Маркианополе (неоконченная война не отпускала его в столицу); сохранилась приветственная речь, произнесенная по этому случаю Фемистием⁹ от имени константинопольского сената¹⁰.

Летом 368 года войне помешал сильный разлив Дуная. Римляне не теряли времени – в период вынужденного простоя они укрепляли границу¹¹. Видимо, именно в это время и были построены оборонительные сооружения, о которых повествуется в Киусской надписи и у Фемистия¹². В 369 г. римляне снова переправились на левый берег. Вероятно, они действовали в южной части междуречья Прута и Днестра (эту область населяло другое готское племя – грейтунги). На этот раз дело дошло до боевых столкновений, в которых готы под командованием Атанариха были обращены в бегство. Валент с армией возвратился на римскую территорию. Готы не были разгромлены, но оказались в тяжелом положении. Они просили Валента о мире, но их посольства раз за разом получали отказ. По словам Фемистия, готский стан в это время был полон «варварского вопля, погребальных песен, жалоб и просьб, – звуков, более приличествующих пленникам, нежели договаривающимся»¹³.

На самом деле в прекращении войны были заинтересованы обе стороны. Император в итоге поддался на уговоры. В конце 369 г. Валент и Атанарих заключили мирный договор. Переговоры велись на кораблях посреди Дуная. Положение готов по сравнению с довоенным временем несколько ухудшилось: империя прекратила

ежегодные выплаты, резко сократилось число городов на территории империи, где они имели право находиться и вести торговлю¹⁴. Римлянам, видимо, тоже пришлось пойти на уступки¹⁵.

К летней кампании 367 г. мы еще вернемся, а пока немного скажем о последующих событиях. Война 367-369 гг. была последней относительно удачной для римлян. На Балканах подготавливалась катастрофа, пережить которую Западной империи было не суждено. Через несколько лет множество готов, скопившихся на северном берегу Дуная, будут умолять позволить им переправиться на римскую территорию. Валент даст согласие, но жестоко за него заплатится. Готы-переселенцы, попавшие под власть алчной римской администрации, поднимают восстание. Начинается вторая (и последняя) война Валента с готами. Поначалу она шла с переменным успехом, но в 378 г. готам удалось нанести римлянам сокрушительное поражение при Адрианополе. Валент погибнет с большей частью своей армии.

Такой конец ждал «величайшего победителя» и «триумфатора» Валента, получившего от сената почетный титул «Gothicus». Готов ждало другое будущее: их сыновьям и внукам суждено будет взять Рим (410 г.), создать королевства на юге нынешней Франции, а затем и в Испании, где они просуществуют вплоть до Арабского завоевания.

3. Интерпретация и реконструкция надписи в XIX в.

Обратимся теперь к строительной надписи из Киуса¹⁶. Обнаружена она была в развалинах неподалеку от румынской деревни Гырличу¹⁷. Как уже говорилось, сохранилась только часть текста. Впервые надпись была опубликована Эмилем Дежарденом в 1868 г. Он же предпринял первую попытку реконструкции утерянной части.¹⁸

В распоряжении издателя была весьма несовершенная копия оригинала (скажем, сохранившаяся часть имени императора читалась приблизительно как IEPVS), поэтому качество публикации оказалось далеко не идеальным.

На публикацию Э. Дежардена незамедлительно откликнулся Теодор Моммзен²⁰. Высоко оценив находку (*un tesoro storico*), Моммзен в то же время решительно выступил против того, чтобы относить ее к III в. и, в частности, ко времени имп. Галлиена (259-268). Некоторые особенности надписи однозначно свидетельствуют в пользу IV века (в частности, титулатура *Maximus triumphator*, да и

само написание: triumphator). Вместо Gallienus Моммзен предложил чтение Constantinus (в таком случае надпись должна датироваться 320 годом, пятнадцатым в правлении Константина). Вместе с тем он допустил, что в надписи может упоминаться какой-то другой римский император IV в. (в скором времени это предположение подтвердилось)²¹.

Реконструкция Дежардена

*imp·caes·p·licinius·gall*ENVS · VICTOR · MAXIMVS · TRIVMFATOR
*p·f·semper·aug·in·illy*RICO · VICTIS · SVPERATISQVE · GOTHIS
 TEMPORE · FELICI · TER · QVINQVENNALIORVM
praesidium · OB · DEFENSIONEM · REIPVBLICAE · EXTRVXIT
 manufidelissimORVM · MILITVM · SVORVM · PRIMANORVM
VM·CVRA·MARCIANI·TRIB·ET·VRSICINI·P·P·SEMP·VESTRI
 steRCORIO · VIRO · CLARISSIMO · DVCE

Реконструируемая часть надписи:	Сохранившаяся часть:
имп[ератор] [цез]арь [П]ублий Лициний Галл	иен, величайший победитель, триумфатор,
у[строитель] м[ира] присно Авг[уст], в Илли	рике, победив и одолев Готов,
.....	в счастливое время трижды пятилетней годовщины его правления,
.....укрепление	возвел ради защиты государства
отрядом..... преданне	йших своих воинов первого легиона
	um заботе Марциана триб[уна] и
.....	Урсичина, р р всег[да] вашего
Сте	ркория, мужа славнейшего, дукса ¹⁹

Отталкиваясь от идей Моммзена, Виктор Гардтхаузен в 1882 высказал новое предположение:²² императором, упомянутым в Клувской надписи, был Констанций (Constantius, годы правления: 337-351), сын Константина Великого. Свою гипотезу Гардтхаузен подкреплял достаточно сложными построениями, останавливаться на которых мы не будем. По его мнению, надпись надо датировать 338-м годом, причем 15-летнюю годовщину следует отсчитывать от провозглашения Констанция цезарем (так сказать, младшим императором) в 323 г. Сами победы Констанция имели место в середине 330-х гг., т.е. за несколько лет до создания надписи. Упомянутого в надписи Урсичина Гардтхаузен был склонен отождествить с известным римским полководцем, описанным Аммианом Марцеллином. Новая гипотеза была выдвинута и относительно «ricо», сохранившегося во второй строке справа от линии разлома. Гардтхаузен присоединился к мнению своего учителя Альфреда фон Гутшмида, увидевшего в «ricо» готского вождя Ариариха. Вторая строка приняла следующий вид: cum rege Aria]rico victis superatisque gothis – «победив и одолев готов [с королем Ариа]рихом».

Моммзен успел включить эту реконструкцию в справочный аппарат к изданному под его редакцией труду готского историка Иордана²³. Чуть позже (опять-таки, в 1882 году) Моммзен предложит новую интерпретацию киусского памятника (см. ниже), – тем самым, некоторое время его авторитетом будут освящены две взаимоисключающие версии²⁴.

Судьбе угодно было начисто перечеркнуть предположения ф. Гутшмида и Гардтхаузена в том же 1882 году, эпохальном в истории Киусского памятника. Румынскому археологу и историку Григоре Точилеску удалось обнаружить оригинал надписи²⁵ (как мы помним, в распоряжении Дежардена была копия); выдвинутые ранее предположения сразу же стали достоянием истории. Стало, в частности, ясно, что император, упомянутый в тексте – Валент (первое сохранившееся слово – не IENIVS, но VJALENS). Точилеску предложил новую реконструкцию утраченной части и новую интерпретацию надписи. По его мнению, она относится ко времени последней войны Валента с готами (15-ый год его правления начался в марте 378) и была создана незадолго до адрианопольской катастрофы. Упомянутая в надписи победа – произошедшая в августе или сентябре 377 битва *ad Salices*²⁶. Правда, победой ее считать трудно (и римляне, и готы понесли тяжелые потери, но не добились успеха), но римская пропаганда известна приукрашиванием достижений империи. Точилеску указал на несколько возможных способов реконструкции второй строки (не включив их в свой окончательный вариант): *fugato* или же *debellato rege athana]arico* («обратив в бегство» или «разбив короля Атан]ариха»), или же *in solo Romano et barbar]arico* («на земле римской и варварской»). Самому Точилеску эти гипотезы не нравятся – II готская война велась исключительно на римской территории, Атанарих в ней не участвовал. Тем не менее, этим заготовкам суждена была долгая жизнь.

Как и в 1868, новая публикация Киусского памятника сразу же привлекла внимание Теодора Моммзена²⁷. Он высоко оценил заслуги румынского ученого и предложил одно принципиальное нововведение, касающееся сохранившейся части памятника. Вместо раздельного чтения *felici ter* («счастливое трижды») он предложил слитное *feliciter* («счастливо»).

Было две основных причины, заводивших исследователей на ложный путь до 1882: ● ошибочно реконструировалось имя императора, от лица которого была сделана надпись; ● предполагали ненужный словораздел и читали *tempore felici ter quinquennialiorum* – «(в) счастливое время трижды пятилетия». Соответственно, искали императора (а) победившего готов; (б) правившего не менее 15 лет²⁸.

Соединив *felici* и *ter* (вернее, устранив воображаемый словораздел – в оригинале слова пишутся слитно) Моммзен нашел остроумный выход из положения. Стало ясно, что речь идет о *quinguennalia* Валента. Как мы помним, они достоверно засвидетельствованы источниками. При этом оба упомянутые в надписи события (годовщина и победа над готами) оказываются *приблизительно* одновременными.

Открытая Точилеску Киусская надпись с дополнениями Моммзена

*d. n. invictissimus princeps fl. u]alens victor maximus triumphator
semper aug. in fidem recepto rege athan]arico victis superatisque Gothis
ingruente item in victorias illa]s tempore feliciter quinquennialiorum
[. hunc burgum] ob defensionem rei publicae extruxit
[labore devotissi]morum militum suorum Primanorum
[et commissor]um cure Marciani trib. et Ursicini p(rae)p(ositi) semp(er) vestri
ordinante fl.] Stercorio viro clarissimo duce.*

Не только имя императора, но и многие другие буквы, находящиеся на грани слома, по сравнению с первой публикацией стали читаться значительно лучше (к примеру, «*ric*o» превратилось в «*ari*co»). В последней строке опечатка – следует читать *Ste]r*corio:

Реконструируемая часть надписи:	Сохранившаяся часть:
г[осподин] н[аш] непобедимейший принцепс Фл.В	алент, величайший победитель, триумфатор.
присно Авг[уст], приняв под покровительство короля Ата	нариха, победив и одолев Готов,
и поскольку, к тому же, было отмечено победами те	ми счастливо время пятилетней годовщины его правления,
.....этот форт	возвел ради защиты государства
трусами.....преданне	йших своих воинов первого легиона
и.....ввере	нных заботе Марциана триб[уна] и Урсичина, постоянного вашего п[re]п[озита],
под руководством Фл.Сте	ркория, мужа славнейшего, дукса

(а) в переводе я не переставлял слова реконструируемой и сохранившейся частей надписи, поэтому 3-я строка выглядит крайне неуклюже; (б) Моммзен принял на вооружение предположение Точилеску относительно Атанариха, правда, поместив готского вождя в другое словесное окружение – *in fidem recepto rege Athana]rico*. В XX в. эта реконструкция будет поставлена под сомнение.

Однако успешно разрешив одно противоречие, Моммзен создал новое. Дело в том, что пятилетие правления Валента и оконча-

ние войны с готами все же не совсем совпадают по времени – *quinquennalia* приходится на март 368 г.²⁹, последняя кампания – на лето 369 г., мирный договор, видимо, был заключен несколькими месяцами позже. Моммзен датировал надпись второй половиной 369 года, предположив, что *quinquennalia*, событие относительно недавнее, добавлено в текст задним числом³⁰. Значительная часть его статьи посвящена «единоличности» киусской надписи (Валент стоит в ней в одиночку, без упоминания родственников-соправителей) – по мнению Моммзена, это нехарактерно для династии, основанной Валентинианом. В целом, в 1882 Моммзен оценивал памятник куда сдержаннее, чем в 1868.

Новую реконструкцию Киусской надписи Моммзен снова включил в *Corpus inscriptionum latinarum*, а Германн Дессау – в *Inscriptiones Latinae Selectae*, корпус наиболее значимых античных латинских надписей, сгруппированных по эпохам и авторам³¹. То, что реконструкция Моммзена опубликована в авторитетном и относительно компактном ILS, несомненно, весьма способствовало ее популярности. Этого не скажешь о гипотезах некоторых из оппонентов Моммзена, публиковавшихся в малотиражных и труднодоступных изданиях.

4. Моммзеновская версия 1882 г. и ее модернизация в XX в.

В XIX в. Моммзену по киусскому вопросу возражал только Отто Зеек (о противоречивой позиции этого ученого будет сказано ниже). Гораздо большее значение имели критические замечания, высказанные в нач. XX в. Г. Дессау и А. фон Домашевски, многолетними сотрудниками Моммзена в деле изучения и издания эпиграфических памятников.

В третьем, заключительном томе ILS (вышедшем уже после смерти Моммзена), в разделе *Corrigenda* («исправления»), Германн Дессау поместил следующее замечание: «упоминание о короле Атанарихе внесено в эту надпись без настоящей причины, и едва ли правильно»³². Там же можно узнать, что в диссертации Г. Шольце, посвященной датировке речей Фемистия, имеется другая реконструкция, предложенная А. ф. Домашевски. У Шольце мы встречаем лишь ссылку на устное свидетельство: «на мой вопрос фон Домашевски сказал, что нужно писать “*in solo barbarico*”»³³.

Не правда ли, кажется, будто с нами играют в прятки? Остается только гадать, почему фон Домашевски и Дессау нашли нежела-

тельной реконструкцию *in fidem recepto rege athan]arico* (наши соображения на этот счет приведены ниже, в разд. 8.1). Некоторые исследователи первой половины XX приняли это исправление. О.Фибигер и Л.Шмидт³⁴, а позднее К.Патч³⁵ сделали следующий шаг: вычеркнув из надписи упоминание о победе над Атанарихом, они пересмотрели датировку надписи в пользу 368 года, года *quinqennalia*.

Эта «ревизионистская» точка зрения до сих пор не получила полного преобладания. В первые послевоенные десятилетия надпись снова стали воспроизводить в моммзеновской редакции 1882 г. и датировать, как правило, 369 годом. Видимо, немалую роль здесь сыграли несколько строк Ассунты Нагль в авторитетной *Realencyclopädie*. Хотя исследовательница упомянула обе точки зрения, она явно склонялась к моммзеновской трактовке Киусского памятника³⁶.

Автор/ год ³⁷	редакция 2-ой строки	датировка
Bang 1911	<i>in fidem recepto rege athan]arico</i>	369
Fiebiger, Schmidt 1917	<i>in solo barb]arico</i>	368
Patch 1928	<i>in solo barb]arico</i>	368
Schmidt 1934	–	368
Nagl 1948	приводит оба варианта	скорее 369, чем 368
Велков 1955	–	368 или 369
Barnea 1967	<i>in fidem recepto rege athan]arico</i>	–
Hoffman 1969	–	369
Popescu 1976	<i>in solo barb]arico</i>	369
Ariescu 1980	–	369
Chastagnol 1987	<i>in solo barb]arico</i>	368
Lenski 2002	–	368
Lizzi Testa 2004	<i>in solo barb]arico</i>	368
Wiewiorowski 2008	<i>in solo barb]arico</i>	369
den Boeft 2009	приводит оба варианта, реконструкция <i>in solo barb]arico</i> названа «очень убедительной»	
Migliorati 2013	<i>in fidem recepto rege athan]arico</i>	369

С конца XX в. сторонники *in solo barba]rico* и 368 года обретают второе дыхание – в 1987 с некоторыми аргументами в поддержку этой позиции выступил Андрэ Шастаньоль (насколько мне известно, до 1987 никаких аргументов в поддержку этой т.зр. не высказывалось никем). В наши дни Шастаньоля поддерживает большинство исследователей, высказывающихся по киусскому во-

просу. Впрочем, и у моммзеновского *rege athana]rico* все еще сохраняются сторонники.

Киусская надпись по версии Шастаньоля 1988 г.³⁸

29. [D. n. invictissimus princeps Fl. V]alens victor maximus triumphator | [semper Aug. in solo barb]arico victis superatisque Gothis | [---]s tempore feliciter quinquennialiorum | [hunc burgum a fundamentis] ob defensionem rei publicae extruxit | [labore --- devotissim]orum nilitum suorum Primanorum | [et --- commissor]um cur(a)e Marciани trib(uni) et Vrsicini p(rae)p(osit)i semper vestri | [--- adiuvente Fl. Ste]rcorio viro clarissimo duce.

Реконструируемая часть надписи:	Сохранившаяся часть:
г[осподин] н[аш] непобедимейший принцепс Фл.В	алент, величайший победитель, триумфатор,
присно Авг[уст], на земле варв	арской победив и одолев Готов, с
	счастливого время пятилетней годовщины его правления,
этот форт от основания	возвел ради защиты государства
трусами..... преданне	йших своих воинов первого легиона
и..... ввере	нных заботе Марциана триб[уна] и Урсидина, постоянного вашего п[ре]п[озита].
с помощью Фл.Сте	ркория, мужа славнейшего, дукса

Отличия от моммзеновской реконструкции обозначены полужирным шрифтом

5. Позиции сторон после 1882 года и до наших дней

Вялое и лукавое противостояние вокруг незначительной подробности Киусской надписи тянется уже сто лет. В XIX в. в бой вступали с открытым забралом, – теперь многие размещаются в окопе, принадлежащем одной из партий, и не делают ни одного выстрела в сторону противника. Возможно, они не все в курсе, что противник вообще существует³⁹. Между тем, дискуссия была бы совершенно оправдана. Киусский памятник (в том, в каком он дошел до наших дней) загадочен и внутренне противоречив. Эта противоречивость должна быть осознана. Вопрос же о том, как лучше дополнить «агиос», вполне правомерен, но вторичен.

Попытаемся подвести предварительные итоги последних ста (или даже ста тридцати) лет. Интерпретация Моммзена 1882 года

фактически похоронила все выдвинутые ранее гипотезы⁴⁰ (его интерпретацию я сознательно отделяю от предложенного им восполнения потерянных частей – первое куда важнее). Последние сто тридцать лет она является отправной точкой для споров. Часть исследователей готова ее улучшить, часть отвергает эти попытки. Почему возникла необходимость каких-то исправлений?

Согласно Моммзену, надпись относится ко времени окончания войны (конец 369); *quinqennalia* (начало 368) добавлены в текст задним числом. Киусская надпись воспринимается как обрывок документа, несущий на себе две «даты»⁴¹. Моммзен отдает предпочтение более поздней дате, а более раннюю фактически предлагает не принимать всерьез.

Это решение пришлось по душе не всем. Предлагалось несколько выходов из положения:

(а) Никаких «двух дат» в надписи вообще нет – надпись сделана в 369, но *quinqennalia* Валента имели место в том же году.

Эту гипотезу выдвинул в 1883 Отто Зеек⁴². Он не ставил под сомнение реконструкцию Моммзена, возражения касались только датировки. В наши дни аргументацию Зеека, видимо, можно считать опровергнутой⁴³.

Кроме того, как заметил Шастаньоль, даже если предположить, что Зеек прав относительно года – временной люфт все равно сохраняется: *quinqennalia* имели место в марте, а заключение мира – в конце года.⁴⁴

(б) Надпись сделана после окончания войны, победа в войне следует за *quinqennalia*, но связаны они иначе, нежели представлялось Моммзену.

Так, Шастаньоль указывал на возможность следующей реконструкции *третьей* строки: *secundum pollicitationes facta]s tempore feliciter quinqennaliorum* («согласно обетам, счастливо данным во время пятилетней годовщины»). Сам Шастаньоль не настаивал на предположении (для него оно было своего рода игрой мысли), однако заведомо сбрасывать его со счетов не стоит.

(в) Надпись сделана в 368 во время *quinqennalia*. Упомянутая в надписи победа над готами относится не к концу войны, а к событиям летней кампании 367 г.

Впервые Киусский памятник был датирован 368 годом в сборнике О. Фибигера и Л. Шмидта. У ученых первой половины XX в склонность датировать киусскую надпись 368 годом «сцеплена» с желанием отказать от моммзеновского *rege athana]rico*. Риску предположить, что вариант *in solo barba]rico* в их глазах был хорош не столько сам по себе, сколько тем, что позволял отказаться от *in fidem recepto rege athana]rico* (упоминание об Атанарихе, принятом Валентом под покровительство, может относиться только к концу войны)⁴⁵.

Автору настоящей статьи последний вариант решения проблемы представляется лучшим. Здесь, однако, нас подстерегает подводный камень. Если Киусский памятник создан в 368 г., упомянутые в нем победы над готами имели место в 367.

6. Несколько слов о кампании 367 г.

Наши источники рассказывают о ней достаточно подробно.

Наиболее связно события изложены у Аммиана: после того как римляне переправились через Дунай и готы скрылись в горах, Валент, «чтобы не возвращаться [домой] потратив все лето без какого-либо результата, послал магистра пехоты Аринфея с шайками грабителей (*cum praedatoriis globis*)⁴⁶ и захватил часть семей [готов], которых можно было захватить, когда они блуждали по равнинам полей (*per plana camporum errantes*), прежде чем они достигли обрывистой и пересеченной [местности]. Преуспев только в том, на что представился случай, он невредимо возвращается со своими [воинами], не нанеся тяжелого вреда и не испытав его» (Amm. 27, 5, 4).

Некоторые волнующие подробности о происходившем в 367 г. на готской территории передает Зосим, автор второй половины V в.: «Поскольку они (=варвары) не осмелились сойтись [с римлянами] в рукопашной, но укрылись в болотах и совершали оттуда скрытные нападения, он (= Валент) приказал солдатам оставаться на посту (*κατὰ χῶραν ἐπέταττε μένειν*), и, собрав сколько было челяди, и стражей, которым он [раньше] поручил охрану пожитков, пообещал некоторую [сумму] золотом тому, кто принесет голову врага. Охваченные жаждой наживы, проникнув в леса и болота, все сразу же стали убивать тех, кто им встречался; и показывая головы зарезанных, получали положенное [вознаграждение]; когда таким образом было убито большое число [врагов], оставшиеся стали просить императора о мире.» (Zos., 4, 11, 2-3).

Особо доверять этому сообщению не стоит (чего стоит только упоминание *одной* военной кампании, за которой якобы сразу наступил мир). Не исключено, что Зосим передал толки и слухи, ходившие при дворе еще много лет спустя.

У Фемистия все более буднично: «прекрасно переправиться через Истр с воинским снаряжением и вслед за этим дважды разорить вражескую землю на такую глубину, на какую не осмеливались проникнуть в нее [даже] наши посольства» (Them., X 132 с 5-8; эта речь была произнесена сразу после войны). Но еще прекраснее то, что готов удалось усмирить бескровно – «они побеждены, хоть и не выстраивались в боевой порядок, и лежат поверженные, хоть никогда и не вставали на бой» (Ibid., 139 b 6-7).

Иными словами, летом 367 г. римляне не одержали над готами никаких побед.

7. 368 год как меньшее зло

И все же, несмотря на это, 368 год представляется наиболее вероятной датой создания Киусского памятника. Прежде чем высказать собственные соображения, предоставим слово А.Шастаньолю. В XX веке участники обсуждения киусской надписи были, как правило, скупы на слова. Французский ученый составляет приятное исключение.

(Дессау) ... предложил новую реконструкцию: *semper aug(ustus) in solo barb[arico] victis superatisque gothis*⁴⁷. В таком случае эта строка относится скорее к описанной Аммианом кампании 367 г., проводившейся на другом берегу Дуная, а третья строка указывала либо на то, что отзвук этих побед конца прошлого года все еще длился до марта (или февраля) 368 г., либо на то, что торжественное открытие укрепления имело место в тот же самый период, что и празднование пятилетней годовщины⁴⁸. Таким образом, если принять эту интерпретацию в одном из двух вариантов (*sous l'une des deux formes*), *burgus* (укрепление) в Киусе должно было быть завершено к концу 367 или в самом начале 368⁴⁹.

Аргументация А.Шастаньоля не представляется мне убедительной. Реконструкция «*in solo barb[arico] victis superatisque gothis*» не указывает однозначно на 367 г. – кампания 369 г. тоже проходила не на римской территории, а «*in solo barbarico*». Дело, по-видимому, в другом:

- слова *in solo barb[arico] victis superatisque gothis* могут относиться и к 367, и к 369 г.;
- если они описывают события 369, возникает противоречие, о котором говорилось выше. *Quinquennalia* Валента (март 368 – март 369) имели место *раньше* летней кампании 369 г. Между тем перфектные причастия в «*victis superatisque gothis*» указывают на то, что готы *уже* побеждены, меж тем как *ablativus* в «*tempore feliciter quinquennaliogium ... extruxit*» означает, что крепость в Киусе воздвигнута именно во время пятой годовщины императора⁵⁰;
- если они относятся к событиям 367 г., возникает другое противоречие: что за победа над готами имеется в виду? кампания 367 г. завершилась для римлян практически безрезультатно (не принимать же всерьез подвиги «охотников за головами»). Но, может быть, вторжение на землю врага само по себе рассматривалось как успех?⁵¹ Оценка кампании 367 г. как победы – явное преувеличение. Но все же проще допустить, что автор надписи из Киуса выдавал кампанию 367 г. за победу, нежели отнести надпись к концу войны и допустить сбой хронологии.

Хотя 368 год и является лучшей из датировок, всё же это *optimus malorum*. Поневоле придется признать, что надпись не совсем прав-

дива (как мягко выразился Карл Патч, она «чересчур самоуверенно» (*sehr ruhmredig*) говорит об успехах 367 года⁵²). Было ли это отражением официальной точки зрения или инициативой кого-то из местных военных начальников, упомянутых в надписи?

В принципе, в 367-369 гг. упомянутые в надписи командиры – Стеркорий, Урсин и Марциан – должны были находиться под строгим приглядом высших властей. В IV веке правительство сопровождало императора во время его путешествий. Валент был совсем близко⁵³. С другой стороны, безграмотность надписи⁵⁴ должна, по-видимому, свидетельствовать в пользу того, что мы имеем дело с неуклюжей местной затеей.

Можно предположить, что автору надписи оказалось не по силам описать нестандартную ситуацию – враг уклоняется от боя и спасается бегством. Если это действительно так, ему удалось ввести в заблуждение целый ряд ученых, не без оснований полагавших, что упоминание о «побежденных готах» может относиться только к концу войны. Все это напоминает ситуацию из «Голого короля» Евгения Шварца. Придворный ученый перечисляет там предков принцессы, получивших в свое время самые разные прозвища «за свои подвиги». Кончается список так: «и наконец ныне царствующий отец принцессы... прозванный за свои подвиги Бородатым». Король может получить прозвище только за свои подвиги. Похожими соображениями, видимо, руководствовался автор Киусской надписи: враги империи могут быть только побеждены и разгромлены; во всяком случае, в официальных ситуациях полагается говорить именно так.

Все-таки победы – понятие куда более растяжимое, нежели хронологически конкретное *quinquennalia*. Строительная надпись из Киуса (как и другие памятники такого рода) – документ лаконичный, он не может включать в себя ничего лишнего. У эпиграфических памятников, призванных запечатлеть момент, короткая память. Встречая упоминание о *quinquennalia*, естественно считать, что это событие одновременно надписи, а не представляет собой воспоминание о чем-то прошедшем и уже канувшем в лету. Проще усомниться в содержании официального документа, нежели в дате, исходящем номере и фамилии делопроизводителя. Относя памятник к середине войны, мы не ставим под сомнение заявленную в документе «дату» – *quinquennalia* Валента.

8. Реконструкции Моммзена должны быть отвергнуты

Безотносительно к общей интерпретации надписи (т.е. ее хронологической привязки к тому или иному историческому моменту) предложенные Моммзеном дополнения (*Ergänzungen*) утраченных частей текста имеют ряд существенных недостатков.

8.1 вторая строка

Моммзен неоправданно усилил краски военного торжества римлян. Готы не просто «побеждены и одолены» – они стали чуть ли не подданными империи:

semper aug(ustus) in fidem recepto rege athan]arico victis superatisque gothis

[присно август, приняв под покровительство короля Атан]ариха, победив и одолев готов

Victis superatisque gothis означает победу на поле брани (и не говорит прямо о политическом подчинении.). Что касается in fidem recipi, это выражение означает сдачу на милость победителя.

Например, явившиеся к Цезарю с раскаянием послы галльского племени Моринов обещали выполнять все его приказания (seque ea quae imperasset facturos pollicerentur, BG, 4, 22, 1,5-2,1). Когда по его приказу они доставили заложников, он принял Моринов под покровительство (quibus adductis eos in fidem recipit, BG 4, 22, 3, 1-2).

Валент, правда, тоже взял заложников у готов, но сделал это после завершения переговоров. Хотя готам и пришлось умолять императора о мире, в итоге они полностью сохранили независимость. Вспомним и о том, что переговоры Валента и Атанариха проходили посреди Дуная, на нейтральной территории. Как полагают современные исследователи, это обстоятельство «символически подчеркивала равенство» сторон⁵⁵.

Можно привести и другие возражения против rege athan]arico. В римских эпитафических памятниках III-IV вв. трудно найти названных по имени врагов империи⁵⁶. Кроме того, по утверждению ряда современников, Атанарих не носил царского титула, а предпочитал именоваться «судьей» (Them., X 134 d 1; Amm. 27,5,6-7).

Реконструкция in solo barb]arico также не представляется абсолютно безупречной⁵⁷. Единственный известный мне аргумент в пользу этого чтения был выдвинут Н.Ленски. Он обратил внимание на то, что в устах римских историков IV в. походы, совершенные на вражеской территории, имеют особую ценность⁵⁸. Однако то, что имеет силу для больших литературных жанров, необязательно правомерно для эпитафики.

8.2 третья строка

Как мы помним, в реконструкции Моммзена она имеет следующий вид: ingruente item in victorias illa]s tempore feliciter quinquennalio]rum. Шастаньоль в итоге отверг ее, не указав, к сожалению, мотивов своего решения⁵⁹.

Мы перевели ее следующим образом: «[поскольку, к тому же, было] счастливо [отмечено те]ми победами время пятилетней годовщины его правления»⁶⁰, но это перевод поневоле неточный.

В словарях мы находим у *ingruo* следующие основные значения: ‘обрушиваться’, ‘вторгаться’, ‘угрожать’. Если переводить буквально, получится, что *время пятилетней годовщины обрушивается (или наваливается) на те победы*. При этом направление этого движения будет различным – у Моммзена время годовщины *наваливается* на будущие победы 369 года, у его оппонентов⁶¹ – на предшествующие победы 367 года⁶².

Глагол *ingruo* заслуживает того, чтобы сказать о нем подробнее⁶³. В одном античном учебнике риторики мы находим любопытное суждение:

Когда о бедствиях [повествуют] по отдельности, это может приносить некоторое утешение; подобно тому как груз легче перенести, если разделить его на части, так и [впечатление] о тягостных происшествиях можно ослабить, если [в рассказе] они не обрушиваются скопом, но приходят по отдельности (*non ingruant ac semel veniant*)⁶⁴.

Отсюда видно, что *ingruo* означает мощное и очень часто кучное движение. Оно может быть ориентировано горизонтально (скажем, если речь идет о воинах, наседающих на врага) или вертикально (сверху вниз: ливень, град или камни, выпущенные врагом; или снизу вверх: тень Земли, наседающая на Луну). Это движение может стремительным (тогда подойдет перевод «обрушиваться», «наваливаться»), а может быть тихим и грозным («угрожать», «нависать»).

Подлежащим при *ingruo* могут быть неодушевленные предметы (упомянутые уже камни и стрелы), некоторые явления природы (жара, холод, ветры, тучи, тень, темнота, болезни), отрезки и периоды времени (день, ночь, зима, старость), одушевленные существа (воины, враги, жестокие правители, доносчики, кредиторы, хищные животные), состояния души (страх, ненависть, размышления⁶⁵), некоторые звуки (напр., собачий лай), а также ряд существительных с более абстрактным значением (опасность, необходимость, бедствия, сила (*vis*), власть, судьба).

Я перечислил почти все существительные, встречающиеся в качестве подлежащего при *ingruo*⁶⁶. Среди них мы не найдем слова *tempus* (‘время’). Правда, подлежащим иногда бывают его части и частицы – «зима», «лето», а также «день», «вечер» и «ночь». Но не любой временной отрезок сочетается с *ingruo*. Мы не найдем сочетаний этого глагола с «утром» или «весной». Выражение *ingruente hieme* (*aestate*) вполне можно переводить «с наступлением зимы (лета)». Это будет правильно, но несколько бесцветно. Ведь буквально о наступлении зимы сказано как о событии почти насильственном – зима обрушилась, навалилась. Одно из похожих выражений неплохо ложится на русский – *ingruentibus frigoribus* – *когда ударили морозы*. Ни о весенней свежести, ни об осенней прохладе невоз-

можно сказать, – ни что они «ударили» по-русски, ни по-латыни, что они *ingruerunt*⁶⁷. Можно ли сказать нечто подобное относительно *tempus ... quinquennialiorum* – о времени пятой годовщины правления императора?

Среди рассмотренных мной случаев нет ни одного, где с помощью *ingruo* описывалось бы следование одного события за другим (либо же совпадение двух событий во времени). В то же время *ingruo* иногда сочетается с предлогом *in* и дополнением в *accusativ'e*. К примеру, «*morbi... primo in agrestes ingruerant seruitiaque*» («болезни... сначала поразили селян и рабов», Liv. 4,30,8-9) или «*ingruente in Italiam Annibale*» («во время вторжения Ганнибала в Италию», Tacit. Hist. 3,34,3). Во всех таких случаях без исключения подлежащим оказывается некое бедствие⁶⁸, а *accusativ'om* обозначаются жертвы – то, что оказалось подвержено вражескому нападению, болезням и другим несчастьям. Едва ли *победы* могут быть жертвами *времени* (*ingruente item in victorias illa]s tempore feliciter quinquennialiorum*).

9. Заключение. Назад, к сомненьям Моммзена

Трудно переоценить вклад Теодора Моммзена в дело исследования Киусского памятника. Неотступно, с самого момента его открытия, он всматривался в него и поправлял недостаточно проницательных коллег – Дежардена, относившего памятник к III в. (в 1868), и Точилеску, приписавшего его ко временам последней войны Валента (в 1882). Оба раза он, если угодно, ловил в прицел новый исторический период, перенаправлял объектив и неотступно приближал изображение. Масштаб неизменно уменьшался – от IV века как такового до одной из его подробностей – I готской войны Валента. Но полной ясности в итоге добиться все же не удалось. Версия, на которой Моммзен остановился в 1882, была, если угодно, попаданием «в девятку».

Ошибка была совершена только на последнем этапе – Моммзен сделал ее, изрядно поколебавшись – «неясно в каких отношениях *quinquennalia* находятся с победой над Атанарихом»⁶⁹ (победа, которая, заметим, едва ли имела место). Сомнения, которыми позже руководствовались критики Моммзена, возможно, в зачаточной форме были высказаны им самим. В XX в. суть проблемы была вольно или невольно затемнена.

Сохранившейся части Киусской надписи присуща внутренняя противоречивость и нерешаемость. Подвести черту в затянув-

шемся споре могла бы находка недостающей части надписи. Археологических раскопок в Киусе, к сожалению, не проводилось⁷⁰.

Список сокращений

CIL – Corpus inscriptionum latinarum, vol. I-XVII. Berolini, 1853 - ...; **ILS** – Inscriptiones latinae selectae / Ed. Hermannus Dessau, vol. I-III. Berolini, 1892-1916; **PLRE** – The Prosopography of the Later Roman Empire. By A.H.M.Jones, J.R.Martindale and J.Morris. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge, 1971; **RE** – Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung, Stuttgart, 1894-1980; **Amm.** – Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Vers. v. W.Seyfarth. Bd. I-IV. Berlin, 1968-1971; **Them.** – Themistii orationes quae supersunt / Eds. H. Schenkl, G. Downey, A.F. Norman, vol. 1-3. Leipzig, 1965-74; **Zos.** – Zosimus. Historia nova / Ed. F. Paschoud, vol. 1-3. Paris, 1971-1989.

Примечания

- 1 Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00086. Автор выражает глубокую признательность своим коллегам – Р.Н. Златинскому, прочитавшему черновик статьи и высказавшему ряд важных замечаний, К.В. Бахняну, оказавшему помощь с переводом работ на румынском языке, И.Е. Ермоловой, Д.А. Зеленину, Т.А. Михайловой (Смирновой) и В.В. Смирновой, помогавшим в поиске малодоступной научной литературы.
- 2 CIL III, 7494 – ILS I, 770. (Здесь и далее см. Список сокращений).
- 3 Теодор Моммзен (1817-1903) был инициатором и одним из редакторов колоссального «Корпуса латинских надписей» (CIL), призванного охватить все античные латинские эпиграфические памятники. Издание не окончено и по сей день. CIL сгруппирован по географическому принципу – в III том, к примеру, включены надписи Балкан, Азиатских провинций Римской империи и Египта (издавался вместе с приложениями с 1873 по 1902).
- 4 История этой эпохи подробно изложена в следующих работах: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011; Вольфрам Х. Готы. СПб, 2003.
- 5 Вольфрам Х. Указ. соч., с. 71-88; Буданова и др., Указ. соч., с. 49-59.
- 6 Буданова и др., Указ. соч., с. 65.
- 7 О событиях этой войны см.: Lenski N. Failure of empire. Valens and the Roman state in the Fourth century A.D. Univ. of California press, 2002. P. 116-152; Ермолова И.Е. Война императора Валента с тервингами // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». 2013, № 13 (114). С. 38-50.
- 8 Quinquennalia были, в сущности, праздником, посвященным четырехлетней годовщине. См. замечание Билла Тэйера: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/secondary/SMIGRA*/Quinquennalia.html
- 9 Them. Or. VIII.

- ¹⁰ Сохранилась также приветственная речь Луция Аврелия Симмаха, произнесенная им от имени римского сената по случаю того же события в присутствии западного императора Валентиниана и его наследника Грациана. Братья-соправители праздновали *quinquennalia* практически одновременно (это обстоятельство весьма существенно для датировки Киусской надписи).
- ¹¹ *Lenski*. Op. cit., p. 130; *Băjenaru C.* Minor Fortifications in the Balkan-Danubian Area from Diocletian to Justinian. Cluj-Napoca, 2010. P. 35, 73, 74.
- ¹² Как мы увидим позже, немалая часть исследователей датирует надпись 369-м годом.
- ¹³ Them. X, 133 a 1-4. Фрагменты произведений античных авторов даны в переводе автора настоящей статьи.
- ¹⁴ *Буданова и др.* Указ. соч., с. 71.; *Ермолова.* Указ. соч., с. 45.
- ¹⁵ *Lenski*. Op. cit., p. 137.
- ¹⁶ Библиографию до начала 1970-х гг. см. в фундаментальном издании Э. Попеску: *Popescu E.* Inscriptiile grecești și latine din secolele IV-XIII descoperite în România. București, 1976. P. 241-244, более позднюю – в далекой от совершенства работе Я. Вевёровски: *Wiewiorowski J.* Ducēs of Scythia Minor: A Prosopographical Study (*Xenia Posnaniensia*, Volume 8). Poznań, 2008. P. 38-40.
- ¹⁷ В литературе XIX столетия памятник поначалу фигурировал под разными названиями (надпись из Дойана, надпись из Гиссарлька и пр.). Деревня, где была обнаружена находка, называется Гырличу (*Girlciu*). Привязка к селу *Dojani* или *Dojan* ошибочна (к тому же это правильное название – *Dâini*). Ближайший город – Хыршова (*Hirsova*). Римские развалины (у местного населения они были известны под названием *Hassarlik*, *Hissarlik* или *Hisarlâk*) сначала идентифицировали с античным городом Бероз (*Točilescu Gr.* *Inschriften aus der Dobrudscha // Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn.* 1882. Bd.6. S. 48). Впоследствии Моммзен связал их с античным Киусом (*Cius*) (*Mommsen Th.* *Die Inschrift von Hissarlik und die Römische Sammherrschaft in Ihrem Titularen Ausdruck // Hermes.* 1882. Bd.17. S. 523).
- ¹⁸ *Desjardins E.* Lettre à M. Henzen sur quelques inscriptions inédites de Valachie et de Bulgarie, provinces de Dacie, de Mésie et de Scythie // *Annales de l'Institut de correspondance archéologique de Rome.* 1868. Vol. 40. P. 5-107; 102-104.
- ¹⁹ Хотя нас интересуют, по большому счету, первые три строки Киусского памятника, собственные имена, щедро рассыпанные в конце надписи, тоже заслуживают упоминания. Марциан и Урсидин (PLRE, p. 555, vs. *Marcianus* 9; PLRE, p. 987, vs. *Vrsicinus* 5) – неизвестные по другим источникам офицеры. Знаменитый полководец IV в. и упомянутый в киусской надписи препозит – два разных Урсидина. (Стер)корий также неизвестен по другим источникам [PLRE, p. 853, vs. (Ste?)*gorius*]; см. т.ж.: *Чекалова А.А.* Сенат и senatorская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М., 2010. С. 269. *Vir clarissimus* (досл. «славнейший муж») – senatorский титул низшего уровня. Дукс (*dux*) – военный начальник провинции.

Слово *primani* ('солдаты первого легиона') не дает возможности однозначно определить принадлежность к определенному легиону. По мнению Т. Моммзена, речь идет о Первом Юпитерове легионе (*Prima Iovia*) либо о Первом Итальяском (*Prima Italica*) (*Mommsen.* *Die Inschrift...*, S. 527; ILS,I, 770). И. Барнеа предполагал, что в Киусской надписи упомянут легион *Prima*

- Flavia Gemina (*Barnea I. Themistios despre Scythia Minor // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie (SCIVA). 1967. T. 18. Nr. 4. P. 569. PLRE (p. 555, vs. Marcianus 9)*), склоняясь в пользу Prima Iovia, допускает, что строители крепости могли служить в *legio palatina*.
- ²⁰ *Mommsen Th. Iscrizione di Dojan // Annales de l'Institut de correspondance archéologique de Rome, 1868. Vol. 40. P. 432-435.*
- ²¹ Публикация Дежардена с исправлениями Моммзена была воспроизведена в CIL III 6159.
- ²² *Gardthausen V. Ursicinus und die Inschrift von Dojan // Hermes. 1882. Bd.17. S. 251-267*
- ²³ *Iordanis Romana et Getica. Recensuit Theodorus Mommsen. Berolini, 1882, P.146.*
- ²⁴ В отечественной «готологии» реконструкция Гутшмида-Гардтхаузена продолжает жить до сих пор – правда, без всяких ссылок на ее автора (*Иордан. О происхождении и деяниях гетов: «Getica» / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб, 2013. С. 261, прим. 356).*
- ²⁵ *Točilescu Gr. Op. cit. S. 47-51.*
- ²⁶ В отечественной литературе это событие фигурирует под разными названиями – битва при Салиции, «У Ив», *Ad Salices*.
- ²⁷ *Mommsen Th. Die Inschrift von Hissarlik ... S. 523-544, 649.*
- ²⁸ Валент удовлетворял этим требованиям, но не попадал под подозрение – нет сведений, что он отмечал 15-летнюю годовщину своего правления – а история его правления источниками освещена подробно (на это указывал *Gardthausen. Op. cit. S. 254*). У Моммзена были свои причины не рассматривать его кандидатуру (см. ниже).
- ²⁹ В узком смысле – на март 368, в широком смысле это годовой промежутков, продолжающийся с марта по март.
- ³⁰ «И военные успехи, и *quinqennalia* увековечены в надписи ретроспективно» *Mommsen. Op. cit. S. 526*. Военные успехи относятся к 369 г., в таком случае, *quinqennalia* упомянуты, если угодно, более ретроспективно.
- ³¹ CIL III, 7494 и ILS I, 770.
- ³² *Mentio regis Athanarici sine urgente causa, et vix recte, in hunc titulum inlata (ILS III: CLXXII).*
- ³³ «Ac mihi de Domaszewski interroganti “in solo barb]arico” scribendum esse respondit» (*Scholze H. De temporibus librorum Themistii. Gottingae, 1911, p.35).*
- ³⁴ *Fiebiger O., Schmidt L. Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen [Folge 1]. Wien, 1917. S. 87-88 (№167).*
- ³⁵ *Patsch C. Beiträge zur völkerkunde von Südosteuropa, Bd. III, T. 1. Wien und Leipzig, 1928, S. 49.*
- ³⁶ «Согласно своему буквальному смыслу, надпись установлена после войны 369 г. Она упоминает 5-летнюю годовщину императора, которую следовало отметить уже в марте (auch die schon im März fälligen), и которую она отмечает теперь с некоторым запозданием» (*Nagl A. Valens // RE, Bd. VIIA, Hbd. 14. 1948, Sp. 2110).*
- ³⁷ *Cambridge Medieval History. V.I. 1911. P.213 (ch. VII by Martin Bang); Fiebiger, Schmidt. Op. cit.; Patsch. Op. cit.; Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgang der Volkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934, S.231; Nagl. Op. cit.; Велков В. Сведения на Темистий за Тракия / Българска*

Академия на науките. Известия на Археологическия Институт. Книга XIX, 1955. С. 257; *Barnea*. Op. cit.; *Hoffman D.* Das Spätromische Bewegungsheer und die Notitia dignitatum. Bd. I. Düsseldorf, 1969, S. 88-89, Anm. 195; *Popescu*. Op. cit.; *Ariescu A.* The army in Roman Dobrudja. Oxford, 1980, p. 94; *Chastagnol A.* Les quinquennalia de Valentinien Ier et Valens // *Mélanges de numismatique: offerts à Pierre Bastien à l'occasion de son 75e anniversaire / édités par H. Huvelin, M. Christol, G. Gautier.* Wetteren, 1987. P. 258-261; *Lenski*. Op. cit., p. 144 (n. 166), p. 378; *Lizzi Testa R.* Senatori, popolo, papi: il governo di Roma al tempo dei Valentiniani. Bari, 2004. P. 452-453; *Wiewiorowski*. Op. cit.; *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVII / Ed. J. den Boeft et. al.* Leiden, Boston, 2009. P. 115; *Migliorati G.* Problemi di storia militare del secolo III d.C. Milano, 2013. P. 7.

³⁸ *Chastagnol A.* Les inscriptions des monuments inaugures lors des fetes imperiales // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité.* 1988. T. 100, №1. P. 23.

³⁹ Примером того, как не следует переиздавать эпиграфические памятники, может служить работа Я. Вёверовски: текст Киусской надписи механически скопирован у Э. Попеску, при этом к имевшейся у Попеску опечатке добавлена новая. Другим «антигероем» может считаться Милиорати (*Migliorati*) – «малый, в прошедшем веке запоздалый». Ему неизвестно ничего из высказанного в XX веке относительно нашего памятника.

⁴⁰ Если точнее – выгеснила их на периферию (см. прим. 24 и 43).

⁴¹ Разумеется, говорить о датах в данном случае можно условно. В случае Киусской надписи мы имеем дело с наивной хронологией: нечто вроде «Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна, и когда еще...»

⁴² *Seeck O.* Zur Inschrift von Hissarlik // *Hermes.* 1883. Bd.18, H.1. S. 150-153.

⁴³ Зеек основывал свою гипотезу на анализе речи Симмаха, посвященной quinquennalia Валентиниана (см. прим. 10 наст. работы). Критику его позиции см. в след. работах: *Scholze*. Op. cit., p. 29-33, *Chastagnol.* Les quinquennalia..., p. 256-258; *Lizzi Testa.* Op. cit. P. 452-454.

В 1895 Зеек сочувственно высказался относительно реконструкции Гутшмида, казалось бы, навсегда сданной в архив после публикации Точилеску (*RE*, Bd. II, Hbd 3, 1895. Sp. 821). Уже одно это заставляет скептически относиться к суждениям Зеека по Киусскому вопросу.

⁴⁴ *Chastagnol.* Les quinquennalia..., p. 260.

⁴⁵ К сожалению, мы не знаем, как датировали киусскую надпись фон Домашевски и Дессау, первыми поднявшие на щит in solo barba]rico.

⁴⁶ О трудностях, связанных с переводом этого места Аммиана, см.: *Ермолова.* Указ. соч. С. 42-43, 48, прим. 22.

⁴⁷ Т.е. «шрисно август на земле варв]арской, победив и одолев готов».

⁴⁸ Т.е. крепость была введена в строй в конце 367, а табличка появилась уже позже? Маловероятное предположение – А.В.

⁴⁹ *Chastagnol.* Les quinquennalia..., p. 261.

⁵⁰ Это верно только в том случае, если мы воспринимаем tempore ... quinquennaliorum как обстоятельство при hunc burgum extruxit; разумеется, текст можно реконструировать так, что синтаксис изменится.

⁵¹ «Во второй половине IV в. Римская империя вынуждена была в основном обороняться, воюя на своей территории. Только изредка в этот период рим-

- ляне совершали заграничные походы» (Ермолова. Указ. соч., с. 38). Схожего мнения придерживается и Ленски (*Lenski*. Op. cit., p.143-144).
- ⁵² *Patsch*. Op. cit.
- ⁵³ Зиму 367/368 он провел в Маркианополе (в нескольких десятках километрах от Киуса; там и отмечались *quinquennalia*), лето 368 – в двух шагах от Киуса, в лагере поблизости от *vicus Carporum*. Шастаньоль находил вполне возможным, что надпись сделана по поручению императора (*Chastagnol*. *Les inscriptions des monuments...*, p. 18).
- ⁵⁴ *Triumfator* (вместо *triumphator*) обычно для IV в., но есть и другие ошибки: *quinqennaliorum*, *cure* (вместо: *quinqennalium*, *curae*). В тот же период и в главных городах империи, и на периферии мы встречаем вполне грамотные надписи.
- ⁵⁵ *Heather P., Matthews J.* *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool, 2004. P. 23.
- ⁵⁶ Упоминание побежденных врагов по имени встречается в республиканскую эпоху, во времена императоров это обыкновение сходит на нет. Один из последних встретившихся мне памятников относится к началу II в. В нем сообщается, что имп. Траян «одолевал на войне народ Даков и царя Децебала» (*gentem Dacor. et regem Decebalum | bello superavit*, ILS, I 1022). Конечно, и в более поздние времена императоров не перестают превозносить за настоящие или мнимые победы, но прославление становится более пышным и менее конкретным. Получают распространение почетные титулы. Валент, к примеру, в 369 г. именовался «германским величайшим, аламанским величайшим, франкским величайшим, готским величайшим» (*Germanic. max., Alamann. max., Franc. max., Gothic. max.*, ILS, I 771).
- ⁵⁷ В ILS это словосочетание мне не встретилось ни одного раза (впрочем, иногда встречается *in barbarico*).
- ⁵⁸ *Lenski*. Op. cit., p. 144, n.166.
- ⁵⁹ *Chastagnol*. *Les inscriptions des monuments...*, p. 23.
- ⁶⁰ Здесь я уже даю слова из сохранившейся и восстановленной части вперемешку.
- ⁶¹ У Фибигера, Шмидга, Патча, у Шастаньоля (в 1987 г.).
- ⁶² К сожалению, далеко не все исследователи, обсуждавшие Киусскую надпись, давали ее перевод (между тем, в этом есть свой резон – смысл строки с *ingruo* не вполне очевиден).

Э. Попеску вообще обошелся в своем переводе без этого глагола: *avînd aceste victorii pe vremea cînd îşi sîrbătorea fericit al cincilea an de domnie* (автор признателен за разъяснения К.В. Бахняну).

А. Шастаньоль переводил так: «*le roi Athanaric ayant fait sa soumission et les Goths une fois vaincus et battus, le temps heureux des quinquennales tombant précisément au moment de ces victoires*» (*Chastagnol A. Les quinquennalia...* P. 260) – т.е. *счастливое время годовщины в точности приходится на момент этих побед* (через год Шастаньоль вообще отбросил моммзеновскую реконструкцию третьей строки). Похожий перевод находим и у Лицци Теста: «*mentre cadevano al momento di queste vittorie I tempi felici dei quinquennali*» (*Lizzi Testa*. Op. cit., p.452). Автор настоящей работы совершил аналогичную ошибку – он исходил из предположения, что сторонники *ingruo* (начиная с Моммзена) приписывали ему значение ‘приходиться на’, ‘concede’ (*Vanyukov A.* *Can Latin tempus fall in? Some remarks on Cius inscription* (CIL III 7494=

PLS 770) and uses of *ingruo* verb // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Материалы чтений памяти проф. И.М.Тронского. СПб, 2015. С. 141-150). Но это означало бы, что *quinqennalia* и победы происходят в одно и то же время. Видимо, Моммзен приписал глаголу другое значение ≈ ‘предшествовать’. На мои конечные выводы эта ошибка, впрочем, не влияет – у *ingruo* нет ни того, ни другого значения.

⁶³ Более подробные аргументы изложены в статье *Vanyukov*. Op.cit. (Там же см. ссылки на источники). В ходе ее подготовки мной было рассмотрено 130 случаев употребления *ingruo* – от III в. до н.э. до VII н.э. Разумеется, у меня не было возможности учесть все латинские памятники этого периода – далеко не все произведения переведены в электронный текстовый формат.

⁶⁴ *Adferant aliquid fortasse solacii mala divisa, et, sicut onera facilius subeas si partiaris, ita hoc graves casus adlevare possis si non ingruant ac semel veniant* (Quint., Decl. Min., 337, 8, 4-6).

⁶⁵ В этом случае *ingruo* уместно переводить на русский глаголом «охватывать» («страх охватил»).

⁶⁶ Из неупомянутого выше: разнообразие в речи, производящее неприятное впечатление на слушателя; грехи (у христианских авторов); подлежащие уплате налоги, и не вполне понятная *humanitas*. Теперь список практически исчерпан.

⁶⁷ Это, разумеется, относится ко времени живого, а не книжного бытования латыни. В ученых текстах XVI-XVIII вполне может встретиться *ingruente vere*.

⁶⁸ *Ingruo* в сочетании с *in* + асс. встречается лишь у Тита Ливия (жившего на рубеже эр). Единственный последователь Ливия, Корнелий Тацит (конец I в. – начало II в.), без малого тридцать раз использовал *ingruo*, но только один раз с предлогом *in*. У Ливия на одушевленные жертвы обрушиваются неодушевленные бедствия, у Тацита наоборот.

⁶⁹ *Mommsen Th. Die Inschrift von Hissarlik ... S. 526.*

⁷⁰ *Bäjėnaru. Op. cit. P. 128.*

Гомеровские формулы, характеризующие оружие и его обладателей, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского

Данная статья служи дополнением к нашей статье «Особенности использования гомеровских эпитетов, характеризующих героев, в Аргонавтике» Аполлония Родосского». В ней анализируется, как с помощью гомеровских эпитетов, характеризующих оружие, Аполлоний Родосский придает дополнительные черты создаваемым им образам аргонавтов.

Ключевые слова: Аполлоний Родосский; Гомер; «Аргонавтика»; эпитеты, характеризующие оружие.

Аполлоний Родосский уделяет большое внимание описанию оружия персонажей своей поэмы. Неслучайно в начале «Аргонавтики» автор делает акцент на том, какое впечатление на жителей Иолка оказывают идущие по городу с оружием в руках герои. Глядя на них, ни у кого не остается сомнений в успешности предприятия (1, 239 – 246).

В научной литературе эпитеты, характеризующие оружие героев «Аргонавтики», еще не рассматривались. В данной статье мы опирались на анализ подобных эпитетов в поэмах Гомера, представленный в работах Д.Пэйджа¹ и Д.Грей². Мы ставим перед собой задачу рассмотреть, как с помощью гомеровских эпитетов, характеризующих оружие, Аполлоний Родосский придает дополнительные черты создаваемым им образам аргонавтов.

В первой песни, как уже неоднократно отмечалось, главным действующим лицом считается Геракл. Описывая его бой с Землеродными, Аполлоний Родосский создает следующий образ:

Ἡρακλῆς, ὃς δὴ σφί παλίντονον αἶψα ταύσας
τόξον, ἐπασσύτερον πέλασε χθονί...

Геракл, быстро натянув свой упругий лук, повалил их одного за другим на землю. (1, 993 – 994).

Весь эпизод построен на гомеровской лексике. Словосочетание ἐπασσύτερον πέλασε χθονί использовано в стихах «Илиады», где рассказывается о противниках, убитых Аяксом Теламонидом (8, 277), Полипетом (12, 194), Патроклом (16, 418). Однако основной в этом

эпизоде является формула παλίντονον τόξον (упругий лук). В «Илиаде» эпитет παλίντονον служит характеристикой лука Тевкра (8, 266; 15, 443) и Долона (10, 459), а в «Одиссее» – главного героя (21, 11; 21, 59). Лук Тевкра является даром Аполлона, а лук Одиссея – его опознавательный знак, поскольку натянуть его может только его обладатель. Поставив прилагательное в стихе в традиционную метрическую позицию (в конец третьей стопы и четвертую стопу), Аполлоний, возможно, отсылает своего читателя к самому знаменитому эпизоду гомеровского эпоса, где использовано это смертносоное оружие, позволяющее герою уничтожить сразу многих противников: как Одиссей с помощью своего лука истребляет всех женихов, так и Геракл – Землеродных.

Во второй песни «Аргонавтики» аргонавт Клитий следующим образом отражает внезапное нападение стимфалийской птицы:

Εὐρυτίδης Κλυτίος (πρὸ γὰρ ἀγκύλα τεῖνατο τόξα
ἦκέ τ' ἐπ' οἰωνὸν ταχινὸν βέλος) αὐτὸς ὑποφθάς
πλήξεν, δινηθεὶς δὲ θοῆς πέσεν ἀγχόθι νηός.

Сын Эврита Клитий (ведь он натянул изогнутый лук и послал в птицу быструю стрелу) опередив, поразил ее, и она, кувьркаясь, упала рядом с быстрым кораблем. (2, 1043 – 1045).

Герой, пославший в птицу стрелу, выбран неслучайно. Отец Клития в восьмой песни «Одиссеи» наравне с Гераклом назван лучником, с которым невозможно было состязаться (8, 224). Но искусство в стрельбе из лука стало причиной его смерти:

τῷ ῥα καὶ αἰψ' ἔθανεν μέγας Εὐρυτος οὐδ' ἐπὶ γῆρας
ἴκετ' ἐνὶ μεγάροισι· χολωσάμενος γὰρ Ἀπόλλων
ἔκτανεν, οὐνεκά μιν προκαλίζετο τοξάζεσθαι.

По этой причине вскоре умер великий Эврит, и не дожил он в своем доме до старости, ведь Аполлон, разозлившись, убил его за то, что тот вызвал его на состязание в стрельбе. (8, 226 – 228).

Аполлоний в «Аргонавтике», рассказывая об этом событии в связи с участием в походе аргонавтов сыновей Эврита, делает акцент на том, что лук был даром самого Аполлона:

Οἰχαλίης ἐπίουροι, ἀπηνέος Εὐρύτου υἱές,
Εὐρύτου ᾧ πόρε τόξον Ἐκηβόλος, οὐδ' ἀπόνητο
δοτίνης· αὐτῷ γὰρ ἕκων ἐρίδιηνε δοτῆρι.

К ним присоединились Клитий и Ификл, правители Эхалии, сыновья сурового Эфикла, которому подарил лук Дальновержец, но дар не принес ему пользу, ведь он по своей воле состязался с самим дарителем. (1, 86 – 89).

С одной стороны, александрийский поэт в своем произведении, приводя причину, почему бог так прогневался на Эфикла, как бы подтверждает сведения, которые Гомер сообщает об этом герое.

С другой стороны, сын Эврита также проявляет себя в «Аргонавтике» как искусный стрелок, и его можно считать воплощением гомеровского идеала героя – «лучше своего отца» (Илиада. 1, 404; 6, 479). Лук Клития в поэме Аполлония имеет такое же определение, как лук Эрота, который отправляется на землю, чтобы своей стрелой поразить любовью Медею:

πρέμνω κεκλιμένην, ἀνὰ δ' ἀγκύλον εἶλετο τόξον ·

... и взяв изогнутый лук (3, 157).

В гомеровских поэмах формула обычно стоит в конце строки (5, 209; Одиссея. 21, 264, с вариантом ἀγκυλοτόξου/ους в Илиада. 2, 48; 10, 428). Только в 322 стихе шестой песни «Илиады», в котором Гектор возвращается домой с поля боя и застает там перебирающего оружие Александра, формула помещена в иной метрической позиции. Прилагательное в этом стихе занимает четвертую стопу, как и в «Аргонавтике»: ἀπίδα καὶ θώρηκα, καὶ ἀγκύλα τόξ' ἀφόωντα. Таким образом, Аполлоний Родосский в своей поэме использует оба гомеровских варианта, создавая некую комбинированную формулу: ἀγκύλα(ον) V(– xx) τόξα (ον) .

В третьей песни «Аргонавтики» царь колхов Ээт, который пришел посмотреть, как Ясон справится с его заданием, изображается следующим образом:

καὶ τότε ἄρ' Αἰήτης περὶ μὲν στήθεσσιν ἔεστο
θώρηκα στάδιον, τὸν οἱ πόρεν ἐξεναρῖζας
σφαιτέρης Φλεγραίων Ἴρης ὑπὸ χειρὶ Μίμαντα ·
χρυσεῖν δ' ἐπὶ κρατὶ κόρυν θέτο τετραφάληρον
λαμπομένην, οἷόν τε περίτροχον ἔπλετο φέγγος
ἡελίου, ὅτε πρῶτον ἀνέρχεται Ὠκεανοῖο ·
ἂν δὲ πολύρρινον νόμα σάκος, ἂν δὲ καὶ ἔγχος
δεινόν, ἀμαμάκετον...

И тогда Ээт надел себе на грудь прочную броню, которую ему подарил Арес, убив своей рукой Миманта на Флегрейском поле, а на голову – золотой шлем с четырьмя шишками, вокруг которого было такое сияние, как блестит солнце, когда оно начинает подниматься из Океана. В руках он держал щит из многих слоев кожи и страшное, неукротимое копье (3, 1225-1232).

Его можно сравнить с Ахиллом перед сражением с Гектором:

Ὡς ὄρμαινε μένων, ὃ δὲ οἱ σχεδὸν ἦλθεν Ἀχιλλεύς
ἴσος Ἐνυαλίῳ κορυθαῖκι πτολεμιστῆ
σειῶν Πηλιάδα μελίην κατὰ δεξιὸν ὤμων
δεινὴν · ἀμφὶ δὲ χαλκὸς ἐλάμπετο εἰκελὸς αὐγῆ
ἢ πυρὸς αἰθομένου ἢ ἡελίου ἀνιόντος.

А к нему близко подошел Ахилл, подобный потрясающему шлемом воинственному Эниалию. Над правым плечом он потрясал страшным пеллионским ясеневым копьем, а вокруг него горела медь, как пылающий огонь или как свет восходящего солнца. (22, 131-135)

Лексические и образные параллели в описании вооружения Ахилла и Ээта могут быть обоснованы композиционной значимостью обоих эпизодов – в обоих случаях мы имеем дело с ключевой сценой главного испытания героя, и хотя Ээт противостоит Ясону не прямо, а опосредованно, его грозный вид уподобляет его несущему смерть Ахиллу.

Александрийский поэт использует для характеристики щита Ээта эпитет *тетраφάληρον*: *κόρυν θέτο τετραφάληρον*. У Гомера он входит в состав формулы *κυνέην θέτο τετραφάληρον*, которая встречается в сценах облачения Афины (5, 743) и Агамемнона (11, 41). В «Илиаде» существительное и прилагательное стоят в той же метрической позиции, как в «Аргонавтике». И в том, и в другом случае эти сцены предшествуют вступлению в бой – который опять-таки не следует в «Аргонавтике», но и эти параллели (как и вся типическая сцена вооружения) указывают на потенциальное/подразумеваемое воинское противостояние Ээта и Ясона.

В четвертой песни поэмы, когда аргонавты покидают Колхиду с золотым руном и Медеей, Аполлоний изображает стоящего на берегу Ээта следующим образом:

τῆ δ' ἐτέρῃ πεύκην περιμήκεα, πὰρ δέ οἱ ἔχχος
ἀντικρὺ τετάνυστο πελώριον... (4, 223 – 224).

В «Илиаде» формула *πελώριον ἔχχος* используется два раза. В 594 стихе пятой песни эпитет служит определением копья Ареса, а в 424 стихе восьмой песни – Афины. Таким образом, с помощью традиционных словосочетаний Аполлоний Родосский дает представление о мощи этого героя, по сути уподобляя его богам. Не случайно поэтому, что в только что упомянутой сцене вооружения в третьей песни в 1225 – 1226 стихах упоминается о панцире, подаренном Ээту Аресом, а чуть далее (1233) говорится, что противостоять ему способен был только Геракл.

Больше всего формул оружия сосредоточено в третьей песни «Аргонавтики», в сцене ариэтии Ясона – как уже было сказано, центральном эпизоде испытания героя. Соответственно, эти традиционные характеристики служат знаком его принадлежности героическому миру. Например, копьё Ясона в 1286 стихе третьей песни имеет определение *ὄβριον*. Формулу *ὄβριον ἔχχος* Гомер использует для обозначения оружия разных героев. Дважды в «Илиаде» таким образом охарактеризованы копья Сока (11, 435; 11, 456), Мериона (13, 294; 13, 532) и Энея (20, 259; 20, 267). В 790 стихе пятой песни эпитет *ὄβριον* служит определением копья Ахилла, которого «боялись все». В «Илиаде» ясеневое копьё является отличительным признаком Ахилла, потому что только он может его поднять. Аполлоний Родосский, описывая в первой песни идущего на

встречу с Гипсипилой Ясона, также делает акцент на этом предмете вооружения. В третьей песни этим копьем герой убивает выросших из зубов дракона воинов. Таким образом, копье Ахилла послужило моделью для копья Ясона в «Аргонавтике».

Шлем Ясона имеет определения χαλκείνυ (3, 1281) и βριαρήν (3, 1322). Они характеризуют слово πήληκα. В «Илиаде» эти прилагательные входят в состав формул χαλκείν κόρυς (в 12, 185 так характеризуется шлем героя Дамаса, а в 20, 398 – Демолеона) и κόρυθα βριαρήν (в 11, 375 такое определение имеет шлем Агастрофа, в 16, 413 – Эриала, в 16, 579 – Эпигея; в 18, 611 – Ахилла, в 20, 162 – Энея, в 22, 112 – Гектора). Александрийский поэт заменяет существительное, входящее в состав гомеровских формул χαλκείν κόρυς и κόρυθα βριαρήν, синонимом. О синонимичности слов, обозначающих копье в поэмах Гомера Д.Х.Ф. Грей делает следующие наблюдения: «В Г336 Парис надевает на себя κυνέη, в 369 стихе этот шлем назван κόρυς, в 372 и 376 стихах он становится πήληξ. Шлем Патрокла – κυνέη в П793, τρυφάλεια в 795 стихе и πήληξ в 797 стихе»¹. Различаются эти существительные только характеризующими их прилагательными. В «Аргонавтике» эта разница снимается и, тем самым, возникают новые комбинации имени и эпитета, тем не менее, явно имеющие гомеровскую подоплеку. В связи с этим интересно обратить внимание на обстоятельства, в которых данные формулы встречаются в «Илиаде». Надо заметить, что в большинстве случаев они присутствуют в эпизодах, где изображается смерть героя в поединке («медный» или «крепкий» шлем не может его защитить; однажды Диомед совлекает «крепкий шлем» уже с тела убитого). В двух случаях речь идет о поражении и гибели скорее «потенциальной»: Гектор (22, 112) размышляет, не сбросит ли ему шлем и прочие доспехи и постараться добиться у Ахилла снисхождения; Эней (20, 162) выступает на бой, в котором он неизбежно пал бы от руки Ахилла, если бы не заступничество богов. Единственное исключение – употребление κόρυθα βριαρήν в описании изготовления оружия Ахилла. Можно предположить, что Аполлоний отсылает свою аудиторию именно к этой, наиболее известной сцене и смена ключевого существительного формулы на синоним подчеркивает смену «формулы поражения» на «формулу победы». Но с другой стороны, употребление схожих выражений в «Илиаде» применительно к противостоящим Ахиллу, Гектору и Энею может указывать на Ясона как на своего рода «анти-Ахилла». О возможности именно такой интерпретации говорит и указанная чуть выше параллель, когда Ахиллу уподобляется вооружающийся Ээт – главный, хотя и не непосредственный, противник Ясона.

Заканчивая эпизод укрощения огнедышащих быков, Аполлоний использует для характеристики щита Ясона эпитет «широкий» εὐρὸν

οάκος (3, 1311). В гомеровских поэмах в рамках устойчивой формулы порядок слов обратный, и существительное с прилагательным не разъединены (Илиада. 13, 552; 17, 132; Од. 22, 184). Только в 527 стихе одиннадцатой песни «Илиады», где характеризуется щит Аякса Теламонида, эпитет εὐρύ, как в «Аргонавтике», стоит в начале строки отдельно от существительного: εὐρὺ γὰρ ἄμφ' ὄμοισιν ἔχει οάκος. Надо сказать, что в эпической традиции формула εὐρὺ ... οάκος, по всей видимости, специально ассоциировалась именно с Аяксом (ср., например, Илиада. 17, 132) – не случайно его сына, согласно распространенному мифоэпическому механизму: «имя сына характеризует отца», звали именно Эврисаком.

В четвертой песни меч Ясона характеризуется как κωπήεν: κωπήεν μέγα φάουανον ἐν χθονὶ πήξας (4, 696). Это расширенный вариант формулы μέγα φάουανον, которая представлена в 1250 стихе первой песни «Аргонавтики». Нейтральное прилагательное μέγα служит там определением меча Полифема, бросившегося на поиски Гила. У Гомера выражение μέγα φάουανον употребляется единократно: «большой меч» Ахилл дает Диомеду в качестве награды (Илиада. 23, 824). В свою очередь, прилагательное κωπήεν(εις) является эпитетом меча (не только φάουανον – Илиада. 15, 713, но и ξίφος – 16, 332; 20, 475), причем в двух последних случаях речь идет об оружии известных героев – соответственно Аякса Оилида и все того же Ахилла. Вновь Аполлоний создает некую комбинированную формулу, содержащую ассоциации с оружием главного героя «Илиады».

Описывая оружие героев «Аргонавтики», александрийский поэт выбирает в гомеровских поэмах словосочетания, указывающие на конкретных обладателей. Таким образом, в произведении Аполлония Родосского традиционные эпитеты становятся маркированными. Они играют роль своеобразных отсылок к «Илиаде».

В образе Ясона сконцентрированы характеристики разных персонажей гомеровских поэм. В результате он представляет собой суммарный образ эпического героя. Благодаря использованию маркированных характеристик своего оружия Ясон может ассоциироваться как с самим Ахиллом, так и с его противниками, что придает его образу отчасти противоречивый и парадоксальный характер.

Примечания

¹ Page D.L. *History and the Homeric Iliad*. Berkeley, 1959.

² Gray D.H.F. *Homeric Epithets for Things // Classical Quarterly*. 1947. 41, № 3/4.

³ Ibid. P. 116.

Московские лингвисты

Н.А. Шеманова

К биографии Сильвии Семеновны Белокриницкой — лингвиста и переводчика

Статья освещает жизненный и творческий путь известного лингвиста и переводчика С.С. Белокриницкой на широком фоне исторических и политических событий в стране 1930-х — 1980-х годов. Автор — племянница Сильвии Семеновны Белокриницкой — опирается на личные беседы и семейные воспоминания. В приложении — «Список трудов С.С. Белокриницкой».

Ключевые слова: Филологический факультет МГУ в конце 1940-х годов, история машинного перевода и структурной лингвистики в СССР, художественный перевод, скандинавская литература.

С детства я помню мою тетю, веселую, яркую, остроумную, шептуню. Она приходила к нам в гости довольно часто. Она всегда красиво одевалась. Я никогда не звала ее «тетя», а просто по имени — Сима, Симочка. Ее приход к нам домой всегда сопровождался потоком радости и энергии. Все оживлялись, и я, будучи ребенком, любила стоять в коридоре и ждать, когда она разденется и мы пойдем на кухню или в комнату, чтобы с ней разговаривать. Она всегда была душой семейных празднований дней рождения, на которых неизменно присутствовала.

Я всегда любила приходиться к Симе. Из детства я помню ее пишущую машинку, стоящую под столом. Сима доставала мне ее, и я, с замиравшим от таинственности сердцем, начинала бить по клавишам разные буквы.

Симу я ощущала пронзительной. Хотя так о людях не говорят, но другого описания я не могу к ней подобрать. Она разбавляла пренность жизни, создавала остроту. Она была резка тогда, когда чувствовала неискренность. Сима порой сомневалась в любви других людей. Ей надо было доказывать подлинность своих чувств. Она не допускала лжи и недосказанности в отношениях. К этой ее правде, честности чувств всякий раз надо было быть готовой.

С.С. Белокриницкая, 1970-е гг.

Я знала Симу только с одной стороны, как родственницу, и поэтому опишу только эту сторону. То, что она мне рассказывала и то, что рассказывали в моем доме о ее жизни. Часть ее профессиональной жизни будет описана ее подругами, коллегами, с которыми она дружила всю свою жизнь.

В детстве, когда я разглядывала старые письма и фотографии, мне попадались письма 40-х годов, сложенные треугольничком, на которых стоял штамп «адресат выбыл». Написаны они были Симой, когда она была еще ребенком. По мере моего взросления и понимания мира, мне приоткрылась та трагедия, которая произошла и в моей семье, и

и семье моей тети. Тогда я выяснила, что Сима не была моей родной тетей и стала жить в семье моей бабушки только с 10 лет. Она была ровесницей моей мамы и поэтому они казались родными сестрами.

Когда незадолго до ее смерти мы с ней говорили о жизни, о ее воспоминаниях, она сказала:

«Я воспринимаю свою жизнь в двух ракурсах. Во-первых, в ракурсе политической истории. Сталинские репрессии, хрущевская оттепель. Второй ракурс таков. У меня в детстве случилось непоправимое несчастье. Были арестованы мои родители. Но я все же смогла преодолеть все трудности и достигнуть многого».¹

Раннее детство

Сима родилась 15 марта 1928 года в Харькове. Когда она была маленькой, они с родителями жили в большой четырехкомнатной квартире в центре Харькова, на Бассейной улице, в доме 34. Затем ее отца перевели в Донбасс, и после возвращения оттуда через три года они поселились на Пушкинской улице в доме 40.

Отец, Семен Михайлович Белокриницкий, был директором «ХарЭнерго». Мать Симы – Вера, или Ревекка, как ее называли при рождении, не работала и занималась воспитанием дочери. Причиной изменения имени с Ревекки на Веру стала не боязнь антисемитиз-

ма, а, скорее, царящие после революции идеи интернационализма. Евреи брали похожие имена из тех, что использовались в том месте, где они жили. Поэтому Ревекку стали звать Верой, а ее сестру Рахиль – Райсой. Тогда в семье маленькой Симы часто собирались братья Веры, которые любили посмеяться, вспомнить их длительную поездку по Украине, когда их семья уехала из Ровно и искала новое место для жизни. Отец Симы, Семен, очень веселый человек, всегда был душой компании. В семье царили взаимопонимание и любовь. Тогда Сима любила читать «Айвенго», «Трех мушкетеров» Дюма, Стивенсона.

Одновременно с ведением домашнего хозяйства и воспитанием дочери Вера занималась также и переводами. Она перевела «Пелле-завоеватель» М. Андерсена-Нексе. Как мне говорила сама Сима, Вера не смогла кончить институт (в отличие от ее родных братьев и сестры) из-за плохого состояния здоровья – у нее было больное сердце.

В то время, когда ее родители были живы, Симе казалось, что с ней ничего не может произойти. Как-то она ехала на машине с мамой и папой, и на дороге возникла аварийная ситуация. Тогда Сима подумала: «Я сижу с родителями, значит, конечно, со мной ничего не может произойти, раз мой папа со мной».

Арест отца

В 1937 году, когда Симе было 9 лет, арестовали отца. Семен Михайлович был революционером, еще до революции он был слушателем одного из трех нелегальных марксистских кружков, организованных большевиками в Киеве. В 1916 году он сам возглавил пролетарскую молодежь. Четыре из пяти написанных им книг до сих пор хранятся в Российской государственной библиотеке, а пятая, изданная в 1937 году, изъята из всех библиотек.

25 марта 1937 незадолго до ареста и расстрела его лишили ордена «Знак Почета». Его фамилия входила в список подлежащих суду по Харьковской области, утвержденный Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым.

Сима так вспоминает арест отца:

«Утром я спала. Вдруг услышала голоса. Я выскочила из постели и увидела: мама, папа в костюме и какие-то незнакомые люди. Всегда, когда я видела папу, я бросалась ему на шею. Так и тогда: я бросилась ему на шею, он меня поцеловал и сказал:

– Я уезжаю на два месяца в командировку в Киев.

И они ушли.

После их ухода мама объяснила мне: папа не уезжает в коман-

дировку, его арестовали. Но это наверняка недоразумение. Все выяснится, полагаала она.»²

После ареста Семена Вера вместе со своей матерью Сарой добивались свидания с ним в тюрьме. Искали его, ходили по многим инстанциям. Сема при встрече с женой уверял ее, что это ошибка, что разберутся, просил, чтобы дочь к нему не приводили и чтобы она продолжала играть на фортепьяно, не теряла год.

Сима слышала, что папу посадили на 10 лет без права переписки. Она думала, как и многие тогда, что так и будет, а через 10 лет ее отец вернется. Уже после перестройки Сима выяснила подробности смерти отца: ей сказали, что он подписал все обвинения на допросах, но на суде все отрицал. Судя по всему, на допросах его пытали.

После ареста отца стало меняться отношение окружающих к их семье. Некоторые отвернулись от них, хотя многие все же старались поддержать семью. Знакомые сочувственно спрашивали, как дела. После ареста Семена Вера устроилась на работу машинисткой (до рождения дочери она тоже работала машинисткой). И пока мама была на работе, Сима уходила к брату мамы, дяде Исааку.

Когда через несколько месяцев после ареста отца пришли арестовывать и мать, НКВД-шник спросил у Симы, есть ли в городе еще родные, и, узнав, что есть, велел бежать к ним. Веру приговорили к 8 годам колонии по статье о недонесении о преступлении мужа. Сима жила сначала по очереди у братьев своей мамы - дяди Исаака и дяди Израиля, которые тогда работали в Харьковском инженерно-экономическом институте. Но вскоре ее взяла к себе тетя Раиса (Рахиль) в Москву.

Жизнь в Москве

Раиса с мужем Давидом Моселем (партийный псевдоним – Карташев) жили в Харькове до 1930 года, а затем они вместе со своей двухлетней дочерью Майей переехали в Москву. Потом Давида послали в Ростов, где он стал директором Ростовского завода сельскохозяйственных машин. Давид приглашал приехать жену с дочерью, но жена не хотела бросать свою работу и в дальнейшем то, что она не поехала к нему в Ростов, оказалось спасительным.

Давида арестовали как члена троцкистской вредительской организации в 1938 году. Это имя было в списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по Ростовской области от 03.05.1938 года, подписан, согласно архивам, Сталиным и Молотовым. После его ареста к Раисе в московскую квартиру приходили с обыском. Но брак Давида и Раисы не был зарегистриро-

ван, а то, что Давид уехал, а Раиса осталась, могло расцениваться как развод супругов, поэтому Раису не посадили. Родственники не пускали ее ходить по инстанциям и выяснять местонахождение мужа, так как боялись ее ареста. Вместо Раисы узнавать все о судьбе Давида ходила ее мать Сарра и сослуживец Раисы - Вячеслав Рикман. Однако Сарре сведения о зяте не давали.

Когда Раиса решила взять к себе Симу из Харькова, ей необходимо было пройти комиссию. Один из членов комиссии ей сказал:

– Ведь вы сами являетесь женой «врага народа», как же вы будете воспитывать ребенка?

Кто-то из ее знакомых, присутствующих на этой комиссии, сделал ей знак глазами и сказал:

– А они развелись.

Раисе пришлось слукавить и промолчать.³

Сима и до ареста родителей дружила со своей двоюродной сестрой Майей, дочерью Раисы. То семьи отдыхали вместе в Бердянске, то Сима приезжала в Москву с папой, который ездил на конференции, то Майя приезжала в Харьков. Когда Сима ездила в гости к родителям, она любила жить у родных, но когда она осталась одна, ей это стало тяжело: у нее возникла сильная агрессия по отношению к миру и всем вокруг.

Семья ее тети Раисы жила в четырехкомнатной квартире в доме на Фрунзенской набережной (2/1 кв. 5). Но после ареста Давида их уплотнили, оставив им только одну комнату, а в остальные подседели соседей. Кроме Раисы, Майи и Симы в комнате жили бабушка Сарра и домработница. В семье говорили по-русски, хотя иногда Рая и бабушка Сарра секретничали и переходили на идиш, чтобы Сима и Майя их не поняли, но девочки именно так и выучили этот язык.

Тогда, в 1937 году, Сима, приехавшая к тете Рае после ареста родителей, любила смотреть в окно на горящие огни Парка отдыха им. Горького, который находился прямо на другой стороне Москвы-реки. А в конце апреля 1938 года пришло извещение о немедленном выселении семьи и освобождении квартиры. Семья переехала на Шаболовскую.

Перемена стала для Симы символической: «Я любила смотреть на горящие огни парка. Окна нашей квартиры выходили прямо на него. Когда я видела огни, мне казалось, что есть какая-то надежда, что все как-то исправится. Но когда нас выселили и мы стали жить на Шаболовке, я поняла, что все кончено и ничего хорошего меня в жизни не ждет».

Школа на Шаболовской, куда Сима и ее сестра ходили, была рабоче-крестьянской. Девочки учились в 4 классе. «Нас посадили на первую парту, поскольку и у меня и у Муси было плохое зрение,

а на второй парте за нами сидел мальчик, который любил обзывать нас «жидами». «Бей жидов – спасай Россию», дразнил он, сидя сзади. Муся расстраивалась и плакала, на что учительница говорила: «Прекрати так говорить. Ты доводишь ученицу до слез». Но она ни слова никогда не говорила в защиту евреев».

Один раз Сима ездила с тетей Раей в Мордовию в лагерь, где сидела ее мать. Сначала в Саранск, затем на поезде «кукушке» с пересадкой. Сима переписывалась со своей мамой, но в какой-то момент через 5 лет Симины письма стали возвращаться обратно. На них стоял штамп «адресат выбыл». ⁴ Как потом выяснилось, Вера умерла в мае 1942 года. Похоронили ее, как и всех, в братской могиле. Уже после войны к Раисе приехала женщина, которая была с Верой в лагере, и говорила, что стоило попасть в лагерь, чтобы познакомиться с таким светлым и хорошим человеком, как Вера.

Война и эвакуация

Когда началась война, Раису, Симу и Майю, а также их бабушку Сарру отправили в эвакуацию в Свердловск. В Свердловск они ехали в вагоне «теплушке». Разместили их в одной из комнат трехкомнатной квартиры, в которой проживал архитектор со своей семьей. Во второй комнате жила семья хозяина. В третьей расположилась еще одна приезжая семья. Отношение к ним там было очень хорошее. Все им сочувствовали. Все кругом были интеллигенты, никто не смотрел на них косо за то, что они родственники «врагов народа», как это было в Москве. Но в скором времени Раиса, которая работала в «Наркомчермете» вернулась в Москву - их министерство находилось на казарменном положении. Как-то Раисе приснился сон, что ее мать Сарра умирает от водянки, и действительно, вскоре она узнала, что так и произошло. После смерти бабушки зимой 1943 года, девочки вернулись в Москву и снова стали жить на Шаболовке, учиться в московской школе.

Девочки хотели вступить в комсомол, и они выясняли у комсорга школы, примут ли их - ведь у них репрессированные отцы. Комсорг школы, довольно хорошая девушка, обещала узнать, и через несколько дней сказала, что их разрешили принять, несмотря на это обстоятельство.

Тогда обстановка в стране была напряженная, и это отражалось на школе. В то время на уроках учителя периодически предлагали детям вычеркивать некоторые строки в учебниках по истории и заклеивать фотографии. Сима уже в 7 классе стала понимать, что все неправда. Домой к ним тогда часто приходил сослуживец матери Вячеслав Рикман, который любил поязвить о политике. Тогда Сима

еще защищала Ленина, считая, что последователи испортили его идею, на что Рикман отвечал, что не все так просто, и что он сидел в тюрьме еще в 1920-м году.

Учеба в университете

После войны Сима в 1945 году поступила на Филологический факультет МГУ. Там у нее появилось много новых друзей. Среди них был А.Есенинын-Вольпин - математик, поэт, позднее – один из лидеров диссидентского движения:

«Я помню, что, когда я была на первом курсе, со мной познакомился Алик Есенин-Вольпин, который был тогда в аспирантуре или на последнем курсе – он был старше намного, и он учился на мехмате. Там у нас была галерея, где все гуляли и все разговаривали, и он любил тоже гулять по этой галерее. И он маленькой девочке-первокурснице говорил всякие такие вещи. Провожал домой, и я была в ужасе, что он нес, с моей тогдашней точки зрения. То есть я тоже так думала, но мне было так страшно, но и вместе с тем было очень интересно.» (И.А. Шеманов «Разговор поколений»).⁵

В группе, в которой училась Сима, были интересные студенты. Многие из них потом стали знаменитыми - это переводчицы Софья Фридлянд, Татьяна Величко, известный литературовед Павел Топер. В университете она познакомилась и подружилась на всю жизнь с Валентиной Мамоновой (матерью актера и певца Петра Мамонова), Тамарой Каплан (Майской), ставшей в дальнейшем писательницей в США. Вместе с ней в университете учился Лев Гинзбург, в дальнейшем ставший переводчиком немецкой средневековой поэзии. Он был влюблен в Симу. Хотя Сима не отвечала ему взаимностью, он посвятил ей сборник стихов.

«На пятом курсе на нас свалилась новая напасть. Началась борьба с космополитами. <...> С факультета выгнали всех хороших преподавателей еврейской национальности. <...> Кое-кого ещё и посадили: прекрасного преподавателя западной литературы Пинского. Арестовали нашего сокурсника Геннадия Файбусовича. Впоследствии он стал писателем. Живёт в Германии и пишет под псевдонимом Борис Хазанов» (Т.Г. Майская «Памяти подруги»).⁶

Окончание университета и начало работы

Школу Сима окончила с золотой медалью и поступала в МГУ. В 1945 году было некоторое послабление, брали евреев, в анкетах не требовалось писать место нахождения или смерти родителей.

И Сима в анкете в графе «родители», написала просто года смерти отца и матери. Однако в 1950-м году при поступлении на работу требовалось заполнять подробные анкеты, где она должна была писать все подробно о родителях, и ей было трудно устроиться на работу.

Второй причиной, по которой ей трудно было найти работу, была та, что Сима была еврейкой. Если в 1945 году евреев принимали в университет, то уже через три года ситуация изменилась. Еще на пятом курсе к ним приходили на факультет из Радиокomiteта и предлагали работу. Но после заполнения анкеты Симу не взяли. По распределению ей выпало ехать в Свердловск. Сначала она стала искать работу в Москве, но ее никто не брал, и Сима решила ехать в Свердловск.

«У меня в Свердловске жили родственники со стороны отца. Мы списались со знакомыми в Свердловске, которые обратились в РОНО и договорились, что меня не пошлют работать в область, а я буду работать в школе в городе. Я уже купила билет. Ко мне стали приходиться прощаться однокурсники, среди которых была Тамара Каплан. И вот, Тамара спрашивает:

— Зачем тебе ехать в Свердловск?

Я говорю:

— А вдруг меня там спохватятся?

На что Тамара сказала:

— Вот когда они начнут тебя разыскивать, то тогда и будешь думать. А вдруг не вспомнят.

Я сдала билет. В Свердловске обо мне никто и не вспомнил. Тем временем я продолжала устраиваться и в редакции, и преподавателем в ВУЗы, но у меня ничего так и не получилось».

Вот, как-то в сентябре, из школы приходят дочки соседки по коммунальной квартире и рассказывают, что их учительница немецкого языка заболела, у нее инфаркт. Сима решила попытаться пойти учителем временно на это место, хотя ей очень не хотелось. Когда она пришла в школу, то оказалась, что директор школы ее знает, так как перешла из той школы, которую Сима кончала и где зарекомендовала себя как ответственная и способная девушка. Директор сказала, что поможет Симе, если вдруг придет запрос из Свердловска. Так Сима проработала в школе до выхода прежней учительницы, до января.

Потом, вновь ища работу, Сима разговорилась с заведующей библиотекой, куда любила ходить читать, и заведующая договорилась, чтобы ее взяли в соседнюю библиотеку библиотекарем. Устраиваясь туда, не надо было заполнять подробную анкету с данными о родителях.

Когда умер Сталин, она уволилась из библиотеки и попыталась опять искать работу, но так и не получилось. В районе была библиотека для слепых - туда она и устроилась.

В этой библиотеке были интересные знакомства. Там Сима познакомилась с Ильей Габайем, тогда студентом Педагогического института, поэтом, будущим диссидентом и арестантом, из компании Визбора и Кима. Сима вспоминает о работе в библиотеке: «Когда я работала в библиотеке для слепых, какое-то время я курировала районные и областные библиотеки для слепых. Это было прекрасно, потому что я ездила в чудесные города: в Астрахань, в Смоленск, в Саратов. Я жила в гостиницах. Я так люблю гостиничную жизнь. Было то, что я люблю... Путешествие. Завтракать в буфетах, ужинать в номере – одна или с кем-нибудь. Ходить, достопримечательности смотреть. Как на курорте. А по Московской области я любила ездить в автобусе – сидеть и в окно смотреть.»⁷

Работа в области лингвистики

Через три года, в 1957 г. ее однокурсница предложила ей перейти работать в лабораторию машинного перевода в академический Институт точной механики и вычислительной техники. Там Симе дали пробную работу, результат устроил начальство, и ее зачислили старшим техником-лаборантом. Многие, работающие там, были выпускниками МГУ, МГИМО. Работали там тогда на больших вычислительных машинах, занимающих зал. Информацию переводили на перфокарты. В этом институте Сима приобрела двух подруг, с которыми дружила до самой смерти. Это лингвист Татьяна Михайловна Николаева и Александра Александровна Раскина. А.А. Раскина вспоминает об этом периоде жизни:

«Мы познакомились с Симой в конце 1959 г. Я только той осенью поступила на вечерний филфак МГУ и должна была работать. С огромным трудом, хотя и на временную должность, удалось Вяч. Вс. Иванову, замечательному лингвисту и замечательному человеку, взять меня лаборантом в лабораторию машинного перевода ИТМиВТ (Института точной механики и вычислительной техники), которой он тогда заведовал. <...> Мне было 17 лет, Симе 31, но, странным образом, мы подружились. Сима меня сразу же взяла под свое крыло, и благодаря этому я избежала многих сложностей, неловкостей, конфликтов, попавши в сложную взрослую среду сразу из кокона семьи и школы. (А.А. Раскина «Сима, как я ее помню»)⁸.

Участвуя в работах по машинному переводу, Сима понемногу вовлекалась в лингвистическую проблематику. А.А. Раскина пишет:

«Я считаю, что Сима была лингвистична до мозга костей, изумительно чувствовала слово, глубоко понимала, как какой язык устроен, и как и что надо переводить, какие когда подыскивать конструкции и структуры. Она всё это знала, понимала и чувствовала <...>. А что Сима была необыкновенно способна к лингвистике, так это не только мое скромное мнение. Наш патриарх языкознания А.А. Реформатский, у которого Сима в конце 1950-х училась в заочной аспирантуре, говорил о ней: «Вот ведь как, работала в какой-то библиотеке, никому не известная, а взяла и расцвела там для структурной лингвистики!»⁹

Уже с 1958 года Сима начинает участвовать в научных конференциях по машинному переводу и прикладной лингвистике, публикует в сборниках тезисы своих докладов. В том же 1958-м увидела свет и ее первая большая статья о немецко-русском словаре многозначных слов для машинного перевода (список ее лингвистических трудов опубликован в приложении к этой статье). У нее складывается определенная репутация среди специалистов. Поэтому в сентябре 1960 г. Симе предложили перейти в сектор лингвистики в Институт русского языка Академии наук, когда работы по машинному переводу в ИТМ и ВТ стали свертываться. Проработала Сима в институте восемь лет.

В эти годы её научные интересы изменились и расширились. Так, вместе с В.В. Шеворошкиным и И.В.Альтман она опубликовала ряд работ по фонетике и фонологии. С Инной Владимировной Альтман ее связали многие десятилетия дружбы. В секторе собрался хороший и интересный коллектив.

Александра Раскина вспоминает о тогдашнем периоде работы и Симиных впечатлениях. «Ю.Д. Апресян, еще не слишком известный тогда широкой лингвистической общественности. Сима мне очень скоро сообщила: «Имей в виду, Апресян – гений. Попомни мои слова, он будет знаменитый, не меньше Мельчука». Игорь Мельчук был у нас лингвист номер один, мы все на него молились, и я подумала: «Ну, это Симахватила! «А оказалось, что нет».¹⁰

Объединяла сотрудников Сектора структурной лингвистики не только наука. Двое из них, Лариса Богораз и Константин Бабицкий, вместе с пятью другими правозащитниками 25 августа 1968 г. выйдут на Красную площадь с протестом против вторжения советских войск в Чехословакию. Сима и Лариса были ровесницами и обе жили на Украине во время голодомора (1932–1933 г.). В то время в Харькове все вокруг хвалили Сталина и власть, однако Сима видела много бедствующих людей, приходящих из деревень в города, людей, лежащих на улице и просящих милостыню. Тогда её не смущало, что существует такое противоречие - она была далека от политики до тех пор, пока не осталась одна в этом мире, потеряв родителей. А Ларису

Богораз, по ее словам, уже в детстве поражало противоречие между тем, что говорят взрослые, и тем, что она видела вокруг. Очевидно, правозащитники уже сызмала видят мир в другом ракурсе.

С середины 1960-х годов общественно-политическая ситуация в стране стала ужесточаться. Сотрудники сектора обменивались запрещенной литературой, подписывали письма в защиту осужденных диссидентов. Сима подписала тогда пять таких писем. После этого, боясь обысков, она отдала все письма матери из лагеря и другие документы в семью своей тети Раисы. Но обыска у нее так и не было.

Памятна история с гонениями на преподавателя Московского государственного университета профессора В.Д. Дувакина, которым он подвергся за то, что во время суда над Андреем Синявским, его любимым учеником, не стал, подобно некоторым коллегам, осыпать подсудимого несправедливыми обвинениями, а сказал честные и искренние слова о его научном таланте и успешной работе. Учёный совет филфака потребовал уволить уважаемого профессора за его «несоответствие занимаемой должности». Естественно, это вызвало решительный протест многочисленных учеников Дувакина. Среди них была и Сима. Тогда, зимой 1966 года, она с несколькими друзьями пришла к Виктору Дмитриевичу и спросила, чем можно ему помочь. Курьёзно, что Виктор Дмитриевич, не узнав её, сказал: «Вы, кажется, с того курса, на котором была Белокриницкая?». Он помнил талантливую студентку, занимавшуюся у него в семинаре по теории литературы. Не помня её лицо, он запомнил её работы.

Выяснив, как нужно поступить, чтобы не вызвать нездорового ажиотажа, Сима и её товарищи составили письмо ректору МГУ с просьбой не лишать работы проф. Дувакина. Это письмо, убедительное и тактичное, подписали ещё пять сотрудников Института русского языка. Конечно, в числе многих аналогичных писем, и оно повлияло на относительно благоприятное решение судьбы опального профессора: для него нашлась работа в Университете, правда, не связанная с преподаванием.¹¹

Кого-то из ее знакомых в этот период арестовали, и Сима, боясь неприятностей, решила лечь в больницу. «В это время меня послали на конференцию в Минск. Я зашла в отдел кадров и написала заявление на отпуск – пять дней за свой счет, объяснив, что хочу после конференции поехать навестить своего двоюродного брата Сергея Бараца в Калининград. После конференции я действительно поехала в Калининград, объяснила свои проблемы брату и попросила положить меня к нему в больницу, где тот тогда работал врачом. Меня положили в отделение гастроэнтерологии и делали множество различных неприятных исследований» – вспоминала Сима.

Переводческая деятельность

Сразу после перехода в Институт русского языка Сима стала редактировать какие-то книги и работать в бюллетене «Новые книги за рубежом», что помогло ей войти в курс зарубежного литературного процесса. Вскоре она стала систематически заниматься переводами. Свою переводческую деятельность Сима описала в интервью Александре Поливановой:

«Первым языком я учила немецкий, вторым у меня был английский. Скандинавской специализации в наш год не было. На третьем курсе мы с моей однокурсницей Татьяной Алексеевной Величко поняли, что хотим изучать какой-нибудь еще язык, хотя бы просто потому, что одними английским и немецким не прокормимся. И вот, нам дали шведский, преподавал его Владимир Дмитриевич Аракин, и, кроме того, Владимир Петрович Неустроев стал нам читать спецкурс по скандинавской литературе. <...> мои приятельницы Т.А. Величко и Валентина Петровна Мамонова писали дипломы именно у него, а я все же писала по немецкой литературе.

<...> Заканчивали университет мы в начале пятидесятых годов, в это время началось дело врачей, еврейские гонения, арестовывали наших преподавателей, наших однокурсников. Только в 1957 году я поступила в заочную аспирантуру Института языкознания и работала в отделе машинного перевода, там я еще год учила шведский. А В. П. Мамонова и Т.А. Величко, у которых анкеты были получше, чем у меня (я, во-первых, еврейка, а, во-вторых, у меня были репрессированы родители), устроились работать в скандинавскую редакцию «Радиокомитета», там они уже имели дело и со скандинавистами, и с самими скандинавами». ¹² Они тогда стали переводить, и Симу тоже пытались пристроить.

«На первом курсе я писала курсовую у Виктора Дементьевича Дувакина, которого потом преследовали, потому, что он учил Синявского, и где-то осмелился сказать, что это был его лучший ученик, а мы, наоборот, писали потом письмо в защиту Дувакина... И вот этот Дувакин мне написал в рецензии: «В выборе факультета вы не ошиблись». <...> И одной из моих очень приятных работ было рецензирование в закрытом бюллетене немецких спецхрановских книг. Я обожала все запрещенные книги. Там мне однажды и попался сборник рассказов Белля, из-за каких-то рассказов этот сборник попал в спецхран, а какие-то были вполне лояльные. И я три рассказа решила перевести. А со мной в Институте языкознания работала лаборанткой такая девочка Саша Раскина. И Саша мне сказала, что у них сейчас живет подруга ее матери, переводчица, и предложила показать ей мои рассказы. А этой переводчицей была Нора Галь.

Нора Галь очень одобрила мои переводы, дала мне еще какие-то рассказы из сборника, в который сама переводила. Фрида Абрамовна Вигдорова (мама Саши) развезла эти рассказы по редакциям, их опубликовали — и вот так вот я стала переводить. Ну, а потом уже, как я говорила, мне стала подкидывать работу В.П. Мамонова.»¹³

В начале своей переводческой деятельности, когда Сима, Валентина Мамонова и другие переводили рассказы для сборника «Современная шведская новелла», они по этим переводам проводили семинары: читали и обсуждали переводы друг друга. В дальнейшем Сима посещала и другие семинары.

«Вот потом уже я занималась в переводческом семинаре с английского языка под руководством Е.Д. Калашниковой и М.Ф. Лорие. И конечно, их семинар был совсем на другом профессиональном уровне. Для меня образцом работы переводчика всегда была Кашкинская школа. А в нашем семинаре, как мне кажется, каждый рецензент, которому доставалось редактировать тот или иной рассказ, как мог, по своему разумению, критиковал текст. В этом семинаре тогда активно участвовал, редактировал В. Хинкис. Потом такая Евгения Грищенко. Был какой-то переводчик, который перевел “Сагу о Йёсте Берлинге” так, что ни в какие ворота не лезло. А это была книга, которую мы все читали в университете, она нам казалась такой красивой, такой поэтичной. И даже многие переводчики, впоследствии ставшие мастерами, тогда переводили очень средненько. Потому, что не было никакой традиции, у нас не было учителей из предыдущего поколения (какие были у переводчиков с английского языка), мы все были самоучками. Одним словом, переводы там исполнялись не на самом высоком уровне, но мы все старались, читали друг друга, читали какую-то теоретическую литературу. Как мне кажется, ленинградские переводчики ничего этого не делали, и не видели в переводе ничего, кроме механической работы. Но зато научная школа, конечно, в Ленинграде была гораздо более развита, чем в Москве. У Стеблин-Каменского в аспирантуре училась Светлана Неделяева, она и переводила, и писала работы по истории скандинавской литературы. И в Ленинграде же работал Дмитрий Михайлович Шарышкин.

Примерно раз в два года в разных городах устраивались скандинавские конференции, и с тех пор, как я устроилась работать в “Прогрессе”, я стала на них бывать. Как правило там выходили докладчики и начинали пересказывать содержание произведений. И единственный человек среди литературоведов, который делал интересные доклады, был Шарышкин. Он был безусловно талантливым человеком, и у него была методология, которой тогда не было

у скандинавистов вообще. Когда появилась Элеонора Леонидовна Панкратова, я ее сразу полюбила, потому что у нее были любопытные мысли. Она не пересказывала содержание произведений, а что-то придумывала сама. А в целом эта отрасль была в невероятно запущенном состоянии. Не было литературоведов.

Когда я стала работать редактором, и мне надо было заказывать предисловия и комментарии, я стала опираться на Альфреда Александровича Мацевича (мне его порекомендовала Ю.Я. Яхнина), на Бориса Александровича Ерхова, которые работали — один в ленинской библиотеке, другой в библиотеке иностранной литературы, — и это были знающие люди. Была еще такая Ирина Дмоховская. Она работала в отделе комплектования в библиотеке иностранной литературы, а потом уехала в Израиль. У нас ее подвергли страшному остракизму. Сборник шведской поэзии, где она была составителем, сняли с печати, перелопатили весь состав, дали нового составителя, лишь бы не было упомянуто имени. Н.И. Крымова мне говорила: “Мне стыдно, что я дышала с ней одним воздухом”... Но все же И. Дмоховская много успела сделать.

Еще я немного работала с Валерием Павловичем Берковым... С Анатолием Либерманом я совсем мало работала, он тоже уехал в Израиль. Еще, конечно, блестящий знаток датской литературы из Ленинграда — Ирина Петровна Куприянова, я с ней всегда старалась работать.

А переводчик не может быть одновременно и литературоведом. Это все-таки разные профессии. И я очень завидовала переводчикам и редакторам, работавшим с французской, английской, немецкой литературой, потому что в их распоряжении всегда было достаточное количество литературоведов, которые следили за литературным процессом, рекомендовали хорошие книги к изданию и пр. Конечно, когда я только начала работать в “Прогрессе”, мне не хватало для нагрузки одной скандинавской литературы, и я готовила и американские книги, но я изо всех сил пробивала скандинавский “план”.¹⁴

По мере работы в разных местах, Сима приобретала различных друзей. Когда ее редактор Ксения Федорова, занимавшаяся скандинавской литературой, в 1971 году уходила из издательства «Прогресс», она устроила Симу на свое место. В издательстве «Прогресс», а затем «Радуга», Сима проработала 20 лет и оттуда, в возрасте 63 лет, вышла на пенсию. Тогда в 1990-х были сильные изменения, и всех пенсионеров увольняли. Но через несколько лет ее позвали вновь работать в издательство, где она проработала до 75 лет.

Сима любила вспоминать один интересный момент ее жизни. Она переводила со шведского и ей очень хотелось поехать в страну языка, с которого она переводила. В 1988 году группа переводчиков поехала в Стокгольм, а ей отказали.

«И вот в 1988 году шведы пригласили первую делегацию из Советского Союза. И меня в том числе. <...> И вот когда я уже была готова ехать, мне звонит И. Зорина и говорит: «Сильвия Семеновна, вас не пропускает КГБ, Инокомиссия ЦК». Я-то ко всему такому давно была готова. Я была невыездной до этого много лет. Ира мне говорит, чтобы я позвонила какому-то там функционеру, который чем-то может помочь. В половину двенадцатого ночи мне звонит Литвинец, наш главный редактор, и говорит: «Сильвия Семеновна, не волнуйтесь, вы поедете, завтра же я буду звонить в ЦК». Одним словом, все стоят на ушах, Литвинец мне заказывает билет на следующий день, – вся делегация уже уехала. Я провожу целый день в Инокомиссии. А помимо меня, еще не пускают Л.Г. Горлину и О. Вронскую, потому что они мать и дочь, хотя на самом деле, почему их не пускали, я не знаю до сих пор... Но кончилось дело тем, что после невероятных скандалов и перипетий поздним вечером мне привозят из ЦК визу. И на следующее утро я вылетаю. В Швеции меня встречают секретарь Союза шведских писателей и И. Зорина. Меня сразу везут на прием в Ратушу. На приеме в Ратуше присутствовал в частности наш посол Панкин, который говорит: «Я очень рад Вас видеть, мы так за вас боролись!». Он конечно, меня не знал лично, но наши его настроили. Мне рассказали, что когда они были на приеме в каком-то издательстве, и приехал мальчик из посольства, и шепнул кому-то, что меня пустили ехать, то все встали и зааплодировали. И потом еще в какой-то шведской газете была статья про меня. Это был мой звездный час — я прорвала железный занавес!»¹⁵

Умерла Сильвия Семеновна 29.12.2013 года в Москве.

Примечания

- ¹ Здесь и далее все цитаты, при которых не указан источник, записаны автором статьи по личным беседам.
- ² Из интервью С.С. Белокриницкой Александре Поливановой. Цит. по: Жизнь в двух ракурсах: памяти Сильвии Семеновны Белокриницкой : [Электрон. публ.] // Уроки истории XX век : [сайт]. 2014. 7 января. URL : <http://urokiistorii.ru/history/people/51976> (дата обращения 20.12.2015). Впервые это Интервью было опубликовано на сайте «Фенноскандия» 10 июля 2003 г. с названием «Листки из скандинавского мира», но в настоящее время эта публикация недоступна.

- ³ Там же.
- ⁴ Письма Веры к своей дочери представлены в материале: «Мой адрес: поселок Явас...»: лагерные письма Веры Барац»: [Электрон. публ.] // Уроки истории XX век : [сайт]. 2015. 15 марта. URL : <http://urokiistorii.ru/node/52518> (дата обращения 20.12.2015).
- ⁵ Цит. по: Памяти С.С. Белокриницкой / Т.Г. Майская, А.А. Раскина, Л.Г. Стефанчук; Сост. и публ. А. Раскиной: [Электрон. публ.] // Семь искусств: [сайт]. 2014. № 6(53). URL : <http://7iskusstv.com/2014/Nomer6/Raskina1.php> (дата обращения 20.12.2015).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Из интервью С.С. Белокриницкой Александре Поливановой... (см. примеч. 2).
- ⁸ Цит. по: Памяти С.С. Белокриницкой ...
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Из воспоминаний И.В. Альтман. Эти воспоминания были записаны в 2014 г. и готовились к печати в журнале «Лехаим», но публикация не состоялась. Здесь, с любезного разрешения автора воспоминаний, помещен небольшой отрывок из них.
- ¹² Из интервью С.С. Белокриницкой Александре Поливановой. Цит. по: Памяти Сильвии Белокриницкой // Мир перевода / Союз переводчиков России. 2015. № 2(32). С.19-20.
- ¹³ Там же. С. 20.
- ¹⁴ Там же. С. 21-22.
- ¹⁵ Там же. С. 23.

Приложение

Список трудов Сильвии Семеновны Белокриницкой

Список трудов С.С. Белокриницкой демонстрирует в полной мере многосторонность ее интересов и творческой деятельности. Такое разнообразие списка определило его структуру, а также то, что библиографические записи везде даны не в хронологическом, а в алфавитном порядке. Список разбит на три больших раздела: «Лингвистические труды», «Переводы» и «Редакторско-издательская деятельность». Последний раздел, в свою очередь, включает в себя три подраздела: «Редактирование», «Составление» и «Предисловия».

Лингвистические труды

1. Анализ предложенных групп в немецком и английском языках в связи с машинным переводом с этих языков // Питання прикладної лінгвістики: тези доповідей міжвузівської наукової конференції (22-28 вересня 1960 р.) / Чернівецьк. ун-т. Чернівці, 1960. С. 94-95. (Соавт.: Г.А. Тарасова).
2. К вопросу о некоторых фонетических и фонологических явлениях в процессе языковой интерференции // Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии (20-23 мая 1963 г.): тез. докл. / АН СССР. Ин-т рус. языка. Сектор структурной лингвистики. М., 1963. М., 1963. С. 115-119. (Соавт.: И.В. Альтман, В.В. Шеворошкин).
3. К проблеме машинного перевода // Иностранные языки в школе. М., 1959. № 3. С. 14-18.
4. К типологии лексических соответствий (один из подходов к построению языка-посредника), // Совещание по математической лингвистике (15-21 апреля 1959 года): тезисы / ЛГУ. Комитет по прикладной лингвистике при секции речи комиссии по акустике АН СССР. Л., 1959. С. 67. (Соавт.: М.Б. Ефимов, А.А. Звонов, Т.М. Николаева, Г.А. Тарасова).
5. О зависимости строения правил автоматического анализа от типа языка // Питання прикладної лінгвістики: тези доповідей міжвузівської наукової конференції (22-28 вересня 1960 р.) / Чернівецьк. ун-т. Чернівці, 1960. С. 90-93. (Соавт.: Л.Н. Быкова, М.Б. Ефимов, В.М. Жеребин, Вяч. Вс. Иванов, Т.М. Николаева, Г.А. Тарасова).
6. О разработке некоторых вопросов фонетики и филологии в трудах Е.Д. Поливанова // Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова: материалы конференции (9-15 сентября 1964 г. Самарканд): тез. докл. и сообщ. Т.І. Самарканд, 1964. С. 9-13. (Соавт.: И.В. Альтман, В.В. Шеворошкин).
7. О составлении частотного словаря при помощи машины // Тезисы докладов на VI-м пленарном заседании Комиссии, посвященном современной проблематике лексикологии семасиологии 19-21 окт. 1960 г. / Отделение литературы и языка АН СССР. Словарная комис. М., 1960. С. 31-32. Литогр. изд. (Соавт.: К.И. Бабицкий, А.П. Савчук, Д.М. Сегал).
8. Об алгоритме независимого морфологического анализа шведского языка // Машинный перевод. М., 1961. с. 280-294. (Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР). (Соавт.: Т.Н. Молошная).
9. Один из подходов к построению лексики языка-посредника // Машинный перевод. М., 1961. С. 5-16 (Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР). (Соавт.: Г.А. Волчек, М.Б. Ефимов, А.А. Звонов, Т.М. Николаева, Г.А.Тарасова).
10. Опыт применения вероятностных методов к изучению некоторых проблем перевода // Конференция по вопросам теории и методики преподавания перевода (24-27 ноября 1964 г.): тез. докл. / 1-й Мос. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1964. С. 11-12.

11. Построение словообразовательного словаря на основе аппликативной порождающей модели // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам (Кязрику, 1967): тез. докл. Тарту, 1967. С.134-136. (Соавт.: С.К. Шаумян, П.А. Сорболева, И.В. Альтман, Г.А. Смирнова).
12. Принципы составления словаря для независимого анализа немецкого языка при машинном переводе // Тезисы докладов на VI-м пленарном заседании Комиссии, посвященном современной проблематике лексикологии семасиологии 19-21 окт. 1960 г. / Отделение литературы и языка АН СССР. Словарная комис. М., 1960. С. 33-34. Литогр. Изд.
13. Принципы построения словаря для независимого анализа немецкого языка при машинном переводе // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5. С.84-92.
14. Принципы составления немецко-русского словаря многозначных слов для машинного перевода // Сборник статей по машинному переводу. М., 1958. С. 89-100 (Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР).
15. Различные типы омонимии и способ их различения при машинном переводе (На материале английского, немецкого, русского, китайского и японского языков) // Вопросы языкознания. 1960. №2. С. 97-101. (Соавт.: А.А. Звонов, М.Б. Ефимов, Т.М. Николаева, Г.А. Тарасова).
16. Структура словаря и правила анализа немецкого слова, // Машинный перевод. М., 1961. С. 204-221. (Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР).
17. Установление соответствий между языками для машинного перевода // Питання прикладної лінгвістики: тези доповідей міжвузівської наукової конференції (22-28 вересня 1960 р.) / Чернівецьк. ун-т. Чернівці, 1960. С. 88-89. (Соавт.: К.И. Бабицкий, Л.Н. Быкова, В.А. Долгова, Вяч.Вс. Иванов, Т.М.Николаева).

Переводы

1. *Абель К.* Силькеборг // Современная датская пьеса: пер. с датск. М.: Искусство, 1974.
2. *Андерсен Х.К.* Всего лишь скрипач: роман: пер. с датск. М.: Текст, 2001.
3. *Андерссон Дан.* Человек, который продал свою душу // Шведская новелла XIX-XX веков: пер. со шведск. М.: Худож. лит., 1964.
4. *Бёлль Г.* Как в плохих романах. Вокзал в Цимпрене // Собрание сочинений: пер. с немецк. Том 2. М.: Худож. лит., 1990.
5. *Бергман И.* Улыбки летней ночи // *Бергман И.* Осенняя соната: киноповести. пер. со шведск. М.: Известия, 1988.
6. *Бликсен Карен.* Пир Бабетты // *Бликсен Карен.* Пир Бабетты: рассказы: пер. с датск. М.: Известия, 1990.
7. *Боон Л.-П.* Год тысяча девятьсот первый // Избранное: пер. с нидерланд. М.: Прогресс, 1980.
8. *Борген Ю.* Зимнее море. Семейный портрет // Избранные новеллы: сборник: пер. с норв. М.: Радуга, 1984.

9. *Вакенродер В.-Г.* Фантазии об искусстве: пер. с немецк. М.: Искусство, 1977.
10. *Ван Акен Пит.* Кирпичный завод; *Боон Луи Поль.* Сладка жизнь Помпон // Рассказы бельгийских писателей: пер. с фламандск. и франц. М.: Прогресс, 1968.
11. *Волкерс Я.* Снежный человек; *Хейзинга Л.* Деньги. Полуденные мухи; *Коссман А.* Возвращение // Красный бук. Рассказы и повести: пер. с голландск. М.: Прогресс, 1971.
12. *Гамсун К.* Женщины у колодца: роман // *Собрание соч.* В 6 т.: пер. с норвежск.: М.: Худож. лит., 1996. Т. 4. (В соавт. с др.переводч.)
13. *Гьеллеруп К.* Мельница: кн. 4-5 // *Гьеллеруп К.* Мельница; *Йоханнес В.Й.* Избранные произведения: пер. с датск. М.: Панорама, 2000.
14. *Дюрренматт Ф.* Судья и его палач // Судья и его палач: швейцарский детективный роман: пер. с немецк. М.: Республика, 1993.
15. Карлье Либера. «Форум» выходит в эфир: пер. с фламандск. М.: Прогресс, 1969. (В соавт. с др.переводч.)
16. *Кармиггелт С.* Свобода. Это уж чересчур! Терпение. Билет. После стольких лет! Звезды. Счастливое детство. Наш современник. Письмо. Юфрау Фредерикс; *Волкерс Ян.* Снежный человек; *Мюлиш Гарри.* Граница. Усовершенствованный человек; *Ден Ойл Б.* Крабы в консервной банке. Человек без стадного инстинкта. Убийца // Современная нидерландская новелла: пер. с нидерл. М.: Прогресс, 1981.
17. *Кармиггелт С.* Сигара. Слово. Вранье. Розовые гвоздики. Свобода. Это уж чересчур! После стольких-то лет! Звезда. Счастливое детство. Наш современник. Письмо. Юфрау Фредерикс. Терпение. Билет // *Кармиггелт С.* Несколько бесполезных соображений. Короткие рассказы: пер. с нидерл. М.: Радуга, 1984.
18. *Клаус Х.* Сахар // Избранное: сборник: пер. с франц. М.: Радуга, 1991.
19. *Лампо Х.* Недермюнистерская мадонна // *Лампо Х.* Принц Магонский: сборник: пер. с нидерланд. М.: Радуга, 1982.
20. *Линдстрём П.* Жизнь продолжается; *Круна Б.* Пилюля злосчастья. Фред – Продавец звезд. Мат в один ход. Провидец. Неудавшееся вторжение. В плену дождя // Цвет надежд – зеленый: сборник науч.-фантаст. произведений: пер. со шведск. М.: Мир, 1982.
21. *Маркелль Хеннинг.* Тени вырастают в сумерках. Вторая повесть про Юэля: пер. со шведск. М.: МИК, 1999.
22. *Минко М.* Мамина деревня. Возвращение // *Минко М.* Стекланный мост: сборник: пер. с нидерл. М.: Радуга, 1989.
23. *О`Коннор Ф.* Гипсовый негр // *О`Коннор Ф.* Мудрая кровь: пер. с англ. СПб.: Азбука-классика, 2005.
24. *О`Хара Дж.* У порога. Броненосец и Мэдж // *О`Хара Дж.* Жажда жить: роман и рассказы: пер. с англ. М.: Прогресс, 1970.
25. *Огрен Лео.* Смертный грех; *Огрен Йёста.* Весенним вечером 1918 года; *Сувльей фон Шульц,* Шаль // Куст шиповника и другие рассказы: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1964.
26. *Притчетт В.С.* Свадьба // *Притчетт В.С.* Птички в клетках: сборник: пер. с англ. М.: Радуга, 1988.

27. *Притчетт В.С.* Свадьба // *Притчетт В.С.* Фантазеры: рассказы: пер. с англ. М.: Известия, 1987.
28. *Рейслинк В.* Мертвый сезон // *Рейслинк В.* Мертвый сезон: повести, рассказы: пер. с нидерл. М.: Радуга, 1987.
29. *Сандель К.* В счет долга. Семейство Линделевов // *Сандель К.* У пыльного шоссе: пер. с норвежск. М.: Прогресс, 1966.
30. *Стриндберг А.* Портной задает бал // *Стриндберг А.* На круги своя: повести и рассказы: пер. со шведск. М.: Текст, 2002.
31. *Тик Л.* Странствия Франца Штернвальда: пер. с немецк. М.: Наука, 1987.
32. *Уилсон Э.* Классом выше // *Уилсон Э.* Рассказы: пер. с англ. М.: Худож. лит., 1985.
33. *Уилсон Э.* Классом выше // *Уилсон Э.* Что едят бегемоты: пер. с англ. М.: Известия, 1983.
34. *Фицджеральд Ф.С.* «Самое разумное» // Избранные произведения: пер. с англ. Том.3. М.: Сварог, 1993.
35. *Флэгстат Х.* Наш незабвенный; *Линдстрём М.* Сказка про Господина Черепаху // Повороты: рассказы норвежских и российских писателей: пер. с норвежск. М.: Худож. лит., 1993.
36. *Фолкнер У.* Развод в Неаполе // *Фолкнер У.* Собрание рассказов :пер. с англ. М.: Наука, 1979.
37. *Франк Анна.* Убежище. Дневник в письмах: пер. с нидерл. М.: Текст, 1999. (В соавт. с др.переводч.)
38. *Хайсмит П.* Талантливый мистер Рипли: роман: пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. (В соавт. с др.переводч.)
39. *Хиллиард Н.* Кусок земли // Новозеландские рассказы: пер. с англ. М.: Худож. лит., 1963.
40. *Шмидт А.М.* Виплала. Снова Виплала: пер. с голландск. М.: Рудомино, 1996.
41. *Элсхот В.* Вилла роз. Сыр. Танкер // *Элсхот В.* Вилла Роз: роман. Силки: роман. Сыр: роман. Танкер: повесть. Блуждающий огонек: повесть: пер. с фламандск. М.: Прогресс, 1972. (В соавт. с др.переводч.)
42. *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии: пер. со шведск. М.: Новое лит. обозрение, 2009. Главы 1-15. (В соавт. с др.переводч.)
43. *Юнсон Эйвинд.* Дни ее тревоги. Зимняя игра. На новой дороге // *Юнсон Эйвинд.* Зимняя игра: рассказы: пер. со шведск. М.: Известия, 1986.
44. *Юнссон Торстен.* Бог правду видит. Арнёр Сивар. Панорама // Панорама: сборник рассказов: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1967.

Редакторско-издательская деятельность

Редактирование

1. *Айзенрайх Х.* Эстет // *Айзенрайх Х.* Голубой чертополох романтизма: пер. с немецк. М.: Прогресс, 1982.
2. *Арнэр С.* Стать другим человеком: рассказы: роман: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1977.

3. Башня на краю света. Современная датская повесть: пер. с датск. М.: Радуга, 1983.
4. *Белькампо*. Рассказ Остерхёйса // Избранное: сборник: пер. с нидерл. М.: Радуга, 1987.
5. *Бодельсен А.* Дотла: пер. с датск. М.: Радуга, 1985.
6. *Борген Ю.* Избранное: пер. с норвежск. М.: Прогресс, 1979.
7. Бриллиантовая свадьба. Повести и рассказы писателей Финляндии: сборник: пер. с финск. и шведск. М.: Радуга, 1989.
8. *Бьёрнебу Е.* Акулы: роман: пер. с норв. М.: Радуга, 1985.
9. *Валё П.* Гибель 31-го отдела; *Валё П., Шеваль М.* Наемные убийцы: романы: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1981.
10. *Валё Р., Шеваль М.* Наемные убийцы: роман: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1978.
11. *Вальтер О.Ф.* Немой. Фотограф Турель: романы: пер. с немецк. М.: Молодая гвардия, 1974.
12. *Ванделоо Й.* Стена: роман, повести, рассказы и сценарии: пер. с нидерл. М.: Радуга, 1983.
13. Великанова купель. Норвежская новелла 70-80-х гг.: сборник: пер. с норв. М.: Радуга, 1989.
14. Взрыв. Повести писателей скандинавии: пер. со шведск., норв., датск. М.: Радуга, 1988.
15. Голос далекого острова. Поэзия и проза писателей Гренландии: сборник. М.: Радуга, 1988.
16. *Дюрренматт Ф.* Пилат. Минотавр // Избранное: сборник: пер. с немецк. М.: Радуга, 1990.
17. *Киннунен Эйно.* Воробьиная полька: пер. с финск. М.: Прогресс, 1976.
18. *Лагерквист П.* Сборник: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1981.
19. *Латур А.* Дама в истории культуры: пер. с немецк. М.: Аграф, 2002.
20. *Линдгрэн Т.* Путь змея на скале: сборник: пер. со шведск. М.: Радуга, 1991.
21. *Мартинсон Х.* Избранное: пер. со шведск. М.: Радуга, 1984.
22. *Мулин Ларс.* Взрыв: пер. со шведск. М.: Прогресс, 1974.
23. *Нейссел А.* Игра деньгами: роман: пер. с нидерл. М.: Прогресс, 1967.
24. *Пру Сюзанна.* Воскресные визиты: романы и повесть: пер. с франц. М.: Радуга, 1986.
25. *Сигурдардоттир Я.* Песнь одного дня. Сага из жизни Рейкьявика. Петля: пер. с исландск. М.: Прогресс, 1974.
26. *Скифтесвик Й.* Погребённая стоя: роман и рассказы: пер. с финск. М.: Радуга, 1988.
27. Современная норвежская новелла: пер. с норв. М.: Прогресс, 1977.
28. Современный норвежский детектив: сборник: пер. с норв. М.: Радуга, 1986.
29. *Стиген Терье.* На пути к границе: пер. с норв. М.: Прогресс, 1974.
30. *Трульс Эра.* Роман о Хельге Хауге: пер. с норв. М.: Радуга, 1985.
31. *Туури А.* Река течет через город: роман: пер. с финск. М.: Радуга, 1985.
32. *Фосс Т.* Добрые намерения // Датская новелла XIX-XX веков: пер. с датск. Л.: Худож. лит., 1967.

33. *Хавреволл Ф.* Это Карл Юхан пришел с цветами // Норвежская новелла XIX-XX веков: пер. с норвежск. М.: Худож. лит., 1974.
34. *Хайнесен В.* Черный котел. Пропавшие музыканты: пер. с датск. М.: Прогресс, 1975.
35. *Харт М.* Полет кроншнепов: роман: рассказы: пер. с нидерл. М.: Радуга, 1985.
36. *Хеллер Дж.* Что-то случилось: роман. М.: Прогресс, 1978.
37. *Хель С.* Заколдованный круг. роман: пер. с норв. М.: Прогресс, 1975.
38. *Хенриксен В.* Королевское зеркало: романы: пер. с норв. М.: Радуга, 1990.
39. *Холт К.* Тризна по женщине. Морской герой: романы: пер. с норв. М.: Радуга, 1982.
40. *Хольст К.* Промокший человек; *Хольм С.* Кто ваш враг?; *Далеруп У.* Один день, за ним другой день // Современная датская новелла : пер. с датск. М.: Прогресс, 1971.
41. *Хольст Э.* Мужчина на краю постели: роман: пер. с немецк. М.: Радуга, 1998.
42. *Хувинен В.* Министр по делам окружающей среды: повести и рассказы: пер. с финск. М.: Радуга, 1991.
43. *Юлленстен Л.* Смерть Сократа. В тени Дон-Хуана: романы: пер. со шведск. М.: Радуга, 1984.
44. *Юнсон Э.* Избранное: сборник: пер. со шведск. М.: Радуга, 1988.
45. *Янсон Т.* Честный обман: Повести и рассказы: пер. со шведск. М.: Радуга, 1987.

Составление

1. *Вернер фон Хейденстам.* Стихотворения. Из исторической хроники «Войны Карла XII». Рассказы. Драматические сцены. Творческий путь Вернера фон Хейденстама: пер. со шведск. М.: Панорама, 1999.
2. Сидр для бедняков. Современная нидерландская повесть: сборник: пер. с нидерл. М.: Прогресс, 1980.
3. Современный нидерландский детектив: сборник. М.: Радуга, 1983.

Предисловия

1. *Вад Поул.* Много ли человеку надо?: пер. с датск. М.: Молодая гвардия, 1970.
2. *Лагерквист П.* В мире гость: пер. со шведск. М.: Молодая гвардия, 1972.

Abstracts

Sergei Gindin

ON TWO LINGUISTIC ANNIVERSARIES OF THIS YEAR

In 2015 we celebrate twenty years of the Moscow Linguistic Journal (MLJ) and fifty years of the “Meaning – Text” Theory. The editorial treats the influence of these two events on the composition of this issue of the MLJ.

Key words: Moscow Linguistic Journal, “Meaning \leftrightarrow Text” Theory, Igor Mel’čuk, Aleksandr Zholkovski.

Ketevan Gadilia

SOME NOTES ON HISTORY OF INVESTIGATION OF PERSIAN ARTICLE

This paper demonstrates main directions in scholarly research of the article in the Persian language, from the late 18th century to the present day. The sources of this survey include grammars and other studies of Persian that were published in Great Britain, Germany, France and Russia.

Key words: Persian language, article, category of definiteness and indefiniteness.

Degtyareva Anna

ON SEMANTICS OF THE JAPANESE «TARI FORM»

The paper deals with the semantic properties of the most common and specific forms of Japanese language – the so called representation form with the suffix *-tari*. Depending on the context this form can express both neglect and courtesy, but all these pragmatic effects are only derived from the main meaning of vagueness, which «*tari form*» contains.

Keywords: *tari form*, vagueness, representation.

Sofia Lahuti

ON INITIAL AND FINAL REQUISITES OF THE LETTERS IN SHAHNAMEH: BETWEEN THE IRANIAN PRE-ISLAMIC AND IRANIAN-ARABIC TRADITIONS

The object of this study are the letters included to Ferdowsi’s epic poem *Shahnameh* (X c.), written in farsi-dari. The author tries to trace the influence of both pre-Islamic (III-VII c.) and early Islamic (VII-X c.) epistolary traditions. On the structure of the introductory and concluding parts of letters in the poem. The formal structure of the letters from *Shahnameh* is compared to the existing Middle Persian epistolary texts of III-VII c. including the letter-writing manual of the VI c. and the texts from the Arab-Persian tradition.

Key words: epistolography, formal structure of letters, Ferdowsi, *Shahnameh*, Sassanian letters.

George Moroz

ADYGHE VARIETIES IN TURKEY: FROM FIRST DESCRIPTIONS TO THEIR OWN WRITING SYSTEM

This paper presents an analysis of phonological systems of Circassian dialects in Turkey as compared to Circassian phonological systems in Russia. This analysis is based on data from the XIX century (Circassian dictionaries by L. Loewe, Turkish Mavlid) and new dictionaries written in the new Circassian system of writing based on Turkish alphabet as well as on previous phonological research.

Key words: Circassian languages, Adyghe, Kabardian, Phonology, Writing Systems.

Liudmila Fedorova

COMPOUND ADJECTIVES OF INALIENABLE POSSESSION IN RUSSIAN

The category of inalienable possession in Russian can be discovered in models with a zero-suffix that describe the structure of compound Adjectives and Adjectives with prefix *бес-*. These models have restricted productiveness in Russian. Some semantic and phonetic restrictions on their functioning are discussed. It is supposed that the model in question was developed in determining the most important components of the human image.

Key words: inalienable possession, compounds, zero-suffix, Adjectives with prefix *бес-*, the meaning of possession and depriving, the Russian surnames.

Andrey Vanyukov

ABOUT RECONSTRUCTION AND INTERPRETATION OF CIUS' INSCRIPTION

The paper deals with the history of reconstruction and interpretation of Cius' inscription (CIL III 7494 = ILS 770). It was created during the war conducted by roman emperor Valens against Goths in 367-369. Only a half of text has remained, and so a number of hypotheses have been advanced to reconstruct the lost part. Reconstruction proposed by Theodor Mommsen in 1882 enjoys high prestige to this day. Although some efforts to rewrite it were attempted (supported e.g. by H. Dessau), they didn't gain general acceptance. The autor suggests new arguments for rewriting of Mommsens reconstruction.

Key words: Chastagnol; Cius; epigraphy; Goths; ingruo; Mommsen; quinquennalia; Toçilescu; Valens; verbal government.

Irina Rybakova

HOMERIC EPITHETS CHARACTERIZING WEAPONS AND ITS OWNERS IN THE "ARGONAUTICA" OF APOLLONIUS RHODIUS

In this article author analyzes how Apollonius Rhodius uses homeric epithets characterize heroes's weapon to give additional features to the images of Argonauts.

Key words: Apollonius Rhodius, Homer, “Argonautica”, homeric epithets, heroes’s weapon.

Igor Mel’čuk

A GENERAL INVENTORY OF SURFACE-SYNTACTIC RELATIONS IN WORLD LANGUAGES (PART ONE)

A universal list of surface-syntactic relations [SSyntRels] is compiled based on the idea that a SSyntRel **r** is “the same” in different languages if and only if this **r** has the same set of core functions in all these languages (just like the nominative in different languages is still a nominative since it is used everywhere for nomination – its core function; its other functions might be different). A few remarks are formulated on the Deep-Syntactic structure: 12 universal Deep-Syntactic relations are briefly introduced, and a list of 30 fictitious lexemes is presented (they are used in DSyntSs to represent syntactic constructions carrying lexical-type meanings). After a concise characterization of SSyntRels, the paper offers a list of 112 SSyntRels known in world languages: subordinate and coordinate; the subordinate SSyntRels are divided into clause-level and phrase-level SSyntRels, with further subdivision into valence-controlled vs. non-valence-controlled and then into Noun Phrase SSyntRels, Adpositional Phrase SSyntRels, etc.

Keywords: General syntax, dependency syntax, deep-syntactic relations, fictitious lexemes, surface-syntactic relations.

Natalia A. Shemanova

SYLVIA BELOKRINICKAJA: A BIOGRAPHY OF A LINGUIST AND TRANSLATOR

The life of Sylvia Belokrinickaja is shown in the context of political and social history of Russia in the 1930–1980s. The author uses the family documents and records of friendly conversations with her hero. The supplement contains the bibliography of Belokrinickaja’s scientific works and translations.

Keywords: Philological Department of Moscow State University at the late 1940s, History of machine translation and structural linguistics in the USSR, artistic translation, scandinavian literature.

Сведения об авторах

Андрей Сергеевич Ванюков – преподаватель Каф. древних языков Института лингвистики РГГУ. E-mail: a_van_97@mail.ru.

Кетеван Томазовна Гадилія – канд. филол. наук, зав. Каф. европейских языков Ин-та лингвистики РГГУ. E-mail: kt_gadiliya@il-rggu.ru.

Сергей Иосифович Гиндин – канд. филол. наук, профессор, зав. Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, гл. редактор серии «Московский лингвистический журнал» журнала «Вестник РГГУ». E-mail: si_gindin@il.rggu.ru.

Анна Владимировна Дегтярева – аспирант Учебно-научного центра лингвистической типологии РГГУ, преподаватель японского языка в РГГУ. E-mail: mikonito@yandex.ru.

София Валерьевна Лахути – преподаватель Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. E-mail: shurbe@gmail.com.

Георгий Алексеевич Мороз – преподаватель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук в Научно-исследовательском Университете «Высшая школа экономики». E-mail: agricolamz@gmail.com.

Игорь Александрович Мельчук – канадский лингвист российского происхождения. Член Канадского Королевского общества и член-корреспондент Австрийской Академии Наук; доктор Honoris Causa Безансонского университета (Франция). E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca.

Ирина Владимировна Рыбакова – канд. филол. наук, доцент Каф. древних языков Института лингвистики РГГУ. E-mail: rybakova_irina@mail.ru.

Людмила Львовна Фёдорова – канд. филол. наук, доцент Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. E-mail: lfvoxx@yandex.ru.

Наталья Алексеевна Шеманова – психолог, ведущий методист деканата Ин-та лингвистики РГГУ. E-mail: autumn57@mail.ru.

General Data About the Authors

Anna V. Degtyareva – a Postgraduate Student, Linguistic Typology Centre of Institute of Linguistics, RSUH; Instructor of Japanese in RSUH. E-mail: mikonito@yandex.ru.

Liudmila L. Fedorova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Institute of Linguistics (RSUH). E-mail: lfvoux@yandex.ru.

Ketevan T. Gadilia – Candidate of Philology, Head of the Department of European Languages of Institute of Linguistics (RSUH). E-mail: kt_gadiliya@il.rggu.ru.

Sergej I. Gindin – Candidate of Philology, Professor, Head of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics RSUH Executive Editor of the Linguistic Series “Moscow Journal of Linguistics” in “RGGU Bulletin”. E-mail: si_gindin@il.rggu.ru.

Sofia V. Lahuti – Lecturer of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics RSUH. E-mail: shurbe@gmail.com.

Igor Mel'cuk – a Canadian linguist of Russian extraction. He is a Fellow of the Canadian Royal Society and a Corresponding Member of the Austrian Academy of Sciences, as well as a Doctor Honoris Causa of Besancon University, France. E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca.

George A. Moroz – Lecturer in School of Linguistics of the Higher School of Economics in the Faculty of Humanities. E-mail: agricolamz@gmail.com.

Irina V. Rybakova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Ancient Languages of Institute of Linguistics (RSUH). E-mail: rybakova_irina@mail.ru.

Natalia A. Shemanova – a specialist in Psychology, the Documentation manager in the Administration of Institute of Linguistics (RSUH). E-mail: autumn57@mail.ru.

Andrey S. Vanyukov – Lecturer of the Department of Ancient Languages of Institute of Linguistics (RSUH). E-mail: a_van_97@mail.ru.

Заведующая редакцией: *И.В. Лебедева*

Художник: *В.В. Сурков*

Художник номера: *В.Н. Хотеев*

Корректор: *Н.Г. Семенова*

Редактор: *С.И. Гиндин*

Компьютерная верстка: *Н.Г. Семенова*

Подписано в печать 16.12.2015 г.

Формат 60x90 ¹/₁₆

Усл. печ.л. 10,0 Уч.-изд. л. 10,5

Тираж 1050 экз. Заказ № 144

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru